

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 2 (52) · 2021
ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 2 (52) · 2021
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 2 (52) • 2021

Главный редактор

СМЕШКО О. Г. — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

КОСТИН Г. А. — проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

РЫБКИНА М. В. — доктор юридических наук, профессор
ПОКРОВСКАЯ Н. Н. — доктор социологических наук, профессор

Редакционный совет

АГАЕВ Г. А. о. — профессор кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

БЕРГМАНН В. — вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

БОЕР В. М. — декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

БРАЗЕВИЧ С. С. — профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

БУТЕЛЬ Н. В. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е. В. — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

ЕЛИСЕЕВА И. И. — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

ЖИЛЬСКИЙ Н. Н. — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

КОСАРЕВ С. Ю. — заведующий кафедрой криминалистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

КОСТИН Р. А. — заместитель директора по учебной работе Санкт-Петербургского техникума отраслевых технологий, финансов и права, доктор социологических наук, профессор

МАЛЬКО А. В. — профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

МАРГУЛЯН Я. А. — профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

МАРКОВ А. А. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

ОГАНЕСЯН С. М. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

СИЛИНА Е. В. — профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

ЦЫПЛЯЕВ С. А. — полномочный представитель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский университет
технологий управления
и экономики, 2021

SOCIOLOGY AND LAW № 2 (52) • 2021

Editor-in-Chief

SMESHKO O. G. — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

KOSTIN G. A. — Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

RYBKINA M. V. — Doctor of Law, Professor
POKROVSKAYA N. N. — Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

AGAIEV G. A. o. — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

BERGMANN B. — Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor

BOER V. M. — Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

BRAZEVICH S. S. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

BUGEL' N. V. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

VOSKRESENSKAYA E. V. — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

ELISEEVA I. I. — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

ZHIL'SKIY N. N. — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOSAREV S. Yu. — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

KOSTIN R. A. — Deputy Director for Academic Affairs of the St. Petersburg Technical School of Industry Technologies, Finance and Law, Doctor of Social Sciences, Professor

MAL'KO A. V. — Professor of Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

MARGULYAN Ya. A. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MARKOV A. A. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MISHAL'CHENKO Yu. V. — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

OGANESYAN S. M. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

SILINA E. V. — Professor of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

TSYPLYAEV S. A. — Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Ph. D. in Physical and Mathematical Sciences

Editorial Office:
44A Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2021
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.</i> Образ полиэтнического Петербурга в современных СМИ	6
<i>Маргулян Я. А., Данилова Н. И.</i> Вызовы и угрозы российскому обществу в условиях пандемии: проблемы и направления обеспечения социальной безопасности	13
<i>Плешаков И. Н., Селезнев В. Д., Хомутова Н. Н.</i> Информационные и правовые ресурсы в социальной работе: новые технологические вызовы	22
<i>Юмашева И. А., Алеманова Г. Д., Торгунакова Е. В.</i> Управление коммуникационной политикой вуза	30
<i>Шульгина Е. В.</i> О вреде потребления продукции с содержанием никотина и запрете на ее распространение	46
<i>Левицкая А. Н.</i> Проблемы межпоколенного взаимодействия в коммерческих организациях и пути их решения	53

Право в жизни государства и личности

<i>Мишальченко Ю. В., Бугель Н. В., Егорова Е. Л.</i> О реализации норм международного права в конституционно-правовой системе России: теория и практика	66
<i>Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н.</i> Критерии классификации правовых систем	72
<i>Михайлов В. В.</i> Защита российских граждан, проживающих и работающих за рубежом: юридические аспекты.	78
<i>Гаврилова О. В., Носенков А. П., Смольяков А. А.</i> Значение социально-криминологического анализа бытовой сферы жизни общества в предупреждении семейно-бытовой преступности	84
<i>Шаряпова Э. А., Лопатинский И. В., Субботина М. А.</i> О комплексном и устойчивом развитии территории России	91
<i>Борзунова Н. Ю., Маторина О. С., Летунова Е. П.</i> Уголовно-правовая характеристика посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти	96
<i>Левин В. В.</i> Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на правовую систему России ..	104
<i>Полунина А. В.</i> Взаимодействие государственных органов государств — членов ЕАЭС в сфере защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в миграционных правоотношениях	112

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Zavalishin A. Yu., Kosturina N. Yu.</i> Image of Polyethnic Petersburg in Modern Media.....	6
<i>Margulyan Ya. A., Danilova N. I.</i> Challenges and Threats to Russian Society in the Context of the Pandemic: Problems and Directions of Ensuring Social Security	13
<i>Pleshakov I. N., Seleznev V. D., Khomutova N. N.</i> Information and Legal Resources in Social Work: New Technological Challenges	22
<i>Yumasheva I. A., Alemanova G. D., Torgunakova E. V.</i> Management of Communication Policy of the University	30
<i>Shul'gina E. V.</i> On the Dangers of Consuming Products Containing Nicotine and the Ban on Its Distribution.	46
<i>Levitskaya A. N.</i> Problems of Intergeneration Interaction in Commercial Organizations and Ways of Their Solution	53

The Law in a State and Person Life

<i>Mishalchenko Yu. V., Bugel' N. V., Egorova E. L.</i> On the Implementation of International Law in the Constitutional Legal System of Russia: Theory and Practice	66
<i>Zernov A. O., Voskresenskaya E. V., Zhil'skiy N. N.</i> Criteria for the Classification of Legal Systems.....	72
<i>Mikhailov V. V.</i> Protection of Russian Citizens Living and Working Abroad: Juridical Aspects	78
<i>Gavrilova O. V., Nosenkov A. P., Smolyakov A. A.</i> Importance of Social and Criminological Analysis of the Domestic Sphere of Society Life in Preventing Family Crime	84
<i>Sharyapova E. A., Lopatinskiy I. V., Subbotina M. A.</i> On the Integrated and Sustainable Development of the Territory of Russia	91
<i>Borzunova N. Yu., Matorina O. S., Letunova E. P.</i> Criminal-Legal Characteristics of Encroachment on the Health, Personal Integrity, Honor and Dignity of a Representative of the Authorities	96
<i>Levin V. V.</i> Judicial Reform of 1864 and Its Impact on the Russian Legal System ...	104
<i>Polunina A. V.</i> Interaction of State Bodies of the EAEU Member States in the Field of Protection of Constitutional Rights and Freedoms of a Person and a Citizen in Migration Legal Relations	112

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

Образ полиэтнического Петербурга в современных СМИ

*Zavalishin A. Yu., Kosturina N. Yu. Image of Polyethnic Petersburg
in Modern Media*

В статье представлена авторская концепция сущности и соотношения понятий «этнос», «этничность», «нация», «национальность». Обосновано утверждение о том, что понятия «нация» и «национальность» имеют социально-политический смысл, а «этнос» и «этничность» — социокультурный. Сделан следующий вывод: современное коренное население Санкт-Петербурга многонационально, но не полиэтнично, поскольку оно воспроизводит в повседневных практиках не этническую (традиционную) культуру, а национальную культуру России, основанную на русском языке, историческом и культурном наследии всех народов Российской Федерации (РФ). В действительности полиэтничность в Петербурге возникает вследствие присутствия этнических мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Контент-анализ материалов современных СМИ показал, что данная тема не актуальна как для журналистов, так и для жителей города. Публикуемые материалы немногочисленны и малоинформативны. Их целью не является формирование образа полиэтнического Петербурга.

The paper presents the author's vision of the meaning behind the terms: "ethnos", "ethnicity", "nation", "nationality" and the links between them. It is argued that the concepts of "nation" and "nationality" have a sociopolitical connotation, while the notions of "ethnos" and "ethnicity" have a sociocultural one. It is determined that the contemporary native population of St. Petersburg is multinational, but not multi-ethnic, as the culture it perpetuates on a daily basis is not of their cultural origin, but is built on the traditional Russian culture, including its language, historical and cultural heritage of the ethnic groups of Russia. The authentic multi-ethnicity in St. Petersburg exists due to the current of ethnic migrants from the neighboring countries. A content analysis of the modern media sources indicates that the topic of migration is rarely discussed both in professional and amateur environments. The published materials are scarce, uninformative and are not done for the purpose of creating a multi-ethnic identity of St. Petersburg.

Завалишин Андрей Юрьевич — заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор социологических наук, доцент.

Костюрина Надежда Юрьевна — профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор культурологии, доцент.

© Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю., 2021

Ключевые слова: образ, этнос, этничность, нация, национальность, СМИ, Санкт-Петербург.

Keywords: identity, ethnos, ethnicity, nation, nationality, media, Saint Petersburg.

Прежде чем раскрыть суть вопроса, заявленного в названии статьи, нужно внести некоторую ясность при толковании понятий «этнос», «нация», «(много) национальность» и «(поли)этничность». Единый подход в понимании сущности терминов «этнос», «нация», «национальность» в современной науке, как мировой, так и российской, до настоящего времени не сформирован.

В советские годы в отечественной науке слово «этнос» использовалось незначительным количеством ученых, в том числе такими, как Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилёв, С. М. Широкогоров [1; 2; 3], рядом других, а некоторое время даже находилось под неформальным запретом (как «буржуазное»). С 1930-х гг., после опубликования трудов И. В. Сталина по национальному вопросу [4], понятия «этнос», «этничность» и все, с ними связанное, «упаковывалось» в термины «народ», «нация», «национальность»: «национальный вопрос», «межнациональные отношения», «дружба народов», «интернационализм», «советская культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию» и т. д.

Однако в 1970-е гг. с подачи одного из наиболее видных представителей отечественной этнологии — Юлиана Бромлея — понятие «этнос» возвращается в советское обществознание, но зачастую трактуется синонимично с понятием «нация». Попытка «развести» эти два понятия привела к возникновению представления о «двух нациях»: нации-этносе и нации-государстве, как специфических прежде всего для СССР и России. Это привело к еще большей путанице в терминологии и в наши дни породило новый «переходный» термин «этно-национальное» (или «национально-этническое»), который стал широко применяться в общественно-политическом и научном дискурсе. Данное словосочетание предполагало, что между понятиями «этнос» и «нация» существует что-то общее (синонимичное), но присутствуют и принципиальные различия.

В этом аспекте показательна «эволюция» содержания данных терминов в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В исходном документе, принятом в декабре 2012 г. [5], они нередко трактуются как синонимы: например, «многообразие национального (этнического) состава» (ст. 12), «развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений» (ст. 15). Но в новой редакции (с изменениями и дополнениями в декабре 2018 г. [6]) предпринята не вполне последовательная попытка их разделения: понятиям «нация», «(много)национальность» придают в большей степени социально-политический смысл («многонациональный народ... (российская нация)», ст. 12); понятию «этнос» — преимущественно культурологический смысл («этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации», ст. 12). Тем не менее «синонимичность» терминов в этом документе по-прежнему преобладает над различием по их содержанию.

Не вдаваясь в тонкости терминологического анализа, в контексте настоящей статьи под «нацией» будем понимать общность людей, объединенных либо общим происхождением (условно — «кровью», хотя такой сугубо примордиалистский подход небезосновательно критикуется с позиций противодействия идеологии и практике расизма), либо самоидентификацией, основанной на субъективном мнении индивида, руководствующегося любыми, значимыми лично для него аргументами (от «крови» до «смутного подозрения»). «Национальность» — принадлежность к данной нации, которая может быть как навязана индивиду обществом («ты еврей, потому что твоя мама — еврейка»), так и выбрана им

самим на основании его самоидентификации («я — русский, потому что живу в России, хотя корни мои африканские»).

«Этнос» и еще более «этничность» — это культурное (субкультурное) образование, характеризующее социокультурные особенности того или иного народа, отличающие его от остальных народов (в единстве языка, традиций, обычаев, народного искусства (фольклора), бытовой культуры и т. д.). Важно подчеркнуть, что этносы (этничности) — это не люди и не социальные общности, а своего рода культурные коды, которые в определенном смысле складываются и существуют сами по себе, опредмечиваются в деятельности индивидов. У определенного человека этничность и национальность могут совпадать, если он воспроизводит в повседневных практиках культуру этноса, соответствующую национальности, с которой он себя идентифицирует. Но указанные категории могут и не совпадать («по национальности я финн, но родился в России, и русская культура (культура русского этноса) — моя родная, другой я не знаю»). Более того, известны люди с двойной и более этничностью, если они интернализовали культуры двух и более этносов, и такие культуры (этничности) в разных ситуациях воспроизводятся в их поведении или образе жизни. Последнее наиболее характерно для представителей второго поколения мигрантов, оказавшихся в иноэтнической культурной среде (например, детей кавказцев, выходцев из Средней Азии и т. п., переселившихся в русские регионы России, Санкт-Петербург, Москву, другие города).

Полиэтничность некоего территориального сообщества, в частности Петербурга, предполагает наличие и сосуществование в его культурной среде различных этносов и их носителей (индивидов, групп, общностей), которые воспроизводят в повседневных практиках соответствующие им этнические субкультуры. С одной стороны, полиэтничность Петербурга является *veritas absolutum*, и было бы несправедливо ее отрицать, с другой — не все так очевидно, как может показаться на первый взгляд.

Действительно, население Санкт-Петербурга по составу многонационально. Последняя Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала в городе представителей почти 50 национальностей, среди которых в значительной степени преобладают русские (их — 92,5 %, остальных, соответственно, — 7,5 %) [7]. Много это или мало для признания «многонациональности»? В соответствии с международными стандартами многонациональным принято считать население государства (территориального сообщества), которое состоит более чем из одной этнической группы, и доля этнических меньшинств в нем составляет не менее 5 % от общей численности [8].

Но возникает вопрос о том, где и в чем в Петербурге воспроизводится полиэтничность. Очевидно, что этническое своеобразие может проявляться по-разному и на разных уровнях социальности. Так, можно говорить о демонстративном проявлении этничности, противопоставлении ее социокультурным нормам этнического большинства, в нашем случае — русского (стрельба в общественных местах в знак выражения радости от какого-либо события, массовые публичные религиозные действия представителей неправославных конфессий и т. п.). Но можно говорить и о латентной этничности, когда человек внешне подчиняется требованиям/стандартам доминирующего этноса, но внутренне этого не приемлет и терпит «до поры до времени». Можно предполагать ситуации, когда в семье (приватно) воспроизводится «своя» этничность, а в общественных местах (публично) — культура этнического большинства, и это воспринимается как норма (двойная этническая идентичность: «я и русский, я и вепс»).

Социологические исследования, данные переписей населения и обычный взгляд наблюдателя показывают, что на протяжении последних десятилетий ситуация, связанная с полиэтничностью, в крупных городах России, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге, претерпела существенные изменения. Начался этот процесс еще в советское время и продолжается сегодня. В чем это проявляется?

Вторая половина XX столетия в СССР характеризовалась ускоренным ростом городов (урбанизацией). Как и в довоенный период первых сталинских пятилеток, города росли в основном за счет миграций из деревень. Люди уезжали от безысходности колхозной жизни, за «лучшей долей для своих детей», чтобы «жить культурно». В деревнях в течение практически всего XX в. сохранялся уклад, в значительной степени воспроизводивший традиционную этническую культуру их жителей. Это относилось не только к национальным меньшинствам, но и к русским крестьянам, этническая культура которых во многом отличалась от городской русскоязычной и русской по своему социокультурному основанию культуры. Первая сохраняла черты патриархального уклада старины, вторая все более становилась культурой модерна. В городской лексикон вошли уничижительные дефиниции: «деревенщина», «лимита», «понаехавшие» и другие.

Сразу перед новыми горожанами встала задача ускоренной адаптации к жизни в городе. Полная адаптация к новой социальной среде, как утверждают психологи, происходит, как правило, в третьем поколении мигрантов. При этом во многих случаях за эту адаптацию приходится расплачиваться утратой этнической идентичности: если хочешь быть принятым в сообщество и стать «своим», будь как все.

Поэтому большинство так называемого старожильческого населения Петербурга, которое живет в городе на протяжении трех и более поколений (примерно 60 лет и более), независимо от декларируемой ими национальности, в повседневной жизни, публичной и приватной, воспроизводит унифицированную городскую культуру. Последняя, строго говоря, является не сугубо русской, а лишь русскоязычной, базирующейся на «едином культурном (цивилизационном) коде, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, историческом и культурном наследии всех народов Российской Федерации» [6]. Такую культуру принято сегодня называть национальной культурой России.

Тем самым можно заключить, что коренное население Петербурга многонационально, но почти на 100 % монокультурно (но не моноэтнично!). Это характерно для жителей всех современных крупных городов не только России, но и большинства стран мира. То, что часто принимают за полиэтничность, в действительности представляет собой разновидность профессиональной культуры, специализирующейся на фольклоре (всевозможные профессиональные и полупрофессиональные группы певцов, танцоров, мастера декоративно-прикладного искусства и т. п.). Для этих людей этничность является не фактором их идентичности, а профессиональной специализацией или увлечением (хобби). Неслучайно среди них всегда можно найти представителей самых разных национальностей, формально не принадлежащих к данному этносу и его культуре. Им «просто интересно». Такая «демонстративная» полиэтничность существует в виде фестивалей, концертов, конкурсов фольклорных коллективов, мастер-классов и выставок-продаж мастеров декоративно-прикладного искусства, торжественных собраний в Дни народного единства, куда приглашают участников в традиционных национальных костюмах.

В действительности полиэтничность Петербурга проявляется в иной плоскости — во взаимодействии городской русскоязычной культуры петербуржцев (независимо от их национальности) с этническими культурами мигрантов из бывших

республик СССР и дальнего зарубежья. Речь идет о людях, приехавших в Петербург недавно, чья социокультурная адаптация только началась в первом поколении, либо о тех, кто приехал на непродолжительное время работать или учиться и адаптироваться не планирует. Они выделяются из общей массы своей внешностью, манерой поведения, речью (не говорят по-русски либо говорят с выраженным акцентом), нередко только этим вызывая раздражение, боязнь, провоцируя бытовую конфликтность.

До настоящего времени проблема полиэтничности Петербурга, актуальность которой для города очевидна, привлекала внимание немногих исследователей. В *Google* мы обнаружили всего пять публикаций на данную тему, из которых одна статья непосредственно посвящена полиэтничности этого города [9], две кандидатские диссертации [10; 11], сборник докладов на молодежной научно-практической конференции [12] и научный отчет по итогам проведенного социологического исследования [13]. Можно предположить, что такая ситуация связана как с неоднозначностью понятия «полиэтничность», так и с неопределенностью его реального содержания в Петербурге.

Поиск материалов публицистического характера в современных СМИ о проблеме полиэтничного Петербурга проводился нами также при обращении к *Google* по ключевым словам: «Петербург», «этнос», «полиэтничность», «национальность», «мигранты». В выборке оказались публикации, размещенные на сайтах периодических изданий «Коммерсантъ», «Фонтанка.ру», сайтах «Национальный акцент: медиапроект Гильдии межэтнической журналистики», «Новости Кировского района Санкт-Петербурга», «Этнопетербург», а также организаций, деятельность которых связана с реализацией государственной национальной политики в Санкт-Петербурге (в частности, Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, Санкт-Петербургского Дома национальностей).

Всего в 2018–2020 гг. выявлено 42 единицы анализа. Это свидетельствует о том, что вопросы полиэтничного Петербурга и межнациональных отношений для СМИ города и его жителей в настоящее время не являются приоритетными. Из общего количества публикаций десять посвящены межнациональным отношениям в Петербурге. Они представляют собой краткие отчеты о деятельности муниципальных органов власти в сфере реализации государственной национальной политики на территории их муниципалитетов. В большинстве случаев дана информация о проведенных заседаниях всевозможных советов, иных административных и общественных структур без анализа их работы и принятых решений.

13 публикаций посвящены этнокультурным мероприятиям города (фестивалям, концертам, праздникам) и представляют собой либо приглашения в них поучаствовать, либо краткие отчеты о том, как они прошли, кто в них принял участие. Все эти материалы без исключения характеризуют «псевдополиэтничность», которая выражена в деятельности профессиональных фольклорных исполнителей и коллективов, но преподносится как проявление «многонациональной культуры» Петербурга. Судя по тому, что практически все такие мероприятия проводятся в городе бесплатно (за счет средств городского бюджета), они носят преимущественно пропагандистский характер и призваны не столько реализовать на практике полиэтничность, дружбу народов, сколько продемонстрировать внимание власти к культуре малочисленных (дисперсных) национальных групп Петербурга в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики.

Аналогичное количество публикаций (13) посвящено так называемой этнической преступности, то есть преступлениям, совершенным лицами не русской

национальности, а, как правило, мигрантами, и действиям правоохранительных органов по пресечению их противоправных действий. Тот факт, что количество публикаций о культурной деятельности национальностей в Петербурге оказалось равно количеству публикаций об их криминальной активности, свидетельствует о тех сферах, где эта активность наиболее привлекательна для журналистов, но вряд ли отражает реальную жизнь людей и проблемы полиэтнического города. В этом, на наш взгляд, проявляется, скорее, непреднамеренное искажение реальности в зеркале СМИ, когда журналисты пишут о том, что требуют от них представители органов власти (о праздниках, фестивалях), и о том, что пользуется спросом у читателей (о криминале). Остальное, возможно, более значимое, в публикациях не отражается.

Последняя группа из шести материалов посвящена положению мигрантов в Петербурге. Содержание этих публикаций оказалось интегрированным: о культуре, криминальной активности, проблемах мигрантов и их решении и т. п.

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Коренное население Петербурга многонационально, но при этом монокультурно: оно является носителем национальной культуры России, в значительной степени утратившим этнические корни.

2. То, что принято называть полиэтничностью в отношении коренного населения Петербурга, в действительности является «квазиполиэтничностью» и выражено в профессиональной деятельности работников культуры, специализирующихся на фольклоре. Для них этничность служит не фактором их идентичности, а профессиональной специализацией или увлечением (хобби).

3. Реальная полиэтничность в Петербурге возникает вследствие присутствия этнических мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Они воспроизводят в повседневных практиках культуру тех территорий, откуда прибыли, как национальную, так и этническую, и при этом не завершили или не ставят для себя задачи адаптации к культуре принимающего сообщества.

4. Полиэтнический Петербург как социокультурный феномен сегодня мало привлекает внимание ученых и журналистов либо по причине неразработанности данного понятия в общественных науках, либо потому, что полиэтничность не является актуальной проблемой в контексте общественного мнения горожан.

5. Отражение темы полиэтнического Петербурга в современных СМИ носит ограниченный характер и чаще всего реализуется в небольших по объему и малоинформативных текстах.

6. Основной массив публикаций раскрывает четыре темы: 1) реализацию в Петербурге государственной национальной политики; 2) этнокультурные мероприятия разного уровня, организованные в городе; 3) миграционную ситуацию; 4) этническую преступность.

Таким образом, целенаправленной деятельности по формированию образа полиэтнического Петербурга в современных СМИ не проводится, и сформировать соответствующий образ на основе анализа материалов СМИ не представляется возможным.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 280 с.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 365 с.
3. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 134 с.

4. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. В 18 т. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: офиц. сайт. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
6. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (с изм. и доп. от 6 декабря 2018 г.) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 20.04.2021).
7. Национальный состав Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Многонациональный Петербург. 2015. 19 июня. URL: <http://nacionalsoglasie.kmormp.gov.spb.ru/nacionalnyj-sostav-sankt-peterburga/> (дата обращения: 15.04.2021).
8. *Welsh D.* Domestic politics and ethnic conflict // *Survival: Global Politics and Strategy*. 1993. Vol. 35. No. 1. P. 63–80.
9. *Тетдоева С. А.* Особенности полиэтнической культуры Санкт-Петербурга // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180. С. 355–358.
10. *Винер Б. Е.* Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1998. 191 с.
11. *Лутова С. К.* Этнонациональные отношения в Санкт-Петербурге в условиях политического реформирования: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. 223 с.
12. Межнациональные отношения и этнокультура: история и современность: сб. матер. IV межрегион. молодежной науч.-практ. конф., посвященной проблемам межнациональных отношений. СПб.: Любавич, 2014. 128 с.
13. Межнациональные отношения и проблемы трудовой миграции в Москве и Санкт-Петербурге: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Центр социологических и интернет-исследований. Санкт-Петербургский государственный университет. 2015. 14 апреля. URL: <https://rcsoc.spbu.ru/publikatsii/803-mezhnatsionalnye-otnosheniya-i-problemy-trudovoj-migratsii-v-moskve-i-sankt-peterburge-sravnitelnyj-analiz.html> (дата обращения: 15.04.2021).

Контактные данные:

Завалишин А. Ю.: 680042, Хабаровск, Тихоокеанская ул., д. 134;
e-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Н. Ю.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: kosturina@mail.ru.

Contact Details:

Zavalishin A. Yu.: 134 Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk 680042, Russia;
e-mail: native59@rambler.ru.

Kosturina N. Yu.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: kosturina@mail.ru.

Маргулян Я. А., Данилова Н. И.

Вызовы и угрозы российскому обществу в условиях пандемии: проблемы и направления обеспечения социальной безопасности

Margulyan Ya. A., Danilova N. I. Challenges and Threats to Russian Society in the Context of the Pandemic: Problems and Directions of Ensuring Social Security

В статье речь идет о том, что в условиях пандемии коронавируса COVID-19, мирового экономического кризиса формируются качественно новые глобальные и национальные социальные вызовы и угрозы. Научный анализ их состояния, деструктивного влияния на политические, экономические и социальные процессы в социуме позволяет авторам статьи сформулировать направления и механизмы обеспечения социальной безопасности российского общества.

Ключевые слова: социальные вызовы и угрозы, российское общество, социальная инфраструктура, социальная безопасность, демографическая политика, социальная политика.

In the context of the COVID-pandemic and the global economic crisis, qualitatively new global and national social challenges and threats are being formed. The scientific analysis of their state, destructive influence on political, economic and social processes in society, allows to formulate the directions and mechanisms of ensuring social security of the Russian society.

Keywords: social challenges and threats, Russian society, social infrastructure, social security, demographic policy, social policy.

За последний год российское государство и современная цивилизация в целом столкнулись с качественно новыми вызовами и угрозами, спровоцированными пандемией коронавируса COVID-19 и мировым экономическим кризисом, охватившими все страны мира. Данные вызовы и угрозы приобрели системный характер, негативно повлияли на жизнедеятельность глобального и российского социумов, спровоцировали новые и усугубили существующие социальные, демографические опасности и угрозы, превратившись в социальное бедствие цивилизационного масштаба.

В этих условиях важное значение приобретает научное обоснование содержания, характера вызовов и угроз в социальной сфере, определение их экономических, социальных, демографических и морально-психологических последствий, выявление влияния на воспроизводство человеческого капитала, рассмотрение технологий, механизмов и ресурсного обеспечения социальной политики в целях

Маргулян Яков Аронович — профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор.

Данилова Наталья Ильинична — доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат социологических наук, доцент.

© Маргулян Я. А., Данилова Н. И., 2021

установления социальной безопасности страны. От правильного решения этих проблем зависит социальное благополучие граждан, качество и уровень жизни людей, конкурентоспособность человеческого потенциала в России и существование государства.

Анализ функционирования российского общества показывает, что перед руководством страны стоят сложные задачи по выбору стратегии формирования и реализации социальной политики государства с учетом новых глобальных и национальных вызовов и угроз. К числу современных глобальных вызовов и угроз, связанных с общими тенденциями развития мировой цивилизации и оказывающих влияние на социальную сферу, относятся следующие:

- пандемия коронавируса COVID-19, связанный с ней рост заболеваемости и смертности населения во всех странах мира;
- падение доверия населения к институтам государственной власти внутри стран и расширение масштабов недоверия на межгосударственном уровне;
- социально-экономические последствия глобализации, сопровождающиеся углублением мирового финансово-экономического кризиса;
- социально-экономический и технологический отрыв индустриально развитых стран, обеспечиваемый развитием новых информационно-коммуникационных технологий, расширяющих масштабы цифрового (информационного) разделения граждан;
- старение населения в наиболее развитых странах и демографический бум в государствах «третьего мира» в сочетании с политическими, экономическими и социальными катаклизмами, приводящими к массовой неконтролируемой миграции;
- усиливающееся социальное неравенство и расслоение населения, выступающие катализаторами социальных революций и религиозно-этнических конфликтов;
- социально бесконтрольное вмешательство в природную среду для максимизации прибыли.

Глобальные вызовы и угрозы приводят, с одной стороны, к объединению усилий политических институтов и общественных организаций в борьбе с общими проблемами, с другой — к обострению конкуренции между государствами, связанными с определением путей и способов выхода из экономического кризиса, снижением количества заболевших граждан, политической и социальной стабилизацией обстановки и укреплением доверия граждан к институтам политической власти.

В новых условиях цивилизационного развития изменяются социальные условия существования народов различных стран: демографические характеристики, связанные с продолжительностью жизни, качество жизнедеятельности, парадигма конкурентоспособности, ее направленность с экономии на рабочей силе к повышению качественных характеристик работников, их профессиональных компетенций, навыков и умений. Формируется новый тип занятости работников, активизируется потребность в организации системы непрерывного образования, усиливается потребность инновационного развития производственных процессов и творческой активности персонала.

Для российской действительности возрастание вызовов и угроз в социальной сфере усугубляется нестабильным экономическим и социальным развитием, вызванным дисфункциональной реализацией неолиберальной модели экономики массового потребления, осуществлением ведущими западными странами санкционной политики, отсутствием в стране крупномасштабных экономических и социальных реформ, диспропорциями в экономическом и инновационном развитии

территорий, ослаблением межгосударственных социокультурных связей, негативным воздействием информационных источников на общественное сознание граждан.

В стране осуществляется недостаточно продуманная демографическая и социальная политика, происходит перекалывание в рамках консолидированного бюджета финансирования социальных статей на регионы, проявляются последствия снижения финансирования и допущенные ошибки в осуществлении реформы здравоохранения, происходит снижение социальных гарантий со стороны государства и формализация организации социальной защиты населения России.

Следует констатировать, что, благодаря санитарно-эпидемиологической и лечебно-медицинской мобилизации, правительству удалось стабилизировать социально-политическую ситуацию в стране, вызванную пандемией COVID-19 и связанным с ней ростом заболеваемости и смертности населения, не допустить сценария развития катастрофических последствий. Вместе с тем события последнего года оказали деструктивное влияние на политические, экономические и социальные процессы в социуме, активизировали национальные вызовы и угрозы, к числу которых в социальной сфере относятся:

- сложная социально-демографическая ситуация в обществе;
- падение реальных доходов населения и рост бедности;
- ухудшение социально-стратификационной структуры общества, связанное с высоким уровнем социального неравенства граждан;
- осложнение ситуации на рынке труда, в сфере занятости и безработицы, замедление социальной мобильности российских граждан, особенно молодежи;
- состояние здоровья россиян и проблемы с получением медицинской помощи;
- снижение образовательного и научно-технологического потенциалов;
- затрудненный доступ к социальной инфраструктуре в условиях коммерциализации образования и здравоохранения;
- снижение социальной защищенности граждан.

Расширение масштабов социальной поляризации общества, снижение у большинства населения жизненного уровня и рост бедности, невозможность получения качественной медицинской помощи и образования достойного уровня, слабость институтов социальной защиты порождают неуверенность в завтрашнем дне, приводят к значительному усилению социальной и политической напряженности в обществе, распространению недовольства общим состоянием дел, ухудшению параметров качества жизни граждан и в итоге к снижению социальной безопасности страны.

Сложная социально-демографическая ситуация в обществе связана с увеличением естественной убыли населения. Так, если в 2016 г. число умерших превысило число родившихся всего на 2 286 человек, то с 2017 г. такая разница стала стремительно увеличиваться и составила уже 138,8 тыс. человек, в 2018 г. — 224,6 тыс., в 2019 г. — 317,2 тыс., а в январе-ноябре 2020 г. — 574,8 тыс. чел. [1, с. 37–39]. Происходит снижение числа родившихся (2019 г. — 1 365,8 тыс. чел., 2020 г. — 1 306,4 тыс. чел.), уменьшается количество заключенных браков (2019 г. — 876,9 тыс., 2020 г. — 716,6 тыс.) [2]. Прогнозный расчет, основанный на предположении сохранения неизменными (на уровне 2019 г.) возрастных коэффициентов рождаемости и смертности, показывает, что только за счет изменений в половозрастной структуре населения естественная убыль в расчете на 1 000 населения может возрастать ежегодно на 0,5 ‰-ных пунктов в 2020–2022 и 2024 гг., на 0,4 ‰-ных пунктов — в 2023, 2025 и 2027 гг., на 0,3 ‰-ных пунктов — в 2026 и 2028 гг. [3, с. 217–219].

Социально-демографическая ситуация усугубляется проблемами регионального экономического развития, снижением возможностей финансирования демографических проектов, особенностями реализации стратегических целей и задач социальной политики на федеральном и региональном уровнях, ухудшением обеспечения действенной медицинской помощи населению в связи с пандемией COVID-19, проводимой экологической политикой в регионах.

Падение реальных доходов населения и рост бедности становятся одной из наиболее опасных тенденций развития российского общества, превращаются в долгосрочный тренд социального развития страны, поскольку ухудшают не только социальное положение и качество жизни граждан, но и негативно сказываются на перспективах развития экономики, снижая платежеспособный спрос населения, приводят к политической нестабильности и ослаблению доверия к институтам политической власти. По итогам 2020 г., согласно данным Росстата, в условиях пандемии реальные располагаемые доходы россиян упали на 3,5 %, привели к увеличению числа граждан, живущих за чертой бедности (19,6 млн чел.) [4].

В августе-сентябре 2020 г. Центром стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН был проведен социологический мониторинг под названием «Как живешь, Россия?». Тревоги по поводу снижения доходов населения, повышения цен и тарифов заняли первое место, опередив в общей иерархии тревог и проблем российских граждан даже пандемию. Повышение цен на товары и услуги отметили 47 %, на сокращение и потерю доходов указали 44 % респондентов. Суммарная доля ответов на этот вопрос составила 91 % [5, с. 548].

За последние годы происходит углубление социальной стратификации общества по абсолютным параметрам материального благосостояния, распределению доходов и собственности между разными слоями и группами населения, соотношению богатства и бедности, уровню развития и доступностью к объектам социальной инфраструктуры, качеству и условиям жизни, которое усугубляется региональными диспропорциями и территориальным неравенством.

Усиливается искажение дифференциации трудовых доходов, когда доминирующее значение в оплате труда приобретает не уровень образования, квалификации, опыт работы, а финансовое состояние предприятия, сектор экономики, регион, в котором осуществляется трудовая деятельность. Устойчивыми темпами происходит увеличение количества «работающих бедных», к числу которых относятся высококвалифицированные кадры, обеспечивающие функционирование фундаментальных социальных институтов общества: работники государственных систем образования, здравоохранения, культуры, государственные служащие среднего и низшего звеньев. Медленно и неэффективно идет становление среднего класса — основы стабильности и порядка любого общественного устройства. Значительные проблемы существуют у представителей мелкого и среднего предпринимательства, не давая им превратиться в действенную основу современного российского общества. Происходит увеличение групп «социального риска», включающих в себя социально незащищенные слои населения с возрастающим числом неполных и многодетных семей.

Глубокая социальная дифференциация общества не только усиливает социальное напряжение в социуме, но и негативно влияет на интеллектуальное развитие работников, приводит к невостребованности высококвалифицированных профессий, «утечке мозгов» за границу, переходу в сферу частного предпринимательства специалистов, составляющих основу наукоемких производств [6].

Пандемия, санкционная политика западных государств, затяжной экономический кризис, увеличение пенсионного возраста значительно активизировали негативные трансформации на рынке труда и привели к усилению дисфункционального воздействия в сфере занятости и безработицы. Расширяются масштабы общей безработицы, нарушается баланс спроса и предложения рабочей силы, усиливаются специфические формы структурной безработицы, происходит рост и трансформация скрытой занятости, увеличиваются трансакционные издержки найма и занятости, структурные диспропорции в отношении компенсации за труд, активизируется использование серых схем оплаты труда в неформальных трудовых отношениях.

Усиление отрицательной экстерналии на рынке труда способствует мультипликации провалов: изменению условий труда и занятости, усилению структурных диспропорций в отношении компенсации за труд, распределению трудовых ресурсов по секторам экономики, а также к снижению значимости профессиональных форм образования рабочей силы [3, с. 214]. Снижаются темпы экономического развития страны, активизируются социальные опасности, риски и угрозы, падают показатели качества человеческого капитала. Вместе с тем следует констатировать, что с начала 2021 г. усилия правительства по экономической помощи российским предприятиям, поддержка занятости населения привели к снижению уровня безработицы в стране до 5,8 %, вернувшись к уровню апреля 2020 г. [7]. Тем не менее проблема потери работы занимает одно из ведущих мест в структуре тревог российских граждан (65 %).

Замедление темпов социальной мобильности населения связано в первую очередь с последствиями пандемии. Вместе с тем действуют и другие факторы: затяжной характер кризиса в экономике, ее сырьевой характер, локализация крупномасштабных инвестиций и инновационных преобразований, отсутствие комплексной программы регулирования рынка труда и занятости населения, кризис системы образования, расширяющаяся социальная аномия, вызванная разрушением системы ценностно-нормативных ориентаций и социальная депривация, характеризующаяся ограничениями или изоляцией людей от социальных коммуникаций и общественных благ.

Особую тревогу вызывает состояние социальной мобильности молодежи, вызванное затрудненным доступом к работе вне рамок полученной специальности, отсутствием возможностей трудоустройства на современные высокотехнологические предприятия, снижением возможностей получения бесплатного качественного образования, низким уровнем заработной платы. Данная ситуация вызывает неудовлетворенность работой, усиливает безразличие и апатию молодых людей, уменьшает качество трудовой деятельности, становится источником депрофессионализации и снижения ценности труда.

Анализ последствий пандемии COVID-19 в стране показал, что институтам государственной власти в целом удалось осуществить санитарно-эпидемиологическую и лечебно-медицинскую мобилизацию и не допустить сценария развития катастрофических последствий. Активизировалось строительство крупных федеральных и региональных медицинских центров, госпиталей, обеспеченных современной высокотехнологичной аппаратурой, улучшилось использование информационно-компьютерных технологий в лечении больных. Однако уровень здравоохранения в России в период пандемии, вызванный перегрузкой работы больниц, поликлиник, станций скорой помощи, нехваткой медперсонала, дефицитом лекарственных препаратов и средств защиты, а главное — состояние здоровья россиян и оказание медицинской помощи населению вызывают недовольство и подвергаются заслуженной критике со стороны граждан.

К числу важнейших причин такого состояния относятся:

- многолетнее недофинансирование медицинской отрасли;
- оптимизация системы здравоохранения, выразившаяся в сокращении медицинского персонала и коечного фонда;
- дезориентация в определении стратегических направлений медицинской деятельности и правильности правительственных мер по их поддержке;
- формализация и невыполнение указов Президента РФ о повышении заработной платы медицинских работников;
- снижение качества подготовки медицинского персонала;
- многократное увеличение платных услуг населению и фактическое снижение бесплатной медицинской помощи;
- сложное положение с обеспечением населения лекарственными препаратами, связанное с их недостаточным производством и массовым «вымыванием» дешевых лекарственных препаратов с прилавков аптек практически во всех регионах России.

В новых условиях функционирования активизируются вызовы и угрозы, снижающие образовательный и научно-технологический потенциал российского общества. К числу наиболее характерных тенденций относятся:

- затруднение финансирования образовательных и научных проектов;
- уменьшение инвестиций в человеческий капитал;
- сокращение масштабов академической мобильности;
- ослабление партнерств, необходимых для развития новых программ;
- усиление дифференциации качества подготовки школьников и студентов;
- отсутствие комплексной системы непрерывного образования;
- бюрократизация научной и образовательной деятельности;
- неэффективность мотивационных механизмов ее организации;
- проблемы, связанные с переходом на дистанционный режим работы, характером и технологиями замещения офлайн-формата обучением в режиме онлайн.

Складывающаяся ситуация негативно влияет на интеллектуальный потенциал общества, снижает возможности инновационного развития экономики, приводит к деградации сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и свертыванию научно-технологического потенциала страны, сокращению численности занятых в научной деятельности ученых, увеличению отставания с позиции фундаментальной и прикладной науки от развитых стран мира, значительно обостряет уровень национальной безопасности страны. Для преодоления возникающих вызовов и угроз институтам государственной власти необходима организация быстрого реагирования и принятия управленческих решений «в обход» традиционных бюрократических процедур, разработка современных стратегий и принятие тактических решений для инновационного развития образования и науки, повышения уровня ее конкурентоспособности в мире, создание благоприятных условий и мотивационных механизмов для технологического прорыва и вхождения России в число мировых научных лидеров.

Обеспечение социальной безопасности общества зависит от уровня развития социальной инфраструктуры и обеспечения доступа граждан к объектам образования, здравоохранения, культуры, спорта. Существенное снижение финансирования объектов социальной инфраструктуры, передача их на баланс региональных органов власти, оптимизация системы соответствующих учреждений привели к повсеместной их коммерциализации, сокращению сети медицинских и образовательных учреждений, что существенно увеличивает стратегические риски, связанные с развитием национального человеческого потенциала.

Коммерциализация объектов социальной инфраструктуры снижает качество создаваемых благ, усугубляет расслоение российского общества, связанное с неравенством удовлетворения социальных потребностей, приводит к формированию двухступенчатой системы социального обслуживания, соответствующей потребностям и возможностям состоятельных клиентов и остального населения страны. Складывающаяся ситуация усугубляется сокращением социальной инфраструктуры в сельской местности при отсутствии развитой транспортной системы, приводит к нарушению социальных прав граждан, возникновению критически опасных зон, негативно сказывается на экономическом, социальном, демографическом и культурном развитии российского общества.

В целом забота государства об оптимизации бюджетных расходов на социальную сферу приводит к увеличению платных услуг для населения, снижает качественные характеристики человеческого потенциала и вызывает недовольство населения состоянием дел в социальной сфере жизнедеятельности. К числу национальных вызовов и угроз в социальной сфере относится также снижение социальной защищенности наиболее уязвимых слоев населения.

В период пандемии правительство предприняло комплекс мер по социальной изоляции всех социальных групп населения, что значительно ухудшило положение, прежде всего трудоспособных граждан. Поэтому главное внимание руководства страны было сосредоточено на организации мер социальной поддержки трудоспособного населения, семей с детьми и наиболее уязвимых в экономическом положении категорий граждан [8]. Финансовая поддержка осуществляется через денежные трансферты неработающему населению, составляя более половины скудных по меркам развитых стран социальных расходов консолидированного бюджета государства.

Складывающаяся ситуация усугубляет хроническое недофинансирование социальных отраслей, усиливает конфликт между поколениями, связанный с воздействием кризиса и антикризисных мер на пенсионные системы, благосостояние пожилого и трудоспособного населения, приводит к локализации деятельности учреждений социальной защиты населения, способствует профессиональным деформациям, вызывает социальную девальвацию профессиональной деятельности и эмоциональное выгорание социальных работников.

Для нейтрализации вызовов и угроз в социальной сфере и обеспечения социальной безопасности российского общества необходима существенная корректировка стратегических целей и задач социальной политики, повышение масштабов и эффективности социальных расходов, превращение социальной политики в активную целенаправленную деятельность по достижению высокого качества жизни граждан, ликвидации нищеты, снижению значительных диспропорций в уровне жизни различных социальных групп населения.

К числу важнейших направлений и механизмов реализации данных целей и задач относятся такие как:

- повышение масштабов и эффективности социального инвестирования объектов социальной инфраструктуры в соответствии с потребностями российского общества и мировыми стандартами;
- решение комплексных вопросов борьбы с бедностью и нищетой через повышение социального благосостояния населения страны на основе диалектической зависимости экономики и социальной сферы, введение прогрессивной шкалы налогообложения, обеспечивающей перераспределение дохода в пользу беднейшей части населения, выравнивание возможностей развития и реализации человеческого потенциала различных слоев и групп населения;

- реализация демографической политики государства, обеспечивающей оказание финансовой помощи и поддержки семьям, испытывающим жизненные трудности, увеличение размеров пособий на детей для наиболее слабо защищенных в социальном аспекте категорий населения, решение вопросов обеспечения жильем, особенно в отношении молодых семей, увеличение продолжительности жизни населения за счет улучшения качества жизни, снижение преждевременной, особенно предотвратимой смертности, совершенствование пенсионного обеспечения, в том числе в отношении работающих пенсионеров, профилактика заболеваний, расширение возможностей ведения здорового образа жизни, занятий спортом, туризмом и др.;
- принятие научно обоснованных, целевых комплексных программ социальной защиты населения, комплексное использование современных программно-целевых методов и технологий в условиях санкционной политики западных государств;
- перенесение центра тяжести социальной политики в сферу труда, обеспечение занятости трудоспособного населения, создание условий для профессионального развития работников, справедливой оплаты труда и гарантированного дохода, социальной защиты интересов работников;
- совершенствование деятельности институтов образования и науки через создание системы непрерывного образования, вариативности и инновационного разнообразия учебных заведений, обеспечение сетевого взаимодействия субъектов единой образовательной среды, формирование целевых заказов на подготовку и переподготовку профессиональных кадров, усиление практической направленности процесса обучения, сочетающего технологии онлайн- и офлайн-обучения, создание учебно-научно-инновационных кластеров для проведения научных исследований и создания научных разработок, финансируемых государственным и негосударственным секторами, предоставление налоговых льгот на инновационные инвестиции в сферу НИОКР, улучшение мотивационных механизмов творческой деятельности ученых и преподавателей;
- трансформация системы обязательного медицинского страхования, в том числе для функционирования в экстремальных условиях, перепрофилирование медицинских учреждений, расширение объемов плановой медицинской помощи, профилактических осмотров и диспансеризации населения с сохранением высокой степени готовности к возможным повторным вспышкам, повышение квалификации медицинских работников и стимулирование их деятельности, увеличение объемов предоставления бесплатных, качественных медицинских услуг, в том числе и в сельской местности, расширение масштабов применения медико-организационных и лечебно-диагностических технологий, определение и финансирование наиболее эффективных форм медицинской помощи; создание запасов средств индивидуальной защиты (СИЗ) в медицинских организациях, совершенствование системы централизованного управления их производством и поставками;
- изменение патерналистской роли государства, активное привлечение к решению социальных проблем бизнес-структур, организаций некоммерческого сектора, развитие корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства, благотворительности, расширение масштабов деятельности волонтерских организаций;
- активизация поддержки социально уязвимых групп населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации через трансферты в денежной и натураль-

ной формах, предоставление бесплатной помощи и защиты в учреждениях социального обслуживания населения, качественная подготовка специалистов по социальной работе.

Таким образом, успешная реализация обозначенных приоритетных направлений социальной политики повысит социальное благосостояние граждан, нарастит человеческий капитал и обеспечит социальную безопасность российского общества.

Литература

1. Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 252 с.
2. Оперативные данные Росстата по естественному движению населения России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2021).
3. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: коллективная монография / отв. ред. В. К. Левашов. М.: Перспектива, 2020. 532 с.
4. Росстат оценил масштаб снижения реальных располагаемых доходов россиян [Электронный ресурс] // Rbc.ru. 2021. 28 января. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 01.02.2021).
5. Шушпанова И. С. Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?»: исследование устойчивого социально-политического развития и состояния российского гражданского общества // I Российско-Иранский социологический форум: сб. тезисов докладов участников форума / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: Перспектива, 2020. С. 548–559.
6. Социальные инновации в управлении человеческими ресурсами: коллективная монография / под ред. Я. А. Маргульяна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2018. 398 с.
7. Безработица в России снизилась с начала 2021 года [Электронный ресурс] // Рамблер. 2021. 19 февраля. URL: https://finance.rambler.ru/markets/45853489/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.02.2021).
8. Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире [Электронный ресурс]: аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. Вып. 9. 2020 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321808.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Контактные данные:

Маргулян Я. А., Данилова Н. И.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; e-mail: Margulyn@rambler.ru, nata7171@list.ru.

Contact Details:

Margulyan Ya. A., Danilova N. I.: 21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia; e-mail: Margulyn@rambler.ru, nata7171@list.ru.

Плешаков И. Н., Селезнев В. Д., Хомутова Н. Н.

Информационные и правовые ресурсы в социальной работе: новые технологические вызовы

Pleshakov I. N., Seleznev V. D., Khomutova N. N. Information and Legal Resources in Social Work: New Technological Challenges

В статье рассмотрены информационные ресурсы и правовое обеспечение в социальной работе с учетом изменения параметров взаимодействия между социальными службами и получателями социальных услуг. Цифровизация в сфере социального обслуживания становится причиной изменения форм взаимодействия между субъектами, а также между субъектами и информацией. В связи с этим вопросы нормативно-правовой базы переосмысливаются. С появлением технологической методологии достижения параметров «общества знаний» происходит повышение эффективности социального обслуживания населения. Одновременно появляется риск потенциальных угроз правам человека, безопасности информации, сохранению модели гуманизма как основы конструирования практик в социальной сфере. Своевременно принятые правовые решения и гражданская активность помогут не только дать адекватный ответ на новые вызовы, но и будут способствовать глубокой модернизации социальной сферы.

Ключевые слова: получатель социальных услуг, информационные ресурсы, правовые ресурсы, социальная работа, дистанционное взаимодействие, общество.

The article examines information resources and legal support in social work, taking into account changes in the parameters of interaction between social services and recipients of social services. Digitalization in the field of social services is causing changes in the forms of interaction between subjects and between subjects and information. In this regard, the issues of the regulatory framework are being rethought again. With the advent of a new methodology for achieving the parameters of the “knowledge society”, the effectiveness of social services for the population is increasing. At the same time, there is a risk of potential threats to human rights, information security, and the preservation of the model of humanism as the basis for constructing practices in the social sphere. Timely legal decisions and civic engagement will help not only to provide an adequate response to new challenges, but will also contribute to the deep modernization of the social sphere.

Keywords: recipient of social services, information resources, legal resources, social work, remote interaction, society.

Плешаков Иван Николаевич — кандидат исторических наук, магистрант по направлению «Социальная работа» кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, член Российского общества историков-архивистов.

Селезнев Владимир Дмитриевич — заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, экономики и права Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова, доктор экономических наук, профессор.

Хомутова Наталья Николаевна — доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова, кандидат философских наук, магистрант по направлению «Социальная работа» кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета.

© Плешаков И. Н., Селезнев В. Д., Хомутова Н. Н., 2021

Информационные и правовые ресурсы в социальной работе позволяют не только эффективно организовать деятельность социальных служб, но и достигать цели социальной работы. Одна из важнейших миссий — гармонизация и гуманизация общественных отношений, формирование и поддержание уважения между людьми, сохранение достоинства человека.

К ресурсам социальной работы относятся информационные, правовые, трудовые, материально-технические, интеллектуальные, финансовые. По определению О. Г. Седых, «ресурсы социальной работы — это источники средств и возможностей, с которыми специалист обращается для решения социальных проблем и удовлетворения потребностей клиентов. К ресурсам следует отнести материальные средства, специальные знания и умения, мотивацию клиентов, потенциал управленческих структур и т. д.» [1, с. 49].

Вступление человечества в информационную эру произвело корректировку понятия «информационных ресурсов», расширило сферу их использования, изменило их характер. Информационная «революция» общества вызвала насущную необходимость в коренных изменениях формата деятельности различных административных служб, потребовала провести радикальную трансформацию методов их работы как на общегосударственном, так и на региональном, локальном уровнях. Отвечая на вызовы времени, во многих странах мира, включая Россию, в последние десятилетия проведены масштабные преобразования, призванные сделать системы управления приспособленными к новым реалиям жизни [2, с. 7].

Не осталась в стороне от серьезных изменений и социальная сфера. Пандемия COVID-19 и вызванные ею противоэпидемические мероприятия, нарушившие привычный уклад жизни и формат работы социальных служб, наглядно показали, что любое отставание в процессе внедрения информационных технологий в повседневную жизнь несет реальную опасность стагнации системы государственного администрирования, экономики и социальной сферы. Единая нормативно-правовая база, регулирующая применение информационных технологий при осуществлении социального обслуживания, в настоящее время находится в стадии формирования. Переосмысливаются законодательные акты и соответствующие юридические нормы, которые вызывают много вопросов о конституционных правах личности, защите частной жизни, достоинства и др.

В российском законодательстве цифровизация с 2010 г. определяется как цифровой (дистанционный) формат взаимодействия. В настоящее время электронный документооборот регламентирован Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. С учетом данного Федерального закона установлен алгоритм рассмотрения обращений граждан государственными и муниципальными органами в формате электронного документооборота и дистанционной форме коммуникации между уполномоченными должностными лицами и гражданами.

В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ сформулированы понятие электронного документа и связанные с ним проблемы его юридического статуса, обозначен формат поиска информации физическими и юридическими лицами, регламентирована запросная форма получения гражданами информации. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ развил многие положения ранее изданных юридических актов, в том числе структурировал порядок получения гражданами государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Парадигма развития общества и цифровых технологий подразумевает формирование информационного «общества знаний», которое не только владеет современны-

ми информационными технологиями, но и выступает в качестве активного субъекта своего образования, реализации прав и свобод, нацелено на освоение современных технологий, позволяющих эффективно взаимодействовать и решать общие и частные задачи. Данное понятие «общество знаний» отражено и в Указе Президента РФ В. В. Путина от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Согласно данному указу в России начато формирование «общества знаний». Параметры применения новых технологий, направленных на развитие информационного общества, и национальной цифровой экономики должны обеспечить надежную защиту национальных интересов и рассматриваются как стратегический приоритет в политике государства. Особое внимание в указе уделено новым технологиям обработки данных, которые позволят уменьшить затраты государства на данный сегмент его деятельность и перенаправить сэкономленные средства на иные насущные задачи, в том числе в социальной сфере. Одна из приоритетных целей обозначена в указе: повышение «качества жизни» российского гражданина [3].

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» отмечено, что «создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных» будет осуществляться «преимущественно на основе отечественных разработок» [4]. Причины такого решения связаны не только с понятным желанием помочь российским фирмам по производству программного обеспечения, но с необходимостью защитить создаваемую систему от внешних угроз.

В распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р и утвержденной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» говорится о развитии трех уровней цифровой экономики: рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности), среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность [5].

15 мая 2018 г. Указом Президента РФ № 215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций РФ создано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Приоритетные направления его деятельности включают в себя задачи информатизации государственных органов, регионов, координацию и общий мониторинг процессов информатизации в России, создание «электронного правительства», суперсервисов и моносервисов государственных услуг, биометрической системы, системы грантов и технопарков для поддержки развития информационных технологий. Особое внимание уделяется регионам, а сфера цифровизации расширяется за счет культурных проектов, «цифровой экономики», образования, информационной безопасности и т. д.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ информирует, что с 1 ноября 2020 г. на единой цифровой платформе «ГосТех» начат эксперимент по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов. Проект должен быть завершен 31 мая 2022 г.

В планах Министерства — создание цифровых профилей граждан с выдачей биометрических паспортов. Цифровой профиль будет содержать 57 позиций, охватывающих практически весь спектр личных данных гражданина: прежде всего паспортные данные, сведения о собственности, наличии водительских прав, данные о рождении детей, заключении браков, СНИЛС, ИНН и др. Данный проект на-

правлен на повышение эффективности межведомственного и межрегионального взаимодействия, повышение скорости и качества предоставления услуг, сокращение издержек государства и муниципалитетов на административно-правовые расходы. Важно отметить, что замысел системы направлен и на достижение такой важной цели, как повышение правовой и компьютерной грамотности граждан. Она будет не только «отзываться» на соответствующие запросы, но и предлагать варианты взаимодействия. Данные цифрового профиля будут обладать такой же юридической значимостью, как и привычные документы на бумажных носителях. Подразумевается, что доступ к ним будут иметь и негосударственные, и коммерческие организации. Условия для этого доступа в настоящее время вырабатываются.

В контексте изложенного выше особое внимание в аспекте процесса цифровизации привлекают проблема правовой защиты граждан и этические аспекты деятельности личности, получающей государственную помощь и поддержку в рамках социальной работы уполномоченных органов. С одной стороны, концепция «общества знаний» теоретически привлекательна и современна, с другой — не каждый человек «успевает» за новыми теоретическими концептами в своей практической и эмпирической реальности. Помимо неравномерного доступа к информационным технологиям (обеспеченные — малообеспеченные; молодежь, быстро адаптирующаяся к информационным технологиям, и пожилые люди, которым сложно их осваивать; отдаленные сельские территории со слабым интернетом либо отсутствием интернета и города с отличной связью и т. д.) можно говорить и о рисках, которые существуют для личности в эпоху цифровой экономики, политики, социального взаимодействия, связанных с вопросами социального неравенства, защиты частной жизни, различных дезориентаций этического и ценностного характера. Этическая дезориентация обусловлена психологической и информационной нагрузкой на человека, которая далека от его биологических ритмов и биологических сценариев организма. Человек не всегда способен к высокой адаптации, он подвержен нервным стрессам, панике (например, в ситуации с коронавирусной инфекцией COVID-19).

Современные тенденции в сфере права означают массовизацию субъекта права (неопределенность, обезличенность, дезориентация) в правовой сфере, возникающую в результате эмерджентного эффекта от пересечения разных сфер жизни: информационной, социально-политической, нравственно-этической, частной, медицинской и т. д. [6]. При этом доля неопределенности и обезличенности может возрастать и вкупе с панической, психологической беспомощностью. Человек будет отличаться алогичностью действий и правовой пассивностью. Трансформационные процессы подразумевают обратную сторону концепции «общества знаний», связанную с тем, что человечество не во всей своей полноте способно перестроиться на информационно-технологические контуры современности.

Следующий технологический вызов в социальной сфере — защита персональных данных. Закон устанавливает строгие ограничения на доступ к персональным данным, но на практике базы могут быть украдены, проданы и т. д. Существует вопрос об их охране и безопасности ввиду риска создания проблемного поля, в котором активно действуют криминальные элементы. Государству необходимо вести более жесткую борьбу с любыми попытками овладения, распространения информации и использования ее в преступных целях. Это особенно актуально в аспекте повседневных задач социальных служб, сотрудники которых имеют дело с престарелыми, больными людьми, людьми ограниченной дееспособности, то есть основными жертвами криминалитета. Отечественные программы и оборудование, о котором говорится в документах, не являются гарантией безопасности личных данных.

Помимо этого, исследователи предостерегают, что информационная «прозрачность» ставит под вопрос неприкосновенность частной жизни. Многие рассматривают ее как угрозу разрастающегося государственного вмешательства в частную жизнь, в том числе уход от его социальных обязательств. Одной из предпосылок к росту возможностей государства для вмешательства в частную жизнь можно считать вступление в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон позволяет различным учреждениям проводить идентификацию и аутентификацию гражданина с помощью биометрических данных, хотя для этого должно быть получено согласие гражданина. На практике может возникнуть ситуация, когда от дачи такого согласия будет зависеть трудоустройство, поступление в вуз, получение иных видов услуг, то есть государство открывает дверь для недобросовестных попыток к ограничению прав и свобод гражданина. Полагаем, по мере расширения применения биометрии количество преступлений будет расти в геометрической прогрессии.

Положительной стороной все большего проникновения цифровых технологий в различные сферы жизни общества, включая сферу социального обслуживания, являются и неизбежно вытекающие из них новые формы оценки качества предоставления услуг. Квалитологические характеристики уровня социального обслуживания будут складываться на основе отзывов прямых потребителей данных услуг, а граждане смогут осуществлять общественный контроль за механизмами реализации норм законодательства на всех уровнях социальной сферы. Цель этого контроля — повышение качества государственных услуг, что приближает абстрактные идеи гражданского общества и социального контроля к практической действительности (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ).

Для эффективного распространения и внедрения в жизнь цифровых технологий необходимо учитывать соблюдение прав человека, в том числе его прав на интернет-платформах (цифровых прав). Рассмотрение цифрового поля взаимодействия должно осуществляться в стратегическом планировании с учетом психологических, социальных и нравственных проблем, проблем социального неравенства. Государство не должно ограничивать право доступа во всемирную сеть, но гарантировать безопасность личных данных, обеспечивать равный доступ информационно-коммуникационным технологиям всех категорий граждан, рассматривать инициативы и жалобы граждан, которые направлены на улучшение и эффективность данного типа взаимодействия. Наиболее важной вехой развития цифровизации должна стать область развития и укрепления частного права. Субъект должен быть активен в выборе стратегий развития и конструирования цифрового пространства, поскольку от этого зависит его благополучие.

Итак, наряду с гуманистическим потенциалом цифровизации существует высокая рискогенность новых информационных технологий на фоне не до конца сложившегося законодательного контура. Исходя из этого, можно заключить, что необходимо создание нормативно-правовой базы, расширяющей социальный контроль за разработкой правовых актов, в которых будет учтено неравномерное вовлечение граждан в мир высоких технологий, не только из-за материального обеспечения, территориальной расположенности, но и в связи с психологической готовностью к данным трансформациям. Все эти вопросы подразумевают развитие правоотношений в координатах этики уважения человека.

Наиболее важным и перспективным направлением для внедрения информационных технологий в социальной сфере видится возможность удаленного предоставления услуг, сведений о деятельности службы, юридической помощи подопечным; оперативного оповещения о возникающих проблемах и экстраординарных

ситуациях, вплоть до круглосуточного видеонаблюдения за нуждающимися в помощи людьми, остающимися в собственных жилищах. Уникальные возможности мгновенной коммуникации между уполномоченными органами, службами и гражданами целесообразно рассматривать как потенциальное поле для дальнейшего развития и применения информационных технологий, причем не только в социальной сфере.

Следует отметить, что подобная коммуникация не должна рассматриваться лишь в рамках взаимодействия между поставщиками и получателями услуг. Не менее важным считается формирование «горизонтального» уровня, на котором общение будет происходить и между получателями услуг. Таким образом, у социальных работников появится возможность, с одной стороны, организовать досуг подопечных или даже некие формы заработка в интернете, в частности посредством выполнения несложных операций (например, компьютерного набора текстов и т. п.), с другой — помочь клиентам избежать депрессии, неизбежного спутника одиночества, причины реальных и психосоматических заболеваний.

На протяжении многих лет для инвалидов и пенсионеров в большинстве регионов РФ проводится обучение компьютерной грамотности. В предстоящие десятилетия состав получателей социальных услуг будет существенно изменяться. Недалеко то время, когда почти все они будут в полной мере владеть информационными технологиями. Готовиться к новой эре взаимодействия с клиентами необходимо заранее. В этой связи считаем уместным рассмотреть вопрос о целесообразности включения в перечень социальных услуг таких услуг, как приобретение, установка, настройка, ремонт компьютерного оборудования, оплата доступа к интернету для некоторых категорий граждан.

Подобные программы в полной мере соответствуют глобальным процессам. Обращая внимание на проблемы людей с ограниченными возможностями, необходимо разработать технологию оценки доступности городской среды [7, с. 19]. «Доступная среда» должна появиться не только на улицах и в общественных пространствах, но и в виртуальной сфере. Подобно тому, как занятия спортом инвалидов дают возможность им интегрироваться в общество и быть его полноценными членами, внедрение информационных технологий в социальную сферу позволит включить в глобальную созидательную деятельность сотни миллионов людей, до настоящего времени вынужденно остающимися на «периферии жизни». Данная задача особенно актуальна для стран западного мира, где, как правило, процессы развития информационных технологий, сокращения числа трудоспособных граждан и старения населения проходят одновременно.

Россию можно отнести к числу государств, находящихся в начале пути к повсеместному внедрению информационных технологий. Основными препятствиями к их широкому использованию в социальной сфере являются ее малое финансирование, территориальная удаленность мест проживания клиентов и специалистов социальных служб, значительное расхождение в уровне жизни между регионами, столицей, сельской местностью и городами, незаинтересованность, непонимание и настороженность в отношении информационных технологий как у получателей социальных услуг, так и у работников социальной сферы. Последние нередко рассматривают их как предвестников грядущих сокращений рабочих мест, повышения требований к профессиональным навыкам сотрудников.

Еще одна значимая новация, которую влечет расширение использования информационных ресурсов в социальной работе, — возможность максимальной централизации баз данных, более эффективного аккумулирования и оперативного реагирования на возникающие проблемы, своевременного перераспределения финансовых, материальных и человеческих ресурсов.

Активно разрабатываемая в последние десятилетия технология искусственного интеллекта открывает широкие перспективы для оптимизации работы бизнеса, государственных и муниципальных органов власти и социальных служб. Основываясь на максимально доступной статистической информации, алгоритмы передовой технологии позволят в полной мере осуществлять мониторинг и прогнозирование развития ситуации в различных областях социальной жизни на десятилетия вперед. Можно надеяться, что с помощью искусственного интеллекта постепенно удастся свести к минимуму вероятность возникновения чрезвычайных масштабных и локальных чрезвычайных ситуаций. Возможные риски будут учитываться заблаговременно, причем как на уровне регионов и государства в целом, так и в отношении отдельных сообществ, семей, индивидов. Например, отсутствие или недостаточный размер доходов родителей, продажа единственного объекта недвижимости, в котором проживает многодетная семья или одинокий пожилой человек, вызовет мгновенную реакцию со стороны сотрудников социальных служб. Они должны будут проверить реальное положение дел у подопечных, оградить их от рисков мошенничества, бедности, иного, оказать необходимую юридическую, консультативную или материальную помощь.

Расширяя области использования информационных технологий и информационных ресурсов в социальной работе, следует учитывать и постоянно возрастающие риски, которые влечет за собой поспешная цифровизация различных сфер жизни. В этих условиях государство обязано взять на себя роль регулятора информационной среды, предоставить гражданам гарантии неприкосновенности, безопасности их персональных данных и приватности личной жизни, защитить от мошенничества, удалять заведомо ложную информацию и т. п. Вместе с тем должна быть организована подготовка соответствующих специалистов для работы в социальной сфере [8, с. 180].

Таким образом, для адекватного реагирования на новые технологические вызовы в эпоху цифровизации применительно к сфере социального обслуживания требуется ряд мер.

1. Формирование электронно-информационных баз, преимущественно закрытых, для служебного пользования, обеспечение безопасного хранения информации.
2. Актуализация единой нормативно-правовой базы, регулирующей применение информационных технологий при осуществлении социального обслуживания.
3. Обеспечение безопасности личных данных граждан, гарантия соблюдения права на приватность и частную жизнь.
4. Развитие «суперсервисов», порталов услуг удаленного доступа и коммуникации.
5. Создание условий для обучения и расширения доступа нуждающихся категорий граждан, клиентов служб социальной поддержки к интернету, различного рода информационным технологиям.
6. Внедрение и распространение технологических инноваций в сферу социального обслуживания.
7. Расширение квалитологических параметров: мониторинг гражданами предоставляемых услуг.
8. Повышение мотивации гражданской активности и формирование института общественного контроля за различными учреждениями, а также тенденциями цифровизации.

Несмотря на недостаточный уровень развития информационных технологий в России, на этом пути в последние годы достигнуты существенные успехи. Цифровизация затрагивает все больше сфер жизни страны, постепенно уравнивая государство в этом отношении с передовыми странами Западной Европы, Север-

ной Америки, Тихоокеанского региона. Безусловно, в позитивном аспекте следует рассматривать проект электронного правительства, внедряющегося в России согласно поручениям Президента РФ, портал «Госуслуги», многофункциональные центры оказания государственных и муниципальных услуг, компьютерные классы в школах, курсы информационной грамотности и безопасности. Все это — привычные элементы повседневного существования людей. Дальнейшее развитие информационных технологий, их широкое применение в социальной сфере радикально повысит уровень предоставления услуг нуждающимся категориям граждан и улучшит качество их жизни.

Литература

1. Седых О. Г. Проблемы ресурсного обеспечения социальной работы // Социология и социальная работа. 2010. № 5. С. 49–56.
2. Андрущенко О. Е. Оценка нуждаемости граждан в мерах социальной поддержки: теоретико-методологические и правовые проблемы // Актуальные проблемы социальной сферы: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. семинара / отв. ред. Н. В. Курилович, А. Ю. Курин. Тамбов: Державинский, 2019. С. 7–9.
3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 25.04.2021).
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/2> (дата обращения: 25.04.2021).
5. Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878> (дата обращения: 25.04.2021).
6. Хомутова Н. Н., Васильева А. Е. «Цифровизация» и права человека в сфере социального обслуживания // Динамика современного общества: трансформация жизненных миров и структур: материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конференции / отв. ред. Н. А. Скобелина. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. С. 158–168.
7. Андрущенко О. Е. Оценка доступности городской среды для инвалидов как практико-ориентированная технология подготовки бакалавров социальной работы // Городская повседневность: региональный и социокультурный контексты. IV Нижневолжские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2019. С. 18–26.
8. Лычагина В. В. Применение информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе: теоретический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3 (43). С. 177–181.

Контактные данные:

Плешаков И. Н.: 400062, Волгоград, Университетский пр., д. 100;
e-mail: 1pin1@mail.ru.

Селезнев В. Д., Хомутова Н. Н.: 195067, Санкт-Петербург, Пискаревский пр., д. 47; e-mail: vladsel51@mail.ru, natalya.khomutova@szgmu.ru.

Contact Details:

Pleshakov I. N.: 100 Universitetskiy Ave., Volgograd 400062, Russia;
e-mail: 1pin1@mail.ru.

Seleznev V. D., Khomutova N. N.: 47 Piskaryovskiy Ave., St. Petersburg 195067, Russia; e-mail: vladsel51@mail.ru, natalya.khomutova@szgmu.ru.

Юмашева И. А., Алеманова Г. Д., Торгунакова Е. В.

Управление коммуникационной политикой вуза

Yumasheva I. A., Alemanova G. D., Torgunakova E. V. Management of Communication Policy of the University

В статье представлены теоретико-методологические основы управления коммуникационной политикой современного вуза. Авторами изложены результаты исследования процессов управления внутренними и внешними коммуникациями вуза в современных рыночных условиях. По итогам исследования предлагается модель управления стратегическими коммуникациями вуза с ключевыми целевыми аудиториями.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникационная политика вуза, стратегические внешние коммуникации, управление процессами коммуникации в вузе, модель стратегических внешних коммуникаций.

The article presents the theoretic and methodological foundations of the management of communication policy of the modern university. The article also presents the results of the study of the processes of management of internal and external communications of the university in modern market conditions. Based on the results of the study, a model of strategic communications management of the university with key target audiences is presented.

Keywords: communications, communication policy of the university, strategic external communications, communication processes management at the university, model of strategic external communications.

В современных условиях динамично изменяющегося рынка образовательных услуг и требований рынка труда к выпускникам вуза высшим учебным заведениям важно постоянно совершенствовать внешнюю коммуникационную политику с ключевыми целевыми аудиториями, среди которых особого внимания требуют абитуриенты, студенты, выпускники, работодатели и партнеры.

Коммуникационная политика вуза представляет собой специфическое сочетание средств рекламы, личной продажи, стимулирование сбыта и связей с общественностью [1]. Результативность коммуникационных процессов находится в прямой зависимости от качества управления данными процессами на стратегической основе и в соответствии с задачами менеджмента вуза. Целенаправленность, комплексность и планомерность коммуникаций могут быть обеспечены только при наличии в вузе эффективной и конкурентоспособной системы управления коммуникациями.

Организационные структуры управления коммуникациями, сформированные в целях реализации коммуникационной стратегии вуза, сегодня становятся важ-

Юмашева Ирина Александровна — заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат педагогических наук, доцент.

Алеманова Галина Дмитриевна — доцент кафедры детских болезней Оренбургского государственного медицинского университета, доктор медицинских наук, доцент.

Торгунакова Елена Владимировна — доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат экономических наук.

© Юмашева И. А., Алеманова Г. Д., Торгунакова Е. В., 2021

ным элементом структуры управления вуза в целом. Управление коммуникациями позволяет своевременно выявить и реализовать коммуникационные возможности вуза, повысить качество его образовательных услуг и тем самым получить весомые конкурентные преимущества [1]. Среди главных проблем управления коммуникациями высших учебных заведений — недостаточное внимание к управлению коммуникациями со стороны топ-менеджмента вуза, недооценка их роли и значимости; несоординированность действий менеджеров по коммуникациям и несогласованность распространяемых информационных сообщений, дублирование функций и неоптимальное расходование средств, выделяемых на коммуникации, а также отсутствие согласованных и иерархически грамотных организационных решений по управлению коммуникациями.

Это нередко порождает в вузе имиджевые и репутационные проблемы, снижает лояльность персонала, обостряет отношения с конкурентами, снижает конкурентоспособность вуза в целом [2]. При рассмотрении коммуникаций исключительно в направленности маркетинга происходит значительное «обеднение» содержания коммуникаций в вузе, поскольку за «границами внимания» остаются коммуникации с заинтересованными сторонами рынка образовательных услуг (конкурентами, партнерами, органами государственной власти и управления), направленные на решение бизнес-задач.

Безусловно, эффективность функционирования вуза находится в прямой зависимости от качества организации образовательных и бизнес-процессов в вузе, обеспечиваемых и поддерживаемых посредством коммуникаций во внутренней и внешней среде учебного заведения [3]. В процессе коммуникаций со всеми заинтересованными сторонами формируются конкурентные преимущества вуза, что повышает его конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. В связи с этим процессы управления коммуникациями должны быть направлены на обеспечение, сохранение и развитие конкурентных преимуществ вуза.

В теории коммуникаций и связей с общественностью в настоящее время не проведено четкого разделения между стратегическими и оперативными аспектами коммуникаций. Отсутствует это разделение и на практике. Вузы организуют множество различных акций, специальных событий, научных мероприятий, но стратегические планы коммуникаций, как правило, отсутствуют. Следовательно, не наблюдаются явления целостности и последовательности коммуникативной деятельности. Управление коммуникациями высшие учебные заведения должны осуществлять в соответствии с принципом многоуровневого построения, заключающемся, на наш взгляд, в том, что процессы управления коммуникациями должны быть объектом стратегического, оперативного и ситуационного менеджмента в вузе.

Форма, в которой высшее учебное заведение преподносит себя, ведет к формированию у заинтересованных сторон рынка образовательных услуг определенного имиджа вуза. При этом внутренняя деятельность вуза, поведение, мотивы преподавателей и сотрудников должны быть адекватны формируемому имиджу. Следовательно, необходимо «отзеркаливание» и обеспечение внутренней средой вуза конкурентных преимуществ, транслируемых во внешнюю среду, что определено нами как принцип симметрии внешних и внутренних коммуникаций.

Управление коммуникациями должно исключить ситуации, в которых вуз транслирует определенные информационные сообщения во внешнюю среду, создавая определенный имидж. При этом во внутренней среде данные сообщения не обеспечиваются сотрудниками или не поддерживаются необходимыми организационными решениями [4].

Вместе с тем следует отметить, что в управлении коммуникациями вузам следует придерживаться принципа вариативности: процессы управления коммуникациями должны предусматривать возможности разнообразного взаимодействия вуза с каждой заинтересованной стороной рынка образовательных услуг одновременно. Базовой задачей стратегического управления внешними коммуникациями служит разработка концепции имиджа вуза, поскольку она в значительной степени определяет цели коммуникации и напрямую влияет на определение адресатов информационных сообщений, стратегию и тактику коммуникаций [5].

Содержание управления внутренними коммуникациями направлено на решение задачи формирования корпоративной культуры вуза, в среде которой наиболее эффективно и адекватно реализуются конкурентные преимущества, транслируемые во внешнюю среду посредством внешних коммуникаций. На стратегическом уровне управления внутренними коммуникациями осуществляется разработка системы корпоративных ценностей и принципов вуза с учетом требований рынка образовательных услуг, рынка труда и последующее укоренение данной системы в вузе как основы его корпоративной культуры [6].

В современной российской образовательной системе сложилась ситуация, когда вузы, разрабатывая стратегию управления коммуникационной политикой высшего учебного заведения, учитывают не только «Стратегию развития высшего образования в РФ», утверждаемую Правительством РФ и Министерством высшего образования РФ, но и «реалии» внешней и внутренней среды пребывания. Не требует обоснования наличие региональной специфики системы высшего образования, специфики кадровой политики и кадрового ресурса вузов, а также особенностей материальных и нематериальных ресурсов высших учебных заведений. Следовательно, при построении модели управления коммуникационной политикой вуза в условиях «сложной многофункциональной среды» наблюдается тенденция, когда при наличии общей схожести «скелета» этой модели четко выделяются специфические подсистемы, «индивидуальные» для каждого вуза схемы внутреннего и внешнего взаимодействия, оказывающие значительное влияние и на кадровую политику, и на систему управления персоналом в конкретном вузе, и на систему работы с целевыми аудиториями.

Современная система внутренних коммуникаций любого российского вуза многомерна, полифункциональна, включает в себя одновременно как тесно взаимосвязанные, так и параллельно действующие подсистемы, представленные на рисунке 1.

Обобщенная структура внешних коммуникационных подсистем вуза показана на рисунке 2.

Внешняя коммуникационная среда современного российского вуза также представляется поливалентной, многоаспектной, сложно структурируемой системой. Следовательно, внешняя и внутренняя модели коммуникаций современного российского вуза являются полифункционалируемыми и трудноуправляемыми системами, требующими безусловной синергии в единое коммуникационное пространство, что обуславливает наличие «проблемных зон» управления коммуникационной политикой высшего учебного заведения, как показано на рисунке 3.

Как известно, стремление к общим ценностям способно объединять людей в группы, «инкорпорировать» их в профессиональное сообщество вуза, создавая кумулятивный эффект достижения преподавателями и сотрудниками поставленных целей. Отсюда необходимость выработки ценностей, общих для вуза, то есть для его собственников, топ-менеджмента, преподавателей и сотрудников [7].

Рис. 1. Обобщенная модель внутренних коммуникаций вуза

Рис. 2. Обобщенная структура внешних коммуникационных подсистем вуза

Рис. 3. Модель управления коммуникационной политикой вуза

К главным проблемам организации коммуникационной деятельности в вузе относятся:

- недостаточное внимание к управлению коммуникациями со стороны топ-менеджмента вуза, недооценка роли и значимости внешних и внутренних коммуникаций;
- отсутствие системного видения коммуникационной деятельности вуза как неотъемлемой составляющей его рыночной стратегии;
- отсутствие согласованных и иерархически грамотных организационных решений по управлению коммуникациями;
- неразработанность стратегии и тактики коммуникаций;
- неполнота или переизбыток выполняемых функций.

С учетом современных реалий и требований к вузам становится очевидной необходимость развития существующих многоуровневых моделей управления учебной деятельностью вуза. Особенно актуальным в процессе развития многоуровневых моделей управления не только учебной деятельностью, но и целостной коммуникационной средой вуза, представляется учет таких принципиально значимых показателей, как:

- ясность принимаемых руководством решений;
- прозрачность и объективность кадровой политики для персонала вуза;
- обоснованность материальной и нематериальной мотивации персонала и обучающихся;
- наличие реальных возможностей и поддерживающих компенсаций для профессионального и научного развития персонала и обучающихся;
- прозрачность системы менеджмента в вузе;
- соответствие утвержденных механизмов внутреннего и внешнего взаимодействия реально существующим в вузе;
- четкость построения системы внутренних коммуникаций и др.

Возможные риски, возникающие при нарушении качественных показателей целостной коммуникационной среды вуза, перечислены в таблице 1.

Нельзя не учитывать, что вуз не может избежать в полной мере всех рисков управления коммуникационной политикой, но каждый вуз стремится к наибольшему нивелированию возникших рисков и тех, которых еще можно избежать. Данная ситуация обусловлена полифункциональностью и трудноуправляемостью современной коммуникационной модели вуза.

В рамках настоящего исследования нами проведен анализ системы управления коммуникационной политикой вуза на примере Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПбУТUiЭ). В этом вузе реализуется концепция непрерывного профессионального образования, поскольку действуют колледж, непосредственно вуз, институт дополнительного образования, программы магистратуры и аспирантуры.

Стратегическое управление внешними коммуникациями вуза осуществляют ректор и структура проректора по внешним связям и работе с абитуриентами. В подчи-

Таблица 1

**Риски, возникающие при нарушении качественных показателей целостной
коммуникационной среды вуза**

Наименование показателя	Риски, возникающие во внутренней среде	Риски, возникающие во внешней среде
Ясность принимаемых руководством решений	Снижение эффективности всех процессов, вплоть до отрицательных показателей. Высокая текучесть кадров. Социальная напряженность, формирующая внутренний кризис. Резкое падение финансово-экономических показателей. Снижение «реальной» научной, образовательной, профессиональной активности профессорско-преподавательского состава (ППС) и обучающихся. Нарушение до критических показателей процессов взаимодействия между подразделениями вуза. Отсутствие понимания объема, сроков и уровня выполняемого функционала со стороны персонала вуза. Отсутствие понимания у обучающихся процессов взаимодействия в вузе	Отток контингента. Падение имиджа вуза за счет распространения негативного мнения обучающихся, ППС, выпускников. Потеря конкурентных позиций на рынке образовательных услуг. Снижение потока абитуриентов. Снижение «качества» абитуриентов. Снижение «качества» выпускников вуза. Потеря качественных позиций на рынке труда (и как работодателя, и как поставщика трудовых ресурсов). Существенные финансово-экономические потери (субсидии, гранты, бюджетные потери и т.д.)
Прозрачность и объективность кадровой политики для персонала вуза		
Обоснованность материальной и нематериальной мотивации персонала и обучающихся		
Наличие реальных возможностей и поддерживающих компенсаций для профессионального и научного развития персонала и обучающихся		
Прозрачность системы менеджмента в вузе		
Соответствие утвержденных механизмов внутреннего и внешнего взаимодействия реально существующим в вузе		
Четкость построения системы внутренних коммуникаций		

нении проректора по внешним связям и работе с абитуриентами находятся управление по работе с абитуриентами, управление рекламы и информационного продвижения, приемная комиссия. Функции по управлению внешними связями с абитуриентами, партнерами-работодателями и выпускниками осуществляются также на уровне институтов и кафедр. Построенная система управления внешними коммуникациями в данном случае характеризуется как сетевая, многоуровневая, и она направлена на качественное обеспечение соответствующего процесса в вузе.

СПбУТУиЭ имеет устойчивое конкурентное положение на рынке образования Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Так, в 2020 г. проведено исследование конкурентоспособности университета посредством сравнения с рядом петербургских и европейских вузов в рамках подготовки к участию в общероссийском конкурсе «100 лучших товаров России». Вузы были выбраны для сравнения на основании реализации идентичных направлений образовательных программ бакалавриата и магистратуры.

В рамках проведенного сравнительного анализа установлено, что профильные дисциплины по реализуемым направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры СПбУТУиЭ на 65 % совпадают с профильными дисциплинами аналогичных направлений европейских вузов. Дисциплины, читаемые в ряде европейских вузов Испании по идентичным направлениям подготовки, совпадают с дисциплинами, читаемыми в СПбУТУиЭ, на 55 %. Но следует учитывать тот факт,

что в программах бакалавриата за рубежом нет базовой, то есть, по сути, обязательной части. Соответственно, часть дисциплин, входящих в обязательный блок профессиональных дисциплин, их бакалаврам не читают.

Преподаватели СПбУТУиЭ в безусловном преимуществе (86 %) имеют научную степень, являются членами российских и международных профессиональных ассоциаций, членами редакционных советов ведущих российских и иностранных журналов; ведут активную научную деятельность, результаты которой публикуются в журналах, входящих в ВАК, *Web of Science*, *Scopus*. Преподавателей вуза постоянно приглашают в качестве консультантов представители российского бизнеса.

Доля научно-педагогических работников, имеющих образование, соответствующее профилю преподаваемой дисциплины (модуля), в общем числе научно-педагогических работников, реализующих программу магистратуры, составляет 100 %. Среднегодовое число публикаций научно-педагогических работников организации за период реализации программы магистратуры в расчете на 100 научно-педагогических работников (в приведенных к целочисленным значениям ставок) в журналах, индексируемых в таких базах данных, как *Web of Science*, *Scopus*, или в журналах, индексируемых в Российском индексе научного цитирования, составляет 173,6.

Качество образовательных программ университета обеспечено реализацией системы профессиональной ориентации будущих специалистов, которая включает в себя систему стажировок на базе ведущих российских и международных кампаний, форсайт-сессии, систему мастер-классов и практико-ориентированных семинаров от ведущих российских и зарубежных работодателей.

С целью формирования и развития профессиональных и надпрофессиональных навыков осуществляется активная научно-исследовательская работа, в рамках которой студенты постоянно принимают участие в конкурсах научно-исследовательских студенческих и молодежных проектов, молодежных грантах, студенческих и молодежных конференциях и форумах всероссийского, национального, международного уровней и т. д. Выпускные квалификационные работы (ВКР) студентов университета имеют практическое применение в решении реальных управленческих и информационно-коммуникационных проблем, о чем свидетельствуют справки о внедрении (более 70 % ВКР выполняются по заказам от организаций и предприятий).

Важно отметить, что в СПбУТУиЭ ежегодно наблюдается высокий процент трудоустройства выпускников по полученной специальности. Так, в 2018–2020 гг. данный показатель составил от 92 до 95 %. В рамках практико-ориентированной модели образовательного процесса по всем образовательным программам высшего образования, реализуемым в вузе, осуществляются такие формы взаимодействия с работодателями, как:

- конкурсы кейсов от работодателей;
- серии мастер-классов по развитию определенной профессиональной или надпрофессиональной компетенции;
- дискурсы, дискуссии;
- научно-практические семинары от работодателей по наиболее актуальным вопросам и профессиональным технологиям;
- проекты «специалист под ключ» и ряд других.

Кроме того, в рамках часов, выделяемых на самостоятельную работу, студенты разрабатывают и реализуют практико-ориентированные проекты по актуальным направлениям в таких сферах, как реклама и *PR*, экономика, менеджмент, юриспруденция и других. Особенность этого подхода к самостоятельной деятельности заключается в подготовке студенческой проектной работы в рамках учебных дисциплин и

при подтверждении уровня профессиональных компетенций как результата освоения образовательной программы (с учетом учебного плана соответствующего курса обучения). Ежегодно по окончании изучения дисциплины/курса проводится защита комплексных студенческих проектов (как одна из форм допуска к аттестации по предмету). Их тематика формируется с учетом осваиваемой дисциплины и специфики получаемой специальности. При этом проекты являются комплексными, то есть включают в себя ряд смежных дисциплин учебного плана. Особенность такого проектного подхода к самостоятельной работе студентов — конечный продукт в виде его реализации на практике с получением очевидных результатов.

Модель управления внешними коммуникациями в СПбУТУиЭ представляет собой многоуровневую, полинаправленную систему, в состав которой входят все структурные подразделения вуза, как видно на рисунке 4.

Главными стратегическими результатами реализуемой практико-ориентированной модели подготовки бакалавров служат развитие взаимодействия кафедр и рынка работодателей; углубление интеграционных и междисциплинарных программ в рамках образовательной программы; повышение статуса студенческой науки и практической подготовки к профессиональной деятельности; формирование условий для непрерывного профессионального роста кадров, соответствующих современным требованиям рынка труда; участие работодателей и иных социальных партнеров как основного условия обеспечения высокого качества подготовки специалистов по реализуемым направлениям подготовки.

Студенты вуза также получают надпрофессиональные компетенции в процессе прохождения производственных практик в пресс-службах органов государственной и муниципальной власти, ведущих коммерческих и промышленных фирмах, редакциях, студиях, при участии в профильных всероссийских и международных научно-практических конференциях, деловых играх, в процессе реализации совместных международных проектов, а также стажировок за рубежом (в Финляндии, Германии, Испании, других странах).

Организационная модель управления внешними коммуникациями с абитуриентами и работодателями представлена на рисунках 5 и 6.

Приоритетными задачами Управления по работе с абитуриентами являются развитие внешних коммуникаций путем взаимодействия вуза с общеобразовательными и профессиональными учебными заведениями среднего профессионального образования Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Система профориентационных мероприятий включает в себя тренинги, мастер-классы, деловые игры. Ежегодно структура этих мероприятий обновляется с учетом запросов будущих абитуриентов. В числе профориентационных мероприятий для школьников и студентов проводятся:

- тренинги, направленные на развитие искусства общения;
- тренинги по разработке и реализации бизнес-проектов;
- мастер-классы по маркетингу, рекламе и *PR*;
- интеллектуальные игры;
- деловые игры, направленные на освоение первичных навыков по направлениям подготовки вуза;
- бизнес-симулятор;
- интеллектуальные состязания;
- финансовые игры;
- викторины;
- кейс-задания;
- квесты;
- форсайт-сессии и др.

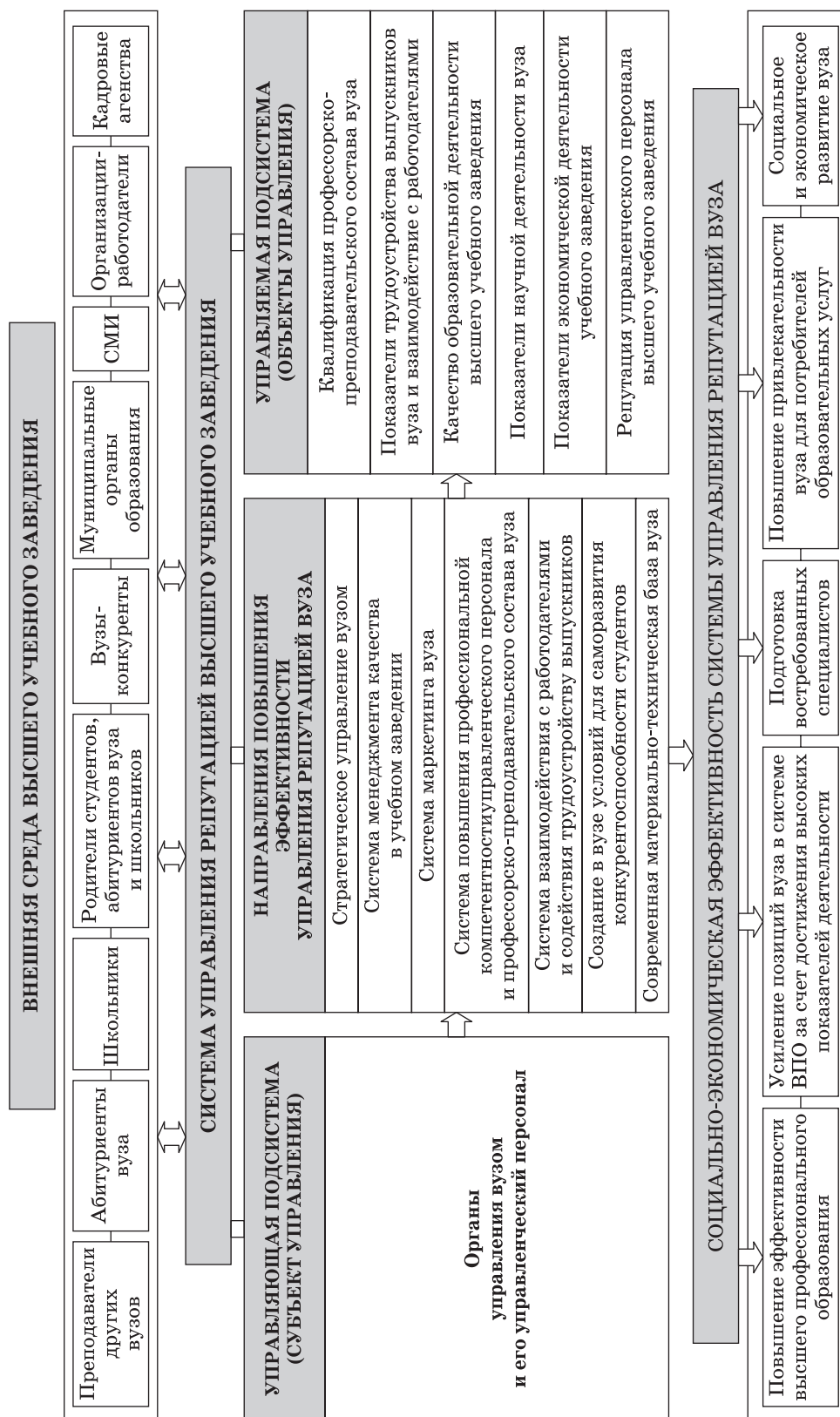

Рис. 4. Модель управления внешними коммуникациями в Санкт-Петербургском университете технологий управления и экономики

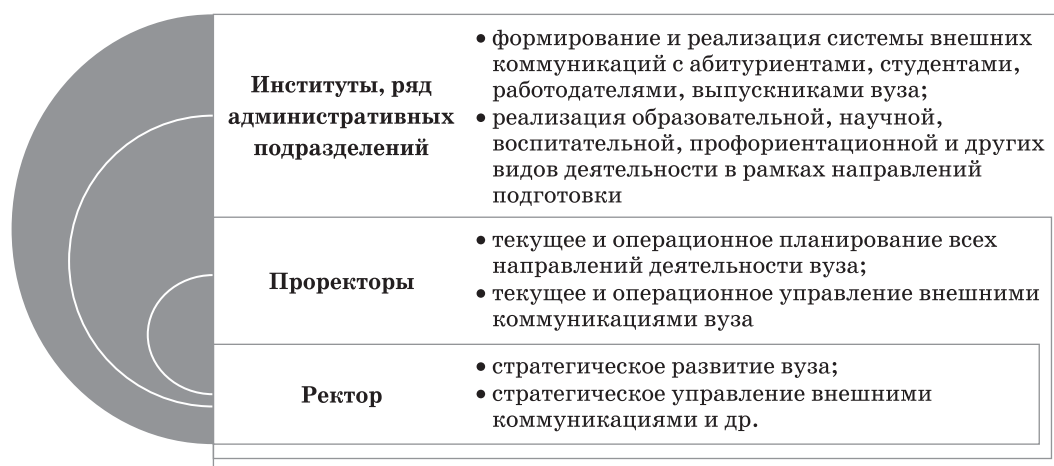

Рис. 5. Общая модель управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ

Рис. 6. Организационная модель управления внешними коммуникациями с абитуриентами и работодателями СПбУТУиЭ

В университете ежегодно проводятся «Дни открытых дверей», в ходе которых абитуриенты знакомятся со структурой вуза, реализуемыми направлениями подготовки, конкурентными преимуществами вуза, особенностями организации образовательного процесса. Абитуриентам предоставлена информация о возможностях зарубежных стажировок, трудоустройства.

Ключевую роль в системе управления внешними коммуникациями вуза играют институты СПбУТУиЭ, которые выстраивают взаимодействие с абитуриентами, работодателями, выпускниками. В процессе данной работы в вузе заключено более 100 долгосрочных договоров о сотрудничестве с работодателями. В рамках системы внешних коммуникаций СПбУТУиЭ проводятся научно-исследовательские и научно-практические мероприятия, в том числе олимпиады, профессиональные конкурсы, проектные мастерские, молодежные проекты и конкурсы, конференции, круглые столы, диспуты. В них участвуют профессорско-преподавательский состав, абитуриенты, студенты, работодатели, представители органов власти и вузов-партнеров (российских и зарубежных).

Структура внешних коммуникаций, выстраиваемая и реализуемая институтами вуза, показана на рисунке 7.

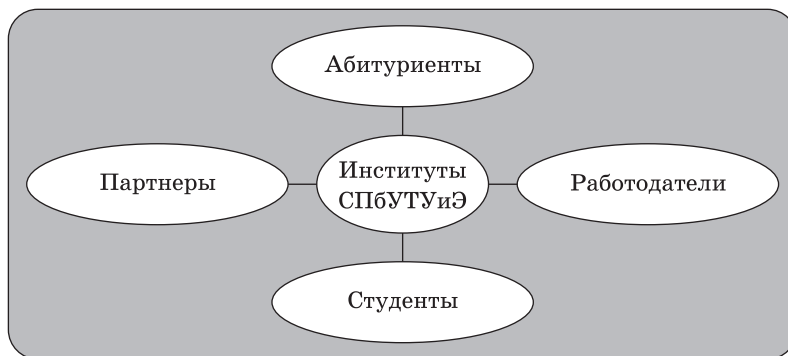

Рис. 7. Структура внешних коммуникаций, выстраиваемая и реализуемая институтами СПбУТУиЭ

Неотъемлемой составляющей в современных условиях динамично развивающейся цифровизации образования является информационная политика вуза. В СПбУТУиЭ этот сегмент деятельности реализуется Управлением рекламы и информационного продвижения. Данное управление выполняет функции по формированию и ведению информационных ресурсов вуза: сайта, официальных групп в социальных сетях, внутривузовской газеты «Менеджер».

В целях реализации информационной политики вуза по внешним коммуникациям с целевыми аудиториями Управление по рекламе и информационному продвижению ведет официальную страницу в соцсети «ВКонтакте». В числе активных подписчиков странички СПбУТУиЭ сегодня более 400 человек, среди которых преподаватели и студенты, абитуриенты, партнеры вуза, работодатели.

Кроме того, в целях реализации миссии «открытого вуза» СПбУТУиЭ принимает активное участие в научных, творческих, профессиональных мероприятиях Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также выступает организатором целого ряда ключевых международных и всероссийских проектов различной направленности.

Рассмотрим систему управления внешними коммуникациями с ключевыми целевыми аудиториями на примере Института гуманитарных и социальных наук СПбУТУиЭ. Структура института дана на рисунке 8.

Структура взаимодействия с ключевыми целевыми аудиториями институтов университета представлена на рисунке 9.

Как видно на рисунке 9, все кафедры институтов находятся в тесном взаимодействии в рамках реализации коммуникаций с внешними целевыми аудиториями. В Институте гуманитарных и социальных наук реализуется комплекс мероприятий, направленных на развитие коммуникаций с абитуриентами, работодателями и выпускниками.

К мероприятиям, направленным на взаимодействие с абитуриентами, относятся олимпиады, конкурсы молодежных проектов, научно-практические конференции учащейся молодежи, форсайт-сессии, деловые игры, профориентационные мероприятия в школах, колледжах, техникумах Санкт-Петербурга. В числе мероприятий, направленных на взаимодействие работодателей и партнеров со студентами, — деловые игры, кейс-серии, студенческие батлы, конкурсы проектов, практические конференции. Среди мероприятий, направленных на взаимодействие с работодателями и партнерами, — научно-методические семинары, практико-ориентированные семинары, научно-прикладные конференции, практико-ориентированные круглые столы.

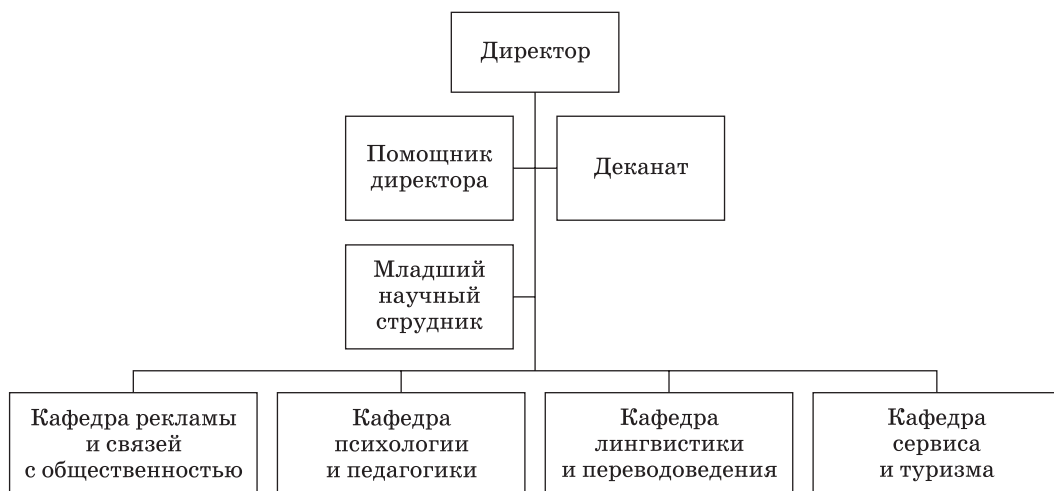

Рис. 8. Организационная структура Института гуманитарных и социальных наук СПбУТУиЭ

Рис. 9. Структура взаимодействия с ключевыми целевыми аудиториями институтов СПбУТУиЭ

Анализ внешних коммуникаций СПбУТУиЭ показал, что сегодня в вузе действует двухуровневая система, которая отражена на рисунке 10.

К преимуществам этой системы управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ относятся комплекс разнонаправленных мероприятий по привлечению целевых аудиторий, усиление взаимосвязей с абитуриентами, работодателями и партнерами, повышение конкурентоспособности, развитие международной деятельности и другие.

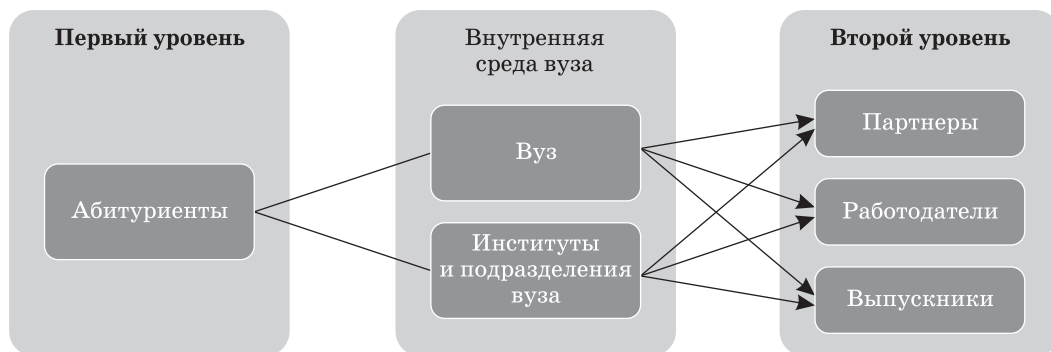

Рис. 10. Двухуровневая система управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ

В процессе исследования выявлены и недостатки реализуемой системы управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ. Среди них — слабая взаимосвязь «абитуриент-студент-выпускник-работодатель», сниженная мотивированность абитуриентов к поступлению в вуз за счет недостаточного взаимодействия «абитуриент-студент-выпускник». В целях совершенствования модели стратегического управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ предлагаем ввести сегмент «студенты» и трансформировать сегмент «выпускники» в «Ассоциацию выпускников СПбУТУиЭ».

В настоящее время в вузе реализуется система активной профессиональной ориентации студентов, в рамках которой проводится большое количество мероприятий, позволяющих будущим специалистам освоить практические профессиональные навыки. Предлагаем включить студентов как один из основных ресурсов и ключевую целевую аудиторию в модель стратегического управления внешними коммуникациями. При таком подходе студенты активно включаются в коммуникационную модель, как с абитуриентами, так и с выпускниками вуза, которые также являются и работодателями-партнерами, что находит отражение на рисунке 11.

При данном построении модели стратегического управления внешними коммуникациями студенты вуза являются одновременно сегментом как внутренней, так и внешней коммуникационной среды. Из числа студентов формируются микрогруппы по всем направлениям подготовки, реализуемым в вузе. Функционал таких микрогрупп заключается в разработке и проведении презентационных мероприятий (для абитуриентов, Ассоциации выпускников вуза, партнеров вуза) осваиваемых специальностей, специфики образовательного процесса в вузе. Данный вид деятельности студенчества может быть реализован в рамках некоторых видов практик, а также в процессе внеучебной деятельности.

Этот подход повысит мотивацию потенциальных абитуриентов к поступлению в СПбУТУиЭ, поскольку преимущества вуза будут представлены группой, которая «из первых уст» позволяет получить необходимую информацию о специфике специальностей, возможностях, открывающихся в процессе образовательного процесса и др. Кроме того, повышается конкурентоспособность студентов как потенциальных работников рынка труда за счет активного взаимодействия с партнерами и работодателями.

Формирование АНО «Ассоциация выпускников СПбУТУиЭ» как некоммерческой организации связано с получением ряда юридических преимуществ. Ассоциацией признается объединение юридических лиц и (или) граждан на добро-

Рис. 11. Трехуровневая модель стратегического управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ с ключевыми целевыми аудиториями

вольном или установленным законом обязательном членстве, созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных целей, не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер. Ассоциация имеет гражданские права и несет гражданскую обязанность, соответствующие целям их создания и деятельности, которые предусмотрены уставами таких ассоциаций. В ассоциации формируются единоличный исполнительный орган (президент из числа выпускников СПбУТУиЭ) и постоянно действующие коллегиальные исполнительные органы (совет, правление, президиум и т. д.): совет по развитию практической подготовки студентов вуза по направлениям подготовки, совет по организации российских и международных стажировок, совет по развитию партнерских программ и др.

В СПбУТУиЭ учреждена Ассоциация выпускников, но требуется активизация ее деятельности. Выполнение данной задачи возможно путем консолидации усилий всех подразделений, подчиняющихся проректору по внешним связям и работе с абитуриентами, и институтов вуза (директоров институтов, заведующих кафедрами, ППС) под руководством ректора СПбУТУиЭ. Для осуществления этой деятельности необходимо сформировать рабочую группу, в функциональные обязанности которой будет входить формирование плана действий, ресурсов, распределение задач и полномочий среди всех подразделений вуза. При этом целесообразно наделение рабочей группы определенными полномочиями, закрепленными документально, что позволит избежать организационных и бюрократических рисков при выполнении ряда действий.

Для любого студента как будущего специалиста определенной сферы профессиональной деятельности огромное значение имеет его дальнейшая работа. Как минимум 40 часов в неделю большинство проводит, решая рабочие вопросы, и это — далеко не предел. Для современных выпускников рабочая неделя продолжительностью 50–60 часов не является редкостью. Работа — это не только источник средств к существованию, но и любимое дело, и повод для гордости. Неудивительно, что в такой ситуации профессиональные вопросы особенно актуальны.

Не всегда недавний выпускник оказывается в таком коллективе и в такой компании, которые могут обеспечить приятную рабочую атмосферу и профессиональный рост. Часто добиться результата «в лоб» не получается — хотя бы ввиду отсутствия информации и транзакционных издержек. Поддержание контактов со своей «профессиональной тусовкой» или с «профессиональным сообществом» может значительно помочь направить рабочую жизнь в нужное русло. Целесообразно войти в данную «профессиональную тусовку» еще на уровне освоения выбранной специальности.

Каждый потенциальный абитуриент выбирает для себя вуз на основе оценки ряда значимых для него характеристик высшего учебного заведения. К одной из таких характеристик относятся перспективы, которые открываются перед выпускниками того или иного учебного заведения. Перспективы, в свою очередь, зависят от трех ведущих факторов: реального качества образования, воспринимаемого обществом качества образования и наличия в вузе системы по «облегчению жизни своих выпускников». Ключевой частью этой системы СПБТУиЭ является именно ассоциация выпускников, то есть так называемые *alumni* (в переводе с лат. «старики»). Чем более многочисленна и мастита *alumni* выбранного института, тем больше у новоиспеченного специалиста шансов быстро найти работу. Тем больше вероятность того, что работа будет его устраивать, тем эффективнее он сможет решать возникающие перед ним задачи, заранее зная людей, которые могли бы ему помочь в их решении, и тем больше в итоге вероятность быстрого карьерного роста.

Миссия Ассоциации заключается в укреплении корпоративного духа всех поколений выпускников вуза, сплочении и социальном продвижении выпускников, их самореализации. Объединенные и успешные, они смогут эффективно содействовать поступательному развитию *alma mater*. Исходя из миссии, определяется и главный принцип работы Ассоциации — передача на самоуправление (по типу *distributed leadership*) выпускникам основных направлений деятельности Ассоциации, чтобы на практике они могли показать превосходство своих знаний и технологий. Выпускники или присоединяются к существующим ролям, или самостоятельно предлагают фронт работ (проекты), круг полномочий и ожидаемые результаты.

С учетом неформальности в Ассоциации не должно быть позиций и отношений подчиненности, но должны быть роли и процедуры, задающие конструктивный процесс взаимоотношений. Члены Ассоциации равноправны. Каждый из членов приносит уникальный вклад и работает над обособленным фронтом работ (проектом). Каждый член Ассоциации делает все возможное, чтобы выполнить взятые на себя обязательства. Если задача (проект), за которую взялся член Ассоциации, выполнена, то он либо берет на себя новую задачу (проект), либо покидает команду, реализовавшую стоящую перед ней задачу (проект). Ассоциация выступает в качестве площадки, которая предоставляет им данную возможность, а роль органов управления Ассоциации заключается в обеспечении контроля и координации за развитием всех проектов и направлений деятельности Ассоциации.

Данный подход повысит мотивацию потенциальных абитуриентов к поступлению в СПбУТУиЭ, поскольку преимущества вуза будут представляться группой, которая «из первых уст» позволяет получить важную информацию об особенностях специальностей, возможностях, получаемых в ходе образовательного процесса. Кроме того, повышается конкурентоспособность студентов как потенциальных работников рынка труда за счет активного взаимодействия с партнерами и работодателями. Важнейшими целями Ассоциации являются укрепление корпоративного духа, расширение круга деловых связей, формирование кадрового резерва, разработка и реализация уникальных межпрофессиональных проектов.

Предлагаемая модель стратегического управления внешними коммуникациями СПбУТУиЭ характеризуется как многоаспектная, прикладная. Она обеспечивает повышение конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг, статуса студента данного вуза и спроса на поступление, а также укрепление и развитие стратегических коммуникаций со всеми сегментами внешней коммуникационной сети.

Литература

1. Бабосов Е. М., Трусъ А. А. Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 95–114.
2. Кравец М. А. Оценка эффективности развития организационных коммуникаций // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 9. С. 56–62.
3. Шершева М. Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: Высшая школа экономики, 2016. 344 с.
4. Кравец М. А. Алгоритм и методология стратегической диагностики организационных коммуникаций // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 4. С. 55–65.
5. Асташина О. В. Коммуникативные стратегии в организации // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2015. № 4. С. 151–156.
6. Доронина Е. Б. Повышение эффективности создания и функционирования сложных систем на основе анализа коммуникативных процессов // Science Time. 2016. № 4. С. 244–254.
7. Шапиро С. А. Организационные коммуникации в целях эффективной работы компании. М.: ГроссМедиа, 2017. 336 с.

Контактные данные:

Юмашева И. А.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: i.yumasheva@spbacu.ru.

Алеманова Г. Д.: 460000, Оренбург, Советская ул., д. 6;
e-mail: k_pediatr@orgma.ru.

Торгунакова Е. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: elena.torgunakova@gmail.com.

Contact Details:

Yumasheva I. A.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: i.yumasheva@spbacu.ru.

Alemanova G. D.: 6 Sovetskaya Str., Orenburg 460000, Russia;
e-mail: k_pediatr@orgma.ru.

Torgunakova E. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: elena.torgunakova@gmail.com.

Шульгина Е. В.

О вреде потребления продукции с содержанием никотина и запрете на ее распространение

Shul'gina E. V. On the Dangers of Consuming Products Containing Nicotine and the Ban on Its Distribution

Статья посвящена исследованию особенностей распространения потребления снюса в России с 2000-х гг. до настоящего времени. Главная цель исследования состоит в формировании общего представления о данной проблеме и выработке актуальных эффективных мер борьбы с ней. В рамках исследования проведен вторичный анализ специализированной литературы и обзор существующих статистических данных, относящихся к теме статьи. Осуществлен контент-анализ информационного сегмента интернета, посвященного изучаемой продукции. В итоге сделаны выводы, позволяющие констатировать актуальность проблемы потребления снюса и его аналогов.

Ключевые слова: снюс, потребление, никотин, несовершеннолетние, запрет, закон.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the spread of snus consumption in the Russian Federation from the 2000s to the present time in order to form a general understanding of this problem and develop relevant effective measures to combat it. A secondary analysis of the specialized literature and a review of the existing statistical data on the problem is made. The content analysis of the information segment of the Internet devoted to the studied products was carried out. According to the results of the work, conclusions were obtained that allow us to state the relevance of the problem of snus consumption and its analogues today.

Keywords: snus, consumption, nicotine, juvenile, prohibition, law.

В соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» понятие «табак сосательный (снюс)» определяется как «вид некурительного табачного изделия, предназначенного для сосания и полностью или частично изготовленного из очищенной табачной пыли и (или) мелкой фракции резаного табака с добавлением или без добавления нетабачного сырья и иных ингредиентов» [1]. Итак, снюс относится к категории бездымных табачных изделий, то есть изделий, употребление которых осуществляется без пиролиза (возгорания). Данный факт послужил основанием представления употребления снюса как гораздо менее вредной альтернативы курению традиционных сигарет.

Цель настоящего исследования заключается в анализе особенностей распространения, употребления снюса в Российской Федерации (РФ) и рассмотрения соответствующей современной ситуации, что может послужить основой для выработки актуальных мер решения обозначенной проблемы. В процессе исследования использовалась следующая методологическая база: проведены вторичный анализ специализированной литературы, сравнительный анализ, обзор статисти-

Шульгина Елена Викторовна — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

© Шульгина Е. В., 2021

ческих данных, качественный анализ специализированных форумов, каналов онлайн-общения, групп в виртуальных социальных сетях.

По внешнему виду снюс представляет собой кашеобразную смесь, которая бывает разных оттенков, от белого до темно-коричневого. Наиболее распространен следующий состав снюса: мелкорубленный табачный лист, вода, соль, консерванты, различные пищевые добавки и ароматизаторы, усиливающие вкус и запах. В продаже снюс реализуется в двух разновидностях:

- порционно (небольшие прямоугольные пакетики, похожие на чайные, как правило, белого либо коричневого цвета; наиболее популярны фасовки 0,5, 1 либо 1,5 г);
- россыпью (как правило, упакован в небольшие картонные либо пластиковые коробки).

Самыми распространенными способами употребления являются рассасывание (помещение порционного пакетика под губу на время от 30 до 60 мин) и жевание (в данном случае используется рассыпной снюс).

Эффект от употребления снюса вызван поступлением никотина в организм потребителя. При этом, по сравнению с действием при курении традиционных сигарет, происходит более интенсивное и медленное всасывание никотина, что обуславливает эффект, схожий с наркотическим, в том числе быстрое формирование зависимости и абстинентный синдром. Снюс действует как психостимулятор, вызывая чувство бодрости, которое переходит в тревожность, беспокойство и нервное перевозбуждение. В одном порционном пакете снюса может содержаться от 50 до 250 мг никотина. По некоторым медицинским данным, поступление в организм уже 30 мг способно вызвать летальный исход. Согласно результатам европейского исследования, употребление снюса почти в 100 % случаев вызывает в той или иной степени поражения тканей слизистой оболочки полости рта [2].

Официально о вреде данной продукции упоминается в докладе Программного комитета под названием «Табак или здоровье» от 1985 г., размещенном на сайте Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [3]. С 1993 г. действует запрет на продажу снюса на территории Европейского союза, кроме Швеции — страны происхождения данного продукта. На российском рынке снюс появился в начале 2000-х гг. и получил широкое распространение. Он был представлен как более безопасная альтернатива традиционному курению. Так, в статье от 2003 г., опубликованной в специализированном журнале «Табачный магазин», перечислены преимущества употребления снюса: *«...легкие не задействованы и не страдают от очередной порции дыма. <...> Не секрет, что наибольший вред организму наносят канцерогенные вещества, которые содержатся в табачном дыму, а не сам никотин, ради получения которого люди, собственно, и курят. В бездымных табачных товарах, включая снюс, они тоже присутствуют, но в гораздо меньшей степени. <...> Результатом проведенных исследований стало официальное заключение российских медицинских экспертов о том, что снюс "не представляет канцерогенной и мутогенной опасности"... Можно отметить его универсальность, ведь употреблять снюс можно практически везде и всегда, не причиняя неудобств окружающим»* [4].

Принятый Государственной Думой РФ в июне 2001 г. Федеральный закон «Об ограничении курения табака» [5] поставил снюс в более выгодную позицию по сравнению с другими видами табачных изделий. Часть потребителей обратились к снюсу как незаметному способу получения дозы никотина в общественных местах и на транспорте, везде, где курение теперь оказалось под запретом. До вступления в силу Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ

«Технический регламент на табачную продукцию» снюс находился в свободной продаже, затем в соответствии с требованиями нового закона реализация снюса осуществлялась только с акцизными марками в специализированных магазинах табачной продукции [1].

В работе исследователей Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий Российской академии сельскохозяйственных наук от 2009 г. приведены данные, согласно которым прослеживается тенденция роста продаж и употребления снюса в РФ примерно в два раза ежегодно [6, с. 85]. Масштабную волну беспокойства вызвало стремительное распространение употребления снюса среди несовершеннолетних. Одной из главных причин широкой популярности снюса у подростков является незаметность его употребления, обусловленная отсутствием характерного запаха, дыма, маленькими по размеру порциями и пероральным приемом. Зафиксированы случаи потребления снюса учащимися на уроке [7].

Привлекательность снюса достигается и за счет яркой упаковки (вплоть до брендированной под видом таких известных марок, как *Tic tac*, *Mentos*, *Skittles* и др.) и фасовки в виде конфет или шариков, вызывающих у несовершеннолетних прямую ассоциацию с безвредными леденцами и снимающих барьер страха первой пробы. Повышенное, по сравнению с традиционными сигаретами, содержание в снюсе никотина обуславливает более быстрое формирование зависимости, избавиться от которой самостоятельно, даже после нескольких приемов, становится практически невозможно. К тому же с единовременным поступлением высокой дозы никотина способен справиться далеко не каждый зрелый организм, не говоря уже о детском.

Одно из недавних изобретений — никотиновый мармелад, не отличимый по внешнему виду от безобидной сладости, но вместе с тем содержащий высокую концентрацию никотина. Его особая опасность заключается в следующем: если традиционный снюс вызывает жжение и тем самым провоцирует потребителя, особенно ребенка, скорее извлечь его, то указанный мармелад употребляется до конца, обеспечивая поступление в организм полной дозы содержащегося в нем никотина. При этом на законодательном уровне не существует официального запрета продажи такого пищевого продукта, в том числе несовершеннолетним.

Низкая цена (примерно от 250 руб., по некоторым данным, при покупке через социальные сети и от 150 руб.) делает приобретение снюса и его аналогов доступным для широких слоев населения [8]. Высокий уровень популярности снюса и его аналогов обеспечивается и посредством пропаганды в социальных сетях, чью аудиторию преимущественно составляет молодежь, рекламы в интернете и известных онлайн-каналах общения. Так, при вводе в поисковый запрос мессенджера *Telegram* слова «снюс» мгновенно появляется список магазинов (наиболее крупный из них насчитывает более 127 тысяч подписчиков), где можно приобрести данную продукцию, подробная инструкция покупки, ссылки на приватный чат общения клиентов.

Социальная сеть «ВКонтакте» в результате поиска по запросу «снюс» выдает 1 951 сообщество, так или иначе посвященное данной продукции. Наиболее популярные из них включают в себя десятки тысяч подписчиков («Пацаны и снюс» — 285 421 человек, «Кидай снюс, а не пацанов» — 127 786 человек, «Снюс» — 107 040 человек и др.). Некоторые группы в аккаунте указывают фразу «Сообщество НЕ ЗАНИМАЕТСЯ продажей и пропагандой употребления запрещенных на территории РФ табачных изделий, особенно несовершеннолетними!». Однако представленная на их страницах информация прямо противоречит данному заявлению. К тому же администраторы подобных сообществ не

контролируют возраст участников, снимая с себя ответственность пометкой об автоматическом подтверждении совершеннолетия при вступлении в группу.

Не менее популярная сеть *Instagram* также содержит многочисленные аккаунты, представляющие магазины, занимающиеся торговлей снюсом и его аналогами. Поиск по соответствующему хештегу выдает более 74 тыс. публикаций, включающих в себя и информацию об ассортименте данной продукции, актуальный прайс-лист, инструкции по употреблению и приобретению.

В то же время на форумах общения бывших потребителей психоактивных веществ снюс все чаще приравнивают к наркотикам: «...*толерантность к этому психоактивному веществу растет быстро. А это ведет к тому, что доза растет не по дням, а по часам*» [9]; «Снюс — это наркотик для школьников, вставляет как гашиш, примерно, но действие кратковременное» [10]; «...я считая это таким же наркотиком, как и марихуана. Это тот маленький кайф, с чего начинается поиск еще большего кайфа. Я много знаю про снюс и что это такое. Я его пробовал, и попробовав понял, что это именно наркотик... Бешеная доза солевого никотина вставляет так же, как гашиш, держит только не долго» [11].

Первые попытки запретить продажу снюса предприняты в России в 2012 г. В первоначальном тексте внесенного в Государственную Думу РФ законопроекта «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» содержался пункт о запрете оптовой и розничной торговли некуриТЕЛЬНЫМИ табачными изделиями [12]. Однако ко второму чтению данный пункт удален, и снюс продолжал оставаться в легальном поле продажи.

Первым регионом, запретившим продажу снюса, стала Республика Татарстан. Причиной внесения этой продукции в список запрещенной республиканские власти назвали многочисленные обращения руководства местных образовательных учреждений, которое обеспокоено широкой распространенностью употребления снюса среди учащихся [13]. Официальный запрет на торговлю снюсом в России введен лишь в 2015 г. с принятием поправок в Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и статью 14.53 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая устанавливала административную ответственность за нарушение запрета в виде штрафа для граждан в размере 2–4 тыс. руб., для должностных лиц — 7–12 тыс. руб., для юридических — 40–60 тыс. руб. [14]. Однако в ответ на установленный запрет снюс стал поступать на российский рынок под видом табака жевательного, а также в бестабачном варианте, представляющем собой растительную смесь из трав и волокон с добавлением концентрированного никотина и ароматизаторов. Тем самым распространителям удалось не попасть под действие принятого закона и продолжить торговлю данной продукцией.

Полноценные статистические данные о распространенности потребления снюса отсутствуют. Согласно данным ВОЗ, его употребление зафиксировано среди 2,7 % российской молодежи [15]. По результатам опроса четырех тысяч школьников (10–17 лет), проведенного экспертно-аналитическим центром проекта «Трезвая Россия», 100 % опрошенных знали, что такое снюс, и 25 % хотя бы раз его пробовали [16]. В распоряжении Правительства РФ от 18 ноября 2019 г. № 2732-р «О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу» представлены данные о распространенности потребления никотинсодержащей продукции в возрастной группе 18–24 лет

в 19,1 %, что в десять раз превышает такую распространенность в остальных возрастных группах [17].

К 2019 г. употребление снюса и его аналогов среди несовершеннолетних приобрело характер эпидемии. В информационных сводках значительно участились сообщения о случаях отравления данной продукцией в различных регионах страны. 17 января 2020 г. Министерство здравоохранения РФ официально зарегистрировало первый в стране случай летального исхода подростка от употребления снюса, хотя СМИ сообщали информацию о нескольких смертельных отравлениях школьников этой продукцией еще в декабре 2019 г. [18].

В начале 2020 г. с целью закрыть пробел в федеральном законодательном акте относительно торговли никотинсодержащими смесями главы Башкирии, Татарстана, Нижегородской и Ленинградской областей, ряда других субъектов РФ ввели полный запрет продажи данной продукции на территории соответствующих регионов [19]. Региональными отделами Роспотребнадзора совместно с полицией в стране проведены проверки точек, реализующих никотинсодержащую продукцию, по результатам которых изъято около миллиона единиц данных товаров [20]. Помимо этого, осуществлялись регулярные ревизии складских комплексов, в результате чего обнаружены сотни тысяч находящихся на хранении и готовых к реализации разовых доз снюса и его аналогов [21], обнаружена и ликвидирована лаборатория по производству никотинсодержащих смесей [22]. Органами МВД России регулярно выявлялись и пресекались факты незаконной продажи снюсов и их аналогов, в том числе несовершеннолетним покупателям [23].

По состоянию на начало 2021 г. продолжает поступать информация о выявлении мест продажи снюса и его аналогов, о росте в отдельных регионах зафиксированных случаев потребления данной продукции [24]. С инициативой принятия закона, полностью запрещающего торговлю никотиновыми смесями, отдельные депутаты выступили еще в ноябре 2019 г. Однако, согласно официальным данным, в конце 2020 г. соответствующий законопроект снят с рассмотрения Государственной Думы РФ [25].

Таким образом, потребление снюса и его аналогов, в том числе несовершеннолетними, остается актуальной проблемой в нашей стране. Существующий пробел в законодательной базе позволяет производителям и продавцам обходить установленный запрет, изменяя в составе табак на никотиновую смесь. Несмотря на заявления представителей власти об ужесточении ответственности за пропаганду в интернете запрещенных веществ, в виртуальном информационном пространстве в свободном доступе содержатся многочисленные материалы, посвященные снюсу и его аналогам, инструкции по их приобретению и потреблению. До тех пор пока употребление снюса будет пропагандироваться как модное времяпрепровождение, с данной проблемой будет трудно бороться, особенно среди подростков. Особую опасность представляет вовлечение детей в употребление снюса и его аналогов: данная продукция с высоким содержанием никотина продается в том числе в виде леденцов и мармелада, что создает у них прямую ассоциацию с безобидными сладостями и нивелирует страх первой пробы.

В качестве первоочередных мер необходимо совершенствование законодательной базы, которая запрещала бы не только снюс, но и любые жевательные, сосательные никотиновые смеси, их аналоги; создание альтернативных увлекательных, полезных и доступных форм досуга для детей и подростков; проведение профилактических бесед, направленных не на запугивание и гиперболизацию вреда, что способно вызвать протест и обратную реакцию, а на предоставление в понятной для аудитории форме достоверной информации о последствиях зависимого поведения.

Литература

1. Технический регламент на табачную продукцию: федер. закон от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ // Российская газета. 2008. 26 декабря.
2. Kallischnigg G., Weitkunat R., Lee P. Systematic review of the relation between smokeless tobacco and non-neoplastic oral diseases in Europe and the United States // BMC Oral Health. 2008. May 1. DOI: 10.1186/1472-6831-8-13
3. Табак или здоровье: доклад Программного комитета. 77 сессия. 1985 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: офиц. сайт. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/180722?search> (дата обращения: 04.05.2021).
4. Снюс — достойная альтернатива, если дымить нельзя // Табачный магазин. 2003. Апрель.
5. Об ограничении курения табака: федер. закон от 10 июля 2001 г. № 87-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2008 г.) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/O-proekte/> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Миргородская А. Г., Антоненко И. Г., Лыгина Л. В., Герасина И. В., Алексеева Е. А. Бездымное табачное изделие — снюс // Сборник научных трудов. Краснодар: Всерос. науч.-исследовательский институт табака, махорки и табачных изделий, 2009. Вып. 178. С. 84–88.
7. Курганов Д. Эпидемия государственного масштаба. Как школьников «подсаживают» на снюс [Электронный ресурс] // Царьград. 2019. 3 декабря. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fjepidemiya-gosudarstvennogo-masshtaba-kak-shkolnikov-podsazhivajut-na-snjus_228668&d=1&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 10.05.2021).
8. Мерзликин П. Российские СМИ пишут о массовых отравлениях школьников снюсом. Что это такое? Снюс правда опасен? [Электронный ресурс] // Медуза. 2019. 26 ноября. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/26/rossiyskie-smi-pishut-massovyh-otravleniyah-shkolnikov-snyusom-cto-eto-takoe-i-deystvitelno-li-on-opasen> (дата обращения: 10.05.2021).
9. Башарова Р. Снюс — наркотик ли это? [Электронный ресурс] // Nonarko.info. 2021. 22 января. URL: <https://nenormaforum.info/threads/snjus-narkotik-li-eto.5175/> (дата обращения: 30.04.2021).
10. Нашла в кармане у сына [Электронный ресурс] // Nonarko.info. URL: <https://nenormaforum.info/threads/nashla-v-karmane-u-syna.3905/#post-406186> (дата обращения: 30.04.2021).
11. Бросаю наркотики! Моя история [Электронный ресурс] // Nonarko.info. URL: <https://nenormaforum.info/threads/stati-dima.3599/page-2#post-378934> (дата обращения: 30.04.2021).
12. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [Электронный ресурс]: законопроект № 163560-6 // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=163560-6&02> (дата обращения: 29.04.2021).
13. Юдкевич М. В Татарстане запретили снюс и снафф // Вечерняя Казань. 2014. 1 декабря.
14. О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и статью 14.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 456-ФЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196014/> (дата обращения: 04.05.2021).
15. Никотиновые леденцы. Почему снюс так опасен и что делается для борьбы с ним? [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 2020. 10 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7362631> (дата обращения: 26.04.2021).
16. «Трезвая Россия» попросила Минздрав запретить продажу табака около школ // ИА ТАСС. 2019. 20 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7166013> (дата обращения: 26.04.2021).

17. О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2019 г. № 2732-р // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943536/#ixzz6w9UpmvHP> (дата обращения: 27.04.2021).
18. Кориненко Е. Конфетный период: почему регионы поочередно запрещают продажу снюсов [Электронный ресурс] // Iz.ru. 2019. 25 декабря. URL: <https://iz.ru/957934/ekaterina-korinenko/vozmi-konfetku-regiony-poocheredno-zapreshchaiut-prodazhu-sniusov> (дата обращения: 27.04.2021).
19. Кузнецова А. Бороться со снюсом необходимо сообща и системно [Электронный ресурс] // Вести образования. 2020. 10 февраля. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/2/10/teenager/11518-anna_kuznetsova_borotsya_so_snyusom_neobhodimo_soobscha_i_sistemno (дата обращения: 27.04.2021).
20. В России изъято более миллиона упаковок снюса [Электронный ресурс] // Новая Сибирь online. 2020. 11 января. URL: <https://newsib.net/novosti/v-rossii-izyato-bolee-milliona-upakovok-snyusa.html> (дата обращения: 30.04.2021).
21. Сотрудники МВД России пресекли незаконную реализацию снюсов в Москве и Московской области [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. 2020. 13 февраля. URL: <https://мвд.рф/news/item/19537433> (дата обращения: 04.05.2021).
22. В Твери полицейские задержали подозреваемого в производстве и сбыте «снюсов» [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. 2020. 24 июля. URL: <https://мвд.рф/news/item/20697590> (дата обращения: 04.05.2021).
23. В Дзержинском районе Ярославля полицейскими выявлен продавец «снюсов» [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. 2020. 24 июля. URL: <https://мвд.рф/news/item/20696577> (дата обращения: 04.05.2021).
24. Шеметова О. Школьникам рассказали о последствиях употребления наркотиков в Хабаровском крае [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2021. 20 февраля. URL: <https://www.hab.kp.ru/online/news/4195302/> (дата обращения: 04.05.2021).
25. О внесении изменения в статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (в части установления запрета торговли табаком, а также любыми никотинсодержащими смесями) [Электронный ресурс]: законопроект № 848015-7 // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848015-7> (дата обращения: 06.05.2021).

Контактные данные:

Шульгина Е. В.: 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5;
e-mail: elena_shulgina@inbox.ru.

Contact Details:

Shul'gina E. V.: 24/35 Krzhizhanovskogo Str., Bldg. 5, Moscow 117218,
Russia; e-mail: elena_shulgina@inbox.ru.

Левицкая А. Н.

Проблемы межпоколенного взаимодействия в коммерческих организациях и пути их решения

***Levitskaya A. N. Problems of Intergeneration Interaction in Commercial
Organizations and Ways of Their Solution***

Одной из ключевых проблем функционирования любой коммерческой организации, независимо от ее размера, рода ее деятельности и численности персонала, является проблема взаимодействия различных социальных групп. Данная проблема может возникать во взаимопонимании между руководителями и подчиненными, между сотрудниками различных подразделений компаний, в виде конкуренции между сотрудниками одного отдела. Но наиболее остро она проявляется во взаимодействии сотрудников, относящихся к разным поколениям. При этом, как показывает опыт исследований, проблема межпоколенного взаимодействия сегодня носит характер столкновения мировоззрений — цифрового и постиндустриального. В настоящей статье будут рассмотрены особенности представителей различных поколений, осуществляющих совместную трудовую деятельность в рамках коммерческой организации, и предложены методы разрешения противоречий, возникающих в процессе этой деятельности, сформулированные посредством исследования взглядов представителей нескольких поколений. В заключение автор предлагает свои суждения о таких современных трендах управления человеческим ресурсом, как саморазвивающаяся организация и проведение ассессментов.

Ключевые слова: рынок труда, коммерческая организация, классификация поколений, человеческий ресурс, взаимодействие, методы сотрудничества, саморазвивающаяся организация, ассессмент-центр.

One of the key problems in the functioning of any commercial organization, regardless of its size, its type of activity and the number of personnel, is the problem of interaction between various social groups. This problem can arise in mutual understanding between managers and subordinates, between employees of various divisions of companies, in the form of competition between employees of one department, but this problem is most clearly manifested in the interaction of employees belonging to different generations. Moreover, as the research experience shows, the problem of intergenerational interaction now has the character of a clash of world-views — digital and postindustrial. This article will consider the features of representatives of different generations who work together in a commercial organization and propose methods for resolving contradictions that arise in the process of this activity, formulated through the study of the views of representatives of several generations. In conclusion, the author will offer to the audience his judgments about such modern trends in human resource management as a self-developing organization and assessments.

Keywords: labor market, commercial organization, classification of generations, human resource, interaction, methods of cooperation, self-developing organization, assessment center.

Левицкая Александра Николаевна — аспирант кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Левицкая А. Н., 2021

Сегодня на рынок труда выходят молодые специалисты, которых условно принято относить к поколению *Z*. Представители этого поколения обладают целым набором индивидуальных характеристик, которые отличают их от предыдущих поколений, что, безусловно, осложняет межпоколенное взаимодействие. В настоящей статье автор выдвигает *гипотезу* о том, что мировоззренческие установки представителей молодого поколения (поколения *Z*) настолько отличаются от предыдущих поколений (поколений *X* и *Y*), что стандартизированные методы управления персоналом в организации не смогут, во-первых, разрешить проблемы, возникающие в процессе совместной трудовой деятельности между представителями различных поколений [1, с. 7], во-вторых, использовать способности представителей молодого поколения в качестве максимально эффективного ресурса. Иными словами, наступил период, когда рынок труда нуждается в обновлении системы методов управления персоналом [2, с. 11].

Цель нашего исследования — разработать методические рекомендации по эффективному взаимодействию представителей различных поколений, ведущих совместную трудовую деятельность в рамках одной коммерческой организации. В качестве объекта исследования выступают взгляды представителей трех поколений (поколений *X*, *Y* и *Z*) на межличностное взаимодействие в трудовом коллективе. В качестве эмпирического объекта в исследовании приняли участие студенты старших курсов обучения в вузе (старших курсов бакалаврского уровня и магистерских программ), управляющий и руководящий персонал различных коммерческих организаций Санкт-Петербурга.

В качестве предмета исследования нами рассмотрены методы взаимодействия представителей различных поколений внутри организации.

Задачи исследования:

1. изучить ключевые характеристики представителей поколений *X*, *Y* и *Z*;
2. изучить наиболее популярные способы взаимодействия между сотрудниками в организации;
3. исследовать, какие способы наиболее эффективного взаимодействия внутри организации видят представители различных поколений;
4. исследовать, какие выгоды от сотрудничества получают представители различных поколений в частности и организация как структура в целом;
5. на основании данных исследования разработать рекомендации по наиболее эффективным методам взаимодействия представителей различных поколений в организации.

Методика исследования

В целях настоящего исследования автором проведен ряд мероприятий по сбору информации: во-первых, анкетирование и фокус-группы со студентами последних курсов бакалавриата и магистратуры, которые параллельно с учебой ведут трудовую деятельность в коммерческих организациях различных сфер (в статье эта группа респондентов названа «поколение *Z*», «молодые специалисты», «начинающие сотрудники»). Во-вторых, организован ряд интервью с представителями коммерческих организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области, занимающими управляющие и руководящие должности (в статье эта группа названа «поколения *X* и *Y*», «руководители», «работодатели»).

Исследование мнений студентов проводилось с сентября 2019 г. по апрель 2021 г. Всего в исследовании приняли участие 617 респондентов из этой группы, что отвечает требуемому размеру репрезентативной выборки (384 человека), с учетом 95 % доверительной вероятности и доверительным интервалом 5 %.

Генеральная совокупность этой группы составила 800 000 человек. Исследование мнений респондентов группы «руководители» проводилось с июня 2020 г. и продолжается в настоящее время. Всего в исследовании приняли участие 384 респондентов, являющихся сотрудниками различных организаций Санкт-Петербурга и занимающих линейные и руководящие позиции, что также соответствует требуемому размеру репрезентативной выборки.

В качестве источников в исследовании используются дневники наблюдений, результаты интервью с участниками рынка, материалы СМИ, интернет-контент, материалы периодических научных изданий. С целью сбора информации в исследовании применялись методы анализа вторичных данных, анкетирования, интервью, экспертной оценки. Методический инструментарий настоящего исследования разработан автором.

Исследование проблемы взаимодействия представителей различных поколений не представляется возможным без изучения ключевых особенностей, присущих каждому поколению и характеризующих его как социальную группу. В целях подготовки настоящей статьи автором рассмотрены три поколения — X, Y и Z ввиду того, что представители именно этих поколений составляют в настоящее время основу человеческого капитала и ведут наиболее активную трудовую деятельность в коммерческих организациях. Концепция поколений, разработанная У. Штраусом и Н. Хоувом, позволила вывести ряд закономерностей в вопросе сменяемости поколений и архетипов, формирующихся в том или ином поколении на фоне эпохи [3, р. 107]. Несмотря на то, что данная концепция основана не только на личных исследованиях ее авторов, но и включает в себя научный базис, сформулированный ранее другими учеными, изучавшими вопросы межпоколенного взаимодействия, в том числе такими как К. Мангейм, О. Конт, Т. Парсонс, Х. Ортега-и-Гассет, М. Мид, Д. С. Милль, Ж. Дромель, в большей степени она отражает смену поколений в западноевропейском и американском обществах.

Российское общество развивалось в рамках своей исторической парадигмы, и это также следует учитывать при исследовании особенностей различных поколений. Модель концепции поколений в том виде, в котором она сформулирована западными учеными, нашла применение и в отечественной науке. Родоначальниками российской концепции поколений принято считать Т. Шанина и Ю. А. Леваду [4, с. 312]. В основу системы периодизации поколений Ю. А. Левада вложил эпохи «массовой» жизни, определив их такими феноменами, как война, голод, коллективизация, паспортная система, переселение в города, введение и отмена распределения товаров по карточкам, массовое жилищное строительство, автомобилизация, развитие потребления в бездефицитных условиях, дефолт 1998 г. [5, с. 8–9].

В начале 2000-х гг. российские ученые Е. Шамис, А. Антипов и Е. Никонов, используя модель поколенной концепции У. Штрауса и Н. Хоува и объединив ее с более ранними поколенными концепциями российских социологов, разрабатывают интегрированную модель поколенной концепции, представленную в таблице 1. В этой модели названия поколений соответствуют западным аналогам, совпадают временные периоды, что, безусловно, можно считать преимуществом данной модели. Однако в научном сообществе существует критическое мнение, основанное на том, что события, происходящие в российской истории, искусственно подогнаны под временные интервалы с целью соответствия модели Штрауса/Хоува [6, с. 44]. В этот же период интерес к поколенной концепции начинают проявлять маркетинологи, специалисты по рекламе и связям с общественностью, HR-менеджеры [7, с. 110].

Таблица 1

Классификация поколений Е. Шамис и А. Антипова

№	Название поколения	Период рождения	Основные мировые события, повлиявшие на формирование ценностей
1	Поколение GI («поколение Победителей», «герои»)	1900–1923	Первая мировая война, Вторая мировая война, революции 1905 и 1917 гг., электрификация
2	Молчаливое поколение («книжные дети»)	1924–1943	Вторая мировая война, индустриализация, коллективизация, культ личности И. В. Сталина, сталинские репрессии, послевоенный восстановительный процесс, холодная война, открытия в области техники и технологий
3	Беби-бумеры («бумеры»)	1944–1963	СССР — супердержава, «оттепель», покорение космоса, холодная война, достижения в медицине, стандартизация образования
4	Поколение X («неизвестное поколение»)	1964–1983	Холодная война, война в Афганистане, появление СПИДа, бум распространения наркотиков, перестройка
5	Поколение Y («поколение Сети», «поколение Миллениум»)	1984–1999	Распад СССР, «лихие 90-е», безработица, террористические акты, военные конфликты, атипичная пневмония, развитие цифровых технологий (мобильные телефоны и интернет, появление брендов)
6	Поколение Z («цифровое поколение»)	2000–2020	Век доступности информации, гаджетов, wi-fi, геймификация, экономический кризис

Источник: URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 21.05.2021).

Характерными особенностями представителей поколения X принято считать готовность к изменениям, способность работать над собой, восприимчивость к критике, информированность, свободу выбора, стремление к саморазвитию в профессиональном плане, стремление к карьерному росту и продвижению, достижению высокого уровня жизни, индивидуализм, прагматизм, надежду на свои силы, высокую работоспособность, производительность, ответственное отношение к делу [8].

Поколение Y во многом схоже в ценностном плане с поколением X. Но в качестве отличительных особенностей следует отметить, что данное поколение стало первым в новейшей истории России «цифровым» поколением, то есть его представители уже в юном возрасте владеют новыми технологиями и являются приверженцами внедрения их в повседневную жизнь. Это поколение более инфантильно, менее амбициозно, менее нацелено на семейные ценности. Однако оно имеет более высокий уровень способностей к накоплению и инвестированию [9, с. 102].

Говоря о характерных особенностях и ценностях поколения Z, следует начать с главного. Это — поколение цифровой реальности, которая полностью формирует его мировоззрение. Для представителей поколения Z технологии являются базовым условием повседневной жизни, они задают и характерные особенности представителей поколения: умение работать в режиме многозадачности, раннюю

материальную независимость, склонность к самообразованию и саморазвитию [10, с. 110–111], неприятие авторитета взрослого, склонность к гедонизму как философии комфортной жизни во всех аспектах, включая выбор профессии и продвижение в ней [11, с. 97], клиповое мышление [12, с. 68] и фрагментарность сознания [13, с. 94].

В западном мире широкую популярность набирает гуманистический подход внутриорганизационного взаимодействия, подразумевающий развитие организации через развитие ее социальной структуры. В рамках данной модели сотрудники компании рассматриваются как ядро организации, вокруг которого выстраивается система взаимодействия, а не как элемент организационной структуры [14, с. 286]. Такой подход позволяет соотносить мотивы и возможности сотрудников с потребностями организации, эффективнее использовать человеческий потенциал. Применима ли данная модель к российским реалиям? Безусловно, применима. Западные компании, имеющие представительства на территории Российской Федерации (РФ), например, компания *Google* [15, с. 52], работают именно в рамках гуманистической концепции взаимодействия. Вместе с тем следует учитывать патриархальность российского общества во всех областях и невысокую скорость принятия мировых тенденций.

Для отечественных компаний более популярным является подход к управлению персоналом, в рамках которого сотрудники организации рассматриваются как средство достижения целей, ими необходимо правильно управлять и следует без особого сожаления использовать их для получения материальных благ [16, с. 61–62]. Этот подход к управлению персоналом не подразумевает централизации на социальной составляющей [17, с. 109] и минимально рассматривает потенциал человека [18, с. 21].

Изучая формы взаимодействия сотрудников внутри российских компаний, можно выделить три основные группы форм ведения совместной деятельности внутри организации:

- совместно-индивидуальную деятельность — данная модель характеризует деятельность, которой свойственно общее задание для группы, но каждый сотрудник выполняет свою часть работы;
- совместно-последовательную деятельность — модель предполагает последовательное выполнение участниками группы работы, направленной на решение общей задачи;
- совместно-взаимодействующую деятельность, которая предполагает решение общей задачи в ходе непосредственного (одновременного) взаимодействия каждого члена группы со всеми остальными [19, с. 34].

Чтобы определить, какие возможности наиболее эффективного взаимодействия видят представители различных поколений, в ходе исследования респондентам группы «поколения X и Y» в процессе интервью был задан вопрос: «Какие способы взаимодействия с молодыми сотрудниками, не обладающими достаточным опытом работы, Вы считаете наиболее эффективными?». Вопрос подразумевал несколько вариантов ответов, в том числе возможность дать собственный вариант ответа. Ответы распределились следующим образом:

- наставничество как форма обучения нового сотрудника в процессе трудовой деятельности (47,6 %);
- постановка задач в рамках тайминг-плана [20, с. 849] с текущим точечным контролем выполнения (39,7 %);
- создание на базе предприятия программ обучения и адаптации новых сотрудников с последующей сдачей экзамена для занятия должности (4,1 %);
- свой вариант (8,6 %).

Вариант ответа о создании на базе предприятия обучающих комплексов для адаптации новых сотрудников с последующим подтверждением готовности к работе посредством экзамена выбирали представители крупных компаний (*UNION Двери*, 220 Вольт, Пепси и др.). Вместе с тем представители малого и среднего бизнеса говорили о том, что их организация не может себе этого позволить. Среди 8,6 % респондентов, которые выбрали свой вариант ответа, наиболее популярным вариантом стала дифференцированная система мотивации, в рамках которой молодому сотруднику предлагается повышать свой уровень заработной платы посредством выполнения определенных задач. Вторым по популярности среди руководителей стал ответ о работе в рамках тайминг-планов с точечным контролем выполнения задач. Несмотря на то, что многие респонденты подтвердили именно такой метод взаимодействия с молодыми сотрудниками, более 50 % из них обозначили наличие сложностей в механизме контроля. Главная сложность заключается в том, что молодые сотрудники в ситуации, когда они не успевают выполнить поставленную задачу в срок, не считают необходимым информировать работодателя об этом, что приводит к сбою в работе бизнес-процесса в целом, составной частью которого была невыполненная своевременно задача.

Помимо этого, 1/3 опрошенных представителей работодателей указали, что молодые сотрудники менее склонны к работе в команде. Если существует необходимость попросить совет по выполнению того или иного задания у более опытных коллег, чаще они обращаются за помощью к цифровому пространству, пытаясь найти ответы в интернете.

Респондентам группы «поколение Z» в ходе анкетирования задан вопрос «На Вашем новом месте работы сотрудники компании, которые старше Вас по возрасту и давно работают в организации, понимают, что Вы молодой специалист и стараются дать Вам рекомендации по работе. Как Вы к этому отнесетесь?». Ответы распределились следующим образом:

- приму рекомендации к сведению, так как жизненный и профессиональный опыт этих сотрудников больше моего (31,4 %);
- уточню, на чем основаны эти рекомендации; если на личном опыте сотрудника, то приму к сведению (26,1 %);
- попрошу аргументировать рекомендации (31,9 %);
- сделаю вид, что выслушал рекомендации, но применять в работу их не буду — привык жить своим умом (4,8 %);
- эти люди слишком консервативны, я не готов работать по их методам, готов вводить свои (5,9 %).

В ответах, полученных на этот вопрос, интересен тот факт, что практически равное количество респондентов выразили готовность прислушаться к рекомендациям старших коллег и заявили о необходимости аргументации этих рекомендаций.

В процессе анализа ответов двух групп респондентов на вопросы о способах наиболее эффективного межпоколенного взаимодействия в организации удалось выявить следующие закономерности.

1. 47,6 % респондентов группы «поколения X и Y» выбрали в качестве наиболее эффективного способа взаимодействия с молодыми начинающими сотрудниками наставничество; в свою очередь, 31,4 % респондентов из группы «поколение Z» готовы безусловно воспринимать такую систему взаимодействия и 26,1 % респондентов готовы воспринимать советы наставника, если они основаны на личном профессиональном опыте. Из этого можно сделать вывод о том, что наставничество как система взаимодействия между опытными и неопытными

сотрудниками не утратила актуальности, независимо от особенностей рассматриваемых поколений.

2. Широко используемый многими компаниями метод дробления одной глобальной задачи на много мелких подзадач с выставлением тайминга на их выполнение, с одной стороны, признан 39,7 % респондентов из группы работодателей эффективным, с другой — сопровождается проблемами в той части управленческого процесса, которая относится к контролю.

3. Выявлена проблема, в рамках которой 1/3 группы респондентов «поколения X и Y» указывают, что представители молодого поколения не готовы обратиться за помощью или рекомендациями в работе к более опытным коллегам, а 1/3 респондентов группы «поколение Z» говорит о готовности пользоваться рекомендациями старших коллег только в том случае, если эти рекомендации будут аргументированы. Лишь 10,7 % респондентов указали на отсутствие готовности использовать рекомендации опытных коллег.

Характеризуя коммерческую организацию как систему, преследующую в качестве основной своей цели получение прибыли [21], и обращаясь к задачам настоящего исследования, следует определить, какие выгоды от сотрудничества получают представители различных поколений в частности и организация в целом. В рамках этой задачи респондентам из группы «поколения X и Y» задан такой вопрос: «С какой целью Вы принимаете на работу молодых сотрудников без опыта либо с минимальным опытом?». Ответы респондентов разделились следующим образом:

- сотруднику без опыта можно поручить рутинный функционал, не требующий специализированных знаний, и платить ему за это меньше, чем опытному специалисту (31,9 %);
- сотрудника без опыта можно полностью интегрировать в сформированную структуру организации, тогда как опытный специалист всегда приносит часть «своего устава в чужой монастырь» (41,1 %);
- наша организация придерживается мнения о том, что молодой специалист способен привнести свежий взгляд на решение рабочих вопросов, даже если у него очень мало опыта (2,3 %);
- в организации высокая текучесть кадров, поэтому существует необходимость постоянного пополнения кадрового резерва и подготовки новых специалистов (24,7 %).

Между тем 3 % респондентов указали, что их организации не приветствуют наем на работу сотрудников без опыта и делают это в редких случаях, если поиск опытного специалиста затягивается и превращается в проблему для функционирования организации.

Респондентам группы «поколение Z» в рамках анкетирования задан вопрос «Какие из факторов, перечисленных в таблице, являются для Вас мотивирующими на данном этапе трудовой деятельности?». В итоге получены следующие ответы:

- размер заработной платы (39,3 %);
- возможность приобрести новые знания, умения, навыки (22,5 %);
- возможность поработать в престижной компании (9 %);
- перспективы карьерного роста (14,8 %);
- возможность понять, нравится ли Вам работать в той сфере, которую Вы выбрали (14,3 %).

В процессе анализа полученных ответов выявлено, что 1/3 респондентов из группы работодателей, представляющих сторону организации в контексте настоящего исследования, считают своей выгодой возможность платить более низкую заработную

плату молодому специалисту, нежели специалисту с опытом, тем самым сокращая затраты. 1/3 респондентов из группы начинающих специалистов, в свою очередь, сообщили о размере заработной платы как ключевом факторе мотивации к труду [22, с. 67]. В рамках настоящего исследования можно признать это в качестве противоречия лишь косвенно, так как исследование не подразумевало опроса респондентов обеих групп о размере заработной платы в абсолютных цифрах. Вместе с тем наблюдается очевидный тренд на совпадение выгод работодателя и начинающего специалиста. 41,1 % опрошенных работодателей высказали мнение о том, что начинающий специалист, не имеющий опыта работы, представляет интерес для работодателя в долгосрочной перспективе, поскольку из него можно «вырастить» и воспитать сотрудника, ценности, приоритеты и стратегии которого будут соответствовать ценностям, приоритетам и стратегиям его работодателя. Опытный специалист привнесет с собой в компанию, помимо опыта, еще и свои сформированные другими работодателями взгляды на рабочий процесс. Эта выгода работодателя находит отражение в ответах респондентов из группы начинающих специалистов. Так, 22,5 % рассматривают на начальном этапе сотрудничество с организацией как возможность приобретения новых знаний, умений и навыков, а 14,8 % заинтересованы в перспективах карьерного роста.

В вопросе совпадения выгод представителей различных поколений в организации существует негативный аспект. 31,9 % респондентов группы работодателей указали, что начинающему сотруднику можно поручить рутинный функционал. 24,7 % из этой группы респондентов признали факт наличия высокой текучести кадров в своих организациях, что заставляет постоянно привлекать новых сотрудников и интегрировать их в работу. Под текучестью кадров в данном исследовании будем понимать показатель отношения количества работников, ушедших из компании, к среднесписочному числу работников [23, с. 49]. При этом лишь 14,3 % из группы респондентов начинающих сотрудников в качестве мотивирующих к работе факторов видят возможность попробовать себя в выбранной сфере деятельности, чтобы понять, подходит ли она им. Аналогичное количество респондентов (14,8 %) нацелены на карьерный рост и рассматривают организацию как площадку для построения карьеры [24, с. 121], что вряд ли возможно в условиях компаний с высокой текучестью кадров.

По результатам изучения различных способов межпоколенного взаимодействия в коммерческих организациях и анализа взглядов представителей различных поколений на такое взаимодействие автором исследования поставлена дополнительная цель — разработать ряд методических рекомендаций по эффективному взаимодействию представителей различных поколений в организации. Анализ данных исследования показал, что такая управленческая технология, широко применяемая еще во времена СССР, как наставничество, не только не утратила актуальности, но и по-прежнему рассматривается руководителями компаний и молодыми начинающими сотрудниками в качестве нормального способа взаимодействия внутри организации. Министерство труда и социальной защиты РФ определяет наставничество как кадровую технологию, обеспечивающую передачу посредством планомерной работы знаний, навыков и установок от более опытного сотрудника менее опытному [25].

Наставник должен обладать ярко выраженным комплексом необходимых качеств: знать практику управления организацией, вызывать доверие, быть доступным, коммуникабельным, креативным, ориентироваться на развитие. Чтобы установить конструктивные и полезные отношения с обучаемым, наставник должен вызывать доверие как в личном, так и в профессиональном плане, быть доступным для него: выделять время, чтобы отвечать на возникающие вопросы,

поддерживать разумный баланс между руководством и помощью, выступать доверенным лицом, помогать советом, если необходимо [26, с. 25].

Участники исследования из группы респондентов «поколения X и Y» в ходе проведенных интервью и фокус-групп сформулировали ряд методических рекомендаций, основанных на личном опыте использования методов работы с молодыми начинающими сотрудниками. Наиболее популярные из этих рекомендаций отражены в таблице 2.

Таблица 2

Методы взаимодействия с молодыми специалистами

№	Название метода работы	Описание метода работы
1	Составление еженедельного/ежедневного расписания	Выставление задач в еженедельном и ежедневном формате позволяет стабилизировать механизм контроля их выполнения. График выполнения работ должен составляться сотрудником отдельно в формате недели и отдельно в формате дня. Далее график утверждается у наставника, и работы производятся четко в рамках этого графика. По окончании рабочей недели важно произвести контроль выполнения графика по дням и за неделю, определить точки, где задачи не были выполнены и где было перевыполнение
2	Техника «Deadline»	Буквальный перевод «dead line», что означает «мертвая линия», «черта», «линия смерти». В управлении эта техника подразумевает установление четкого срока сдачи готового задания [27, с. 2]
3	Контроль отказа от «похитителей времени» [28, с. 549]	Фрагментарность сознания и клиповое мышление представителей поколения Z составляют базу для того, чтобы молодой сотрудник часто отвлекался от работы на внешние дела, например, на переписку в мессенджерах, или общение в социальных сетях. Важно установить контроль за такими «похитителями времени» и объяснить сотруднику, в какие периоды рабочего дня он может отвлечься, а в какие это недопустимо. Следует обозначить элементы контроля, например, фиксацию входов на непрофильные сайты с рабочего компьютера, наличие в офисе камер видеонаблюдения и т. п.
4	Метод «съесть лягушку» [29, с. 141]	Любая работа подразумевает наличие как приятных, так и неприятных задач, которые связаны в сознании работника с максимальным дискомфортом. Метод «съесть лягушку» подразумевает следующее: поставить неприятную задачу на первое место в списке задач на день и начать рабочий день с ее выполнения. Функция наставника в данном случае сводится не только к контролю за выполнением задачи, но и к помощи молодому сотруднику в определении задач-«лягушек»
5	Метод «съесть слона» [30, с. 54–55]	В данном случае «слон» — это стратегическая задача, поставленная перед сотрудником. С учетом небольшого опыта начинающий сотрудник может сомневаться в возможности выполнения задачи или не понимать, с чего начинать. В этом случае следует обратиться к правилу: «Слона едят по частям». Иными словами, разбить одну глобальную задачу на ряд последовательных более мелких. Далее, руководствуясь методом «съесть лягушку» из настоящей таблицы, составить график их выполнения

Анализ предложенных респондентами из группы руководителей рекомендаций по методам работы с молодыми сотрудниками подтвердил выводы, сделанные ранее по результатам интервью с представителями этой группы респондентов, где они обозначали наставничество (47,6 %) и использование тайминг-плана с точечным контролем выполнения задач (39,7 %) в качестве эффективных форм взаимодействия. Однако, если рассматривать проблему в более широком смысле, то наставничество окажется, скорее, оболочкой межпоколенного взаимодействия внутри организации, а тайм-менеджмент — системой кадровых технологий.

Несмотря на то, что в рамках исследования лишь 4,1% респондентов группы руководителей указали, что в организациях, где они ведут трудовую деятельность, используются программы обучения и адаптации новых сотрудников с последующей сдачей экзаменов для занятия должности, предлагаем рассматривать проблему взаимодействия внутри организации в укрупненном масштабе, то есть не только в межпоколенной канве, но и в канве развития организации в целом.

Переход от постиндустриального общества к информационному обусловил необходимость прогресса во всех сферах общественной жизни, в том числе и в коммерческой деятельности. Быстро изменяющаяся внешняя среда современного бизнеса, развитие технологий и методов работы, стремительный рост объема информации обуславливают необходимость создания гибкой и адаптивной системы развития организации и ее персонала, способного изучать, адаптировать и применять передовые методики деятельности и ведения бизнеса. В данной ситуации способность постоянно совершенствоваться, развиваться становится все более важным критерием эффективности деятельности сотрудников компании [31, с. 86]. Ввиду этого в теории и практике управленческих наук набирает популярность понятие самообучающейся организации.

Данное понятие ввел в 1990 г. директор Центра организационного обучения в Школе менеджмента Массачусетского технологического университета Питер Сенге, автор книги «Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации» [32, с. 91]. П. Сенге предложил пять ключевых принципов (дисциплин) самообучающейся организации:

- совершенное понимание личности или личное мастерство, обнаруживающееся в способности работника максимально полно использовать свои потенциальные возможности;
- построение общего видения целей и результатов обучения, что позволяет говорить о возможности соотнесения потребностей работников в обучении с ценностями организации;
- обучение в группе, обладающее синергетическим эффектом и возможностью субъектов обучения обмениваться информацией;
- ментальные модели, отражающие когнитивные представления об окружающей предметной действительности на основании всестороннего анализа фактов и причинно-следственных связей;
- системное мышление, которое представляет собой не просто видение причин и следствий каких-либо событий или решений, а понимание явления в целостности и во взаимосвязи его составляющих элементов [33, с. 154].

Д. Гервин в своих работах представляет самообучающуюся организацию как такую систему обучения, которая способна не только приобретать новые знания, но и производить и распространять их в массовой практике [34].

В настоящее время понятие «самообучающаяся организация» в социологии управления обозначает:

- одну из моделей организаций, ориентированных на организационное развитие посредством постоянного обучения и самообучения персонала;

— реально существующий тип современных организаций на Западе, характеризующийся тем, что они непрерывно трансформируются и развиваются путем постоянного обучения и переобучения персонала [35, с. 115].

Эксперты рынка труда, в частности А. В. Шкерин, считают, что одним из принципов самообучающейся организации является гармоничное развитие личности ее сотрудников, то есть система позволяет раскрывать потенциал сотрудников, предоставляя им возможность постоянно развивать компетенции и сохранять баланс работы и личной жизни, тем самым повышая эффективность работы персонала, его лояльность и вовлеченность [36, с. 111]. По нашему мнению, выстраивание межпоколенного взаимодействия в самообучающихся организациях будет происходить быстрее и продуктивнее, чем в организациях консервативных моделей. Это обусловлено, в первую очередь, постоянным пополнением и совершенствованием знаний всех участников рабочего процесса, что позволит старшим поколениям (*X* и *Y*) полнее понять и раскрыть потенциал нового поколения *Z*. В свою очередь, представители поколения *Z* получают в рамках трудовой деятельности не только набор профессиональных навыков, но и закроют одну из своих ключевых потребностей — потребность в саморазвитии и самообразовании.

Понимая, что такой формат, как «саморазвивающаяся организация», для российского бизнеса сегодня может рассматриваться только с позиции будущего времени, тем не менее многие компании могут позволить себе вводить некоторые ее элементы в управление человеческим ресурсом. В частности, одной из эффективных кадровых технологий настоящего времени можно считать проведение ассессмент-центров.

Ассессмент-центр представляет собой технологию комплексной оценки персонала, основанную на моделировании ключевых моментов деятельности сотрудников для выявления уровня развития их профессиональных качеств (компетенций) и определения потенциальных возможностей сотрудников [37, с. 34]. Специфика ассессмент-центра состоит в том, чтобы в модельных ситуациях, типичных для выполняемой деятельности, понаблюдать за кандидатом на ту или иную вакансию и выявить наличие или отсутствие у него необходимых для успешной работы качеств, дать описание его особенностей и сформулировать задачи на обучение [38, с. 21].

Использование ассессмент-центра как технологии контроля и развития следует внедрять в работу с молодыми специалистами как на стадии собеседования и начала трудовой деятельности, так и для диагностики сформированных у них профессиональных знаний, умений и навыков на протяжении работы в организации. Это даст возможность выявить точки роста начинающего специалиста, упростит взаимодействие между ним и наставником, поможет эффективнее применять способности молодого специалиста в качестве человеческого ресурса с целью получения коммерческих выгод организации в целом.

Литература

1. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н., Шелепова М. В. Социологическое исследование подходов к социализации и трудовой интеграции молодых квалифицированных сотрудников // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 5–13.
2. Абабкова М. Ю., Покровская Н. Н. Цифровая экономика знаний и будущее рынка труда как факторы эволюции когнитивной модели университета 4.0 // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого инфор-

- мационного пространства: сб. тр. III Национальной науч.-метод. конф. с междунар. участием / под ред. И. А. Максимцева, В. Г. Шубаевой, Л. А. Миэринь. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 5–12.
3. *Strauss B., Strauss W., Howe N.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. 538 p.
 4. *Попов Н. П.* Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15
 5. *Левада Ю. А.* Ищем человека // Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 382 с.
 6. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
 7. *Асташова Ю. В.* Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 8. № 1. С. 108–114.
 8. Поколение X: почему стоит брать на работу людей старше 40 лет [Электронный ресурс] // Директор по персоналу: практический журнал по управлению человеческими ресурсами. 2020. 5 августа. URL: <https://www.hr-director.ru/article/67742-pokolenie-h-pochemu-stoit-brat-na-rabotu-lyudey-starshe-40-let-20-m8#tab2> (дата обращения: 17.05.2021).
 9. *Левицкая А. Н.* Проблемы межпоколенного взаимодействия в организациях // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии: материалы XXVIII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Приоритет, 2021. С. 100–106.
 10. *Иванов М. С., Яницкий М. С.* Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодежи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: сб. материалов III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 125–133. DOI: 10.17223/9785946216104/18
 11. *Бурова Н. В., Конопляник Т. М., Покровская Н. Н.* Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 95–98.
 12. *Купчинская М. А., Юдалевич Н. В.* Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). С. 66–71.
 13. *Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр., послесловие, примечания А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2010. 288 с.
 14. *Неверов А. В.* Оценка персонала в системе управления социальным развитием организации // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1-2. С. 284–287.
 15. *Шмидт Э., Игл А., Розенберг Д.* Как работает Google. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
 16. *Бабосов Е. М., Вайнилович Э. Г., Бабосова Е. С.* Управление персоналом. М.: Тетра-Системс, 2012. 288 с.
 17. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
 18. *Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н., Смирнов П. Д.* Системные нормативные регуляторы поведения рыночных агентов в условиях экономики знаний // Социология и право. 2014. № 4 (26). С. 12–23.
 19. *Патутина Н. А.* Организация взаимодействия и мотивации персонала компании // Мотивация и оплата труда. 2011. № 01 (25). С. 28–41.
 20. *Асташов В. В.* Эффективный тайм-менеджмент // Синергия наук. 2019. № 31. С. 847–851.
 21. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a585d0351c74adc4c988b6019d704cdd9d3699/ (дата обращения: 10.05.2021).
 22. *Покровская Н. Н., Бойко С. В., Тамбиев С. Г.* Труд и человеческий капитал // Научная мысль. 2019. Т. 8. № 2 (32). С. 65–71.

23. Никифорова Л. Анализируйте текучесть персонала, и вы много узнаете о компании // Кадровое дело. 2013. № 2. С. 48–59.
24. Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 1. С. 105–137. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.5
25. Наставничество на государственной гражданской службе [Электронный ресурс] // Министерство труда РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/7> (дата обращения: 11.04.2021).
26. Субочева О. Н. Наставничество как фактор эффективности организации // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 25–27.
27. Дементьева А. О. Дедлайн, как способ достижения цели // Student. 2019. Т. 2. № 3. С. 2.
28. Муравская Е. О., Сосид С. В., Самохвалова С. М. Тайм-менеджмент и стратегическое управление // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2011. № 3. С. 546–551.
29. Демина Н. В. К вопросу о функциях и методах управления качеством продукции // Университетские чтения — 2011: материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного лингвистического университета / отв. ред. З. А. Заврумов. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2011. С. 140–145.
30. Трейси Б. Тайм-менеджмент по Брайану Трейси. Как заставить время работать на вас / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 102 с.
31. Молодчик А. В. Теория и практика формирования саморазвивающейся организации. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2001. 248 с.
32. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации / пер. с англ. Б. Пинскера, И. Татариновой. М.: Олимп-Бизнес, 2009. 417 с.
33. Ильясов Д. Ф. Самообучающаяся организация как феномен и стратегия (на примере общеобразовательного учреждения) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 153–156.
34. Гервин Д. Создание обучающихся организаций // Harvard Business Review. March 93. Р. 34.
35. Идрисова А. Р. Понятие самообучающейся организации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1-4. С. 115–177.
36. Шкерин А. В. Наставничество как инструмент самообучающейся организации // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2018. № 2 (50). С. 109–114.
37. Адамчук В. В., Ромашов О. В., Сорокина М. Е. Экономика и социология труда: учебник. М.: ЮНИТИ, 2000. 407 с.
38. Геранюшкина Г. П. Особенности технологии ассессмент-центров // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 16–22.

Контактные данные:

Левицкая А. Н.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а;
e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru.

Contact Details:

Levitskaya A. N.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru.

Мишальченко Ю. В., Бугель Н. В., Егорова Е. Л.

О реализации норм международного права в конституционно-правовой системе России: теория и практика

*Mishalchenko Yu. V., Bugel' N. V., Egorova E. L. On the Implementation
of International Law in the Constitutional Legal System of Russia:
Theory and Practice*

В настоящей статье рассмотрены теоретические аспекты реализации норм международного права в конституционно-правовой системе, а также особенности практики вынесения решений Европейским Судом по правам человека в современных условиях. Авторами утверждается, что реализация норм международного права на внутригосударственном уровне остается актуальным направлением как для теоретических, так и для практических исследований. В рамках процессов глобализации и интеграции данный вопрос приобретает особое значение. Анализируется влияние социокультурных процессов, происходящих в странах Западной Европы, на взаимодействие национального и международного правопорядков. Освещены теоретические и практические аспекты реализации норм международного права в национальной правовой системе в рамках интеграционных процессов, оказывающих непосредственное влияние на ос-

Implementation of international law at the national level continues to be an actual direction for both theoretical and practical studies. Within the framework of the processes of globalization and integration, this issue is of particular importance. This article examines the theoretical aspects of the implementation of International Law in the constitutional legal system, as well as the features of the practice of making decisions by the European Court of Human Rights in modern conditions. The influence of socio-cultural processes taking place in Western European countries on the interaction of national and international legal order. The purpose of the work is to analyze the theoretical and practical aspects of the implementation of International Law in the national legal system within the framework of integration processes that have a direct impact to the main spheres of society. In the course of the research have been used: formal-

Мишальченко Юрий Владимирович — профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор.

Бугель Николай Васильевич — доктор юридических наук, профессор.

Егорова Екатерина Леонидовна — преподаватель кафедры организации исполнения наказаний юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний России.

© Мишальченко Ю. В., Бугель Н. В., Егорова Е. Л., 2021

новые сферы жизнедеятельности общества. В процессе исследования применены формально-логический и технико-юридический методы. Авторами сделан ряд выводов о современном механизме взаимодействия национального и международного правопорядков.

Ключевые слова: конституционно-правовая система, международная правовая система, Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, глобализация, интеграция.

logical and technical-legal methods. The authors made a number of conclusions about the modern mechanism of interaction between the national and international legal order.

Keywords: constitutional and legal system, international legal system, European Court of Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, globalization, integration.

Глобализация и интеграционные процессы, происходящие в мире, непосредственно влияют на правовые системы государств. Трансформация национальных правовых систем под воздействием норм международного права представляет собой следствие механизма интеграции в области права. Данный вопрос особенно интересен как в отношении юридической доктрины, так и в контексте правоприменительной и правотворческой деятельности.

В отечественной науке аспектам реализации норм международного права по-прежнему уделяется значительное внимание. Существует ряд теорий, в которых нашли отражение множество подходов к указанным вопросам. Выделяют несколько основных теоретических направлений взаимодействия международного права и права внутригосударственного. Суть положений монистической теории состоит в признании национального и международного права как единой правовой системы. В рамках указанной теории получила развитие концепция примата одной правовой системы над другой: национального права над международным или международного права над внутригосударственным.

Согласно дуалистической теории, международное право представляет собой независимую от национального права правовую систему. Содержание ключевого положения этой теории сводится к признанию международного и национального права как не подчиненных друг другу правовых систем. В качестве причинно-следственной связи такого соотношения выступает принятие отдельного внутригосударственного правового акта при каждом случае необходимости применения норм международного права. В рамках указанной теории существенное значение имеет подход, который определяет отсылку в национальном праве к нормам международного как способ непосредственного применения положений последнего на внутригосударственном уровне.

Особую роль в современной юридической науке играют доктрины инкорпорации и трансформации, что в первую очередь связано с нарастающим значением практических аспектов реализации норм международного права на национальном уровне. Выделение указанных теоретических направлений обусловлено прежде всего порядком реализации норм международного права внутри государства. Следует указать, что рассмотренные теории включают в себя общие положения, характеризующие соотношение норм международного и внутригосударственного права.

Предметом исследования взаимодействия правовых норм международного и национального правопорядков служат различные основания: способ реализации норм международного права, иерархия норм международного права и ее значение при разрешении коллизий их применения, положение норм международного права относительно внутригосударственных правовых норм и т. д.

С. Ю. Марочкин объясняет специфику норм международного права тем, что последние «занимают автономное положение в правовой системе страны с точки зрения их происхождения, формы, отношения к национальному праву» [1, с. 78]. В соответствии с указанным подходом нормы международного права, обладая свойственной им правовой природой, не являются частью общего массива источников права определенного государства. При имплементации норм международного права во внутригосударственную правовую систему их содержание и смысл остается прежним. С. Ю. Марочкин подчеркивает сущность норм международного права как независимых по отношению к правовой системе государства, но оказывающих на нее непосредственное влияние.

По мнению Б. Л. Зимненко, «никто извне не вправе определять, какие способы реализации международно-правовых норм должно избрать то или иное государство» [2, с. 26]. Такой подход отражает сущность суверенного права государства на установление порядка реализации норм международного права. Их юридическая сила, согласно точке зрения автора, определяется с позиции принципа применения приоритета и принципа иерархии: «Основное внимание должно быть уделено иерархии государственных органов, создающих (принимающих) соответствующие источники внутригосударственного права и/или выражающих прямо или косвенно согласие на обязательность для государств тех или иных норм международного права» [2, с. 257].

В. Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда Российской Федерации (РФ), рассматривает соотношение норм международного права и норм внутригосударственного права через определение конституционной идентичности государства, которая служит основой юридического и фактического существования государства. По мнению автора, «любые нормы международного права, гарантируемые наднациональными структурами, остаются продуктом согласия (согласования воли) государств» [3, с. 256].

Одна из позиций С. В. Черниченко построена на принципе иерархичности норм международного права, определяющей наличие уровней, в соответствии с которыми заключены международные договоры. Наиболее высокий уровень договорных норм представляют договоры, заключенные от имени глав государств. Второй уровень характеризуется договорными нормами, заключенными от имени правительств или их глав, а на третьем уровне — нормы межведомственных договоров [4, с. 51].

Рассмотренные подходы свидетельствуют о существующей в юридической науке совокупности классификаций реализации норм международного права в национальных правовых системах, что, в свою очередь, говорит о широком исследовании данного направления.

Практику реализации норм международного права в национальной правовой системе предлагается рассматривать на примере конструктивного диалога Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Деятельность этих судебных органов интересна с практической точки зрения ввиду поиска эффективного сочетания реализации правовых норм, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), и правовых норм национального характера. Нельзя не обратить внимание на постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

В ходе разрешения вопроса о возможности исполнения приведенного постановления Конституционный Суд РФ в качестве одного из аргументов обращает

внимание на различную интерпретацию понятия «лишение свободы» в России и в Конвенции. Конвенция подразумевает под этим понятием все виды ограничения свободы, а в России лишением свободы является особый вид уголовного наказания. Например, домашний арест или содержание под стражей, согласно уголовно-процессуальному законодательству РФ, отнесены к мерам пресечения, не исключающим осуществления избирательного права лицами, к которым данные меры применены на основании решения соответствующего суда. Таким образом, в Конвенции понятие лишения свободы трактуется шире, чем установлено законодательством РФ. Проблематика исполнения решения ЕСПЧ в данном случае, за исключением иных аргументов Конституционного Суда РФ по рассматриваемому делу, обусловлена различным подходом к пониманию лишения свободы, выраженного в норме международного права — Конвенции, и к определению лишения свободы как особого вида уголовного наказания, закрепленного законодательством РФ. Отсутствие единого определения ключевых понятий представляется причиной так называемого конфликта толкований Конвенции.

В. Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, отмечает, что «между текстами Конституции России и Конвенции о защите прав человека и основных свобод как таковыми противоречия нет — вразрез с конституционными нормами на момент подписания ... пошла практика ЕСПЧ» [3, с. 272]. Указанный пример относится к юридической коллизии. Однако в рамках исследования взаимодействия международного и национального правопорядков наблюдается тенденция выражения того, что выходит за рамки сугубо правового поля. Речь идет о социокультурном аспекте. Исторически сложившееся понимание должного и справедливого, традиции, моральные и нравственные ценности служат основой национальной идентичности государства, которую отражает Конституция РФ как Основной закон. Именно в свете влияния процессов глобализации на все сферы жизнедеятельности общества вопрос национальной и конституционной идентичности государств представляется стратегически важным.

Целесообразно обратиться к анализу процессов, происходящих в странах Западной Европы, где сформулированы основы правовой демократической мысли. В настоящее время Европейский союз наряду с экономическим и политическим кризисом испытывает культурно-идеологический кризис. Основанием для такого вывода являются несколько причин. Следует указать на явный факт складывающегося превалирования идеологии индивидуальной свободы над принципом «личная свобода заканчивается там, где начинается свобода другого». Вопрос соотношения и гармоничного сочетания личной свободы и общего блага занимает определяющее место как в доктрине права, так и в правовых процессах, складывающихся на практике. Исследованием «золотой середины», которая должна определить эффективность сочетания личной свободы с общественным благом, занимались многие великие мыслители, ученые-правоведы, юристы-практики. Однако ситуация, складывающаяся в этих правоотношениях в странах Европейского союза, далека от идеала.

Доминирование идеи о личной свободе без учета общественного блага — причина как минимум нескольких негативных последствий. Во-первых, неуважение общественных интересов влечет за собой рост преступности. Во-вторых, назначение наказания, соответствующего степени нарушения закона, в данном случае не реализует его функции по восстановлению социальной справедливости и исправлению человека, совершившего правонарушение. В-третьих, разрыв между идеей индивидуализма и идеей коммунитаризма неизбежно ведет к нарушению нормального функционирования общества и государства. Возвышение индивидуальной свободы над благом общества и, следовательно, государства разрушает

основу существования человеческого общества, а именно неотъемлемость индивида от социума. Полагаем, в перспективе развития превалирования индивидуализма над общественным благом разрушению подлежат все сферы жизнедеятельности общества, в первую очередь социокультурная и религиозная сферы.

Обратим внимание и на изменение традиционных семейных ценностей в странах Западной Европы, которые существенно влияют на реализацию христианских ценностей в Европейском союзе. Изменения семейных традиций, института семьи, которые в течение продолжительного времени складывались в европейских странах, воздействуют на развитие социокультурной идентичности нации. Вопросы, связанные с нормативным разрешением однополых браков в западно-европейских странах, оказали непосредственное влияние на мир в целом.

Сохранение семейных ценностей в России, трансформирующихся под воздействием процессов глобализации, является важным направлением реализации социальной политики государства, защиты прав детей и института семьи посредством норм Конституции РФ. В изменениях Конституции РФ, принятых на всенародном голосовании 1 июля 2020 г. (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72), определен институт брака — союз между мужчиной и женщиной. Считаем, что в современных условиях, когда общечеловеческие ценности, в частности ценности семьи и института брака, подвергаются деформации, необходимо принимать решения, способствующие сохранению указанных социальных ценностей. Внесение данной поправки в Основной закон подчеркнуло национальную идентичность в традициях всех народов России, а также на конституционно-правовом уровне закрепило главную идею семьи как ячейки государства и общества.

Таким образом, взаимодействие национальной и международной правовых систем становится более обусловленным и зависимым от социокультурного контекста. На основании изложенного целесообразно сделать ряд выводов. Во-первых, толкование Конвенции ЕСПЧ вызывает определенные вопросы со стороны внутригосударственных органов власти, в частности органов конституционного контроля, к полномочиям которых относится определение возможности исполнения решений международных судов. Данные вопросы связаны с возникновением коллизий между нормами Конвенции и внутригосударственными конституционно-правовыми нормами.

Во-вторых, разрешение коллизии между позициями ЕСПЧ и позициями Конституционного Суда РФ, выраженными в их постановлениях, представляется возможным только с учетом особенностей конституционно-правовой системы при вынесении решений ЕСПЧ. Правовая система России выступает в качестве атрибута ее государственного суверенитета. Соответственно, реализация норм международного права и исполнение решений международных судов, в частности ЕСПЧ, требует дифференцированного подхода. С целью принятия эффективного решения рассмотрение каждого дела в ЕСПЧ должно происходить исходя из знания национального конституционного и отраслевого законодательства судьями ЕСПЧ. В противном случае определить уровень соответствия правовой системы России положениям Конвенции становится непросто. Однако значительное увеличение количества жалоб, поступающих в ЕСПЧ, оказывает непосредственное влияние на качественную составляющую его функционирования. Поэтому тщательное исследование особенностей национальных правовых систем судьями ЕСПЧ в складывающихся условиях представляется труднореализуемым.

В-третьих, в связи с трансформацией сфер жизнедеятельности общества, обусловленной процессами глобализации и интеграции, научные и практические аспекты реализации норм международного права в правовой системе РФ требуют новых, отвечающих требованиям современности подходов.

Прежде всего, по нашему мнению, необходимо провести комплексное сравнительно-правовое исследование особенностей правовой системы РФ с особенностями правовой системы стран Западной Европы, а также выработать концепции реализации норм международного права в рамках, соответствующих особенностям конституционно-правовой системы России, с учетом конкретизации норм конституционного права и принципов, выраженных в Конституции РФ. Реализация норм международного права на внутригосударственном — сложный механизм, в рамках которого находят отражение проблемные аспекты взаимодействия национального и международного правопорядков. Современные тенденции развития общественных отношений в странах Европейского союза в значительной степени расходятся с традиционным понятием базовых ценностей в России. С учетом этого можно заключить, что взаимодействие российского государства с европейскими странами становится обусловленным современным социокультурным контекстом. Есть основание полагать, что современные тенденции развития западного общества окажут непосредственное влияние на взаимодействие национального и международного правопорядков, а следовательно, на эффективность реализации норм международного права в национальной правовой системе.

Вопрос реализации норм международного права в национальной правовой системе в складывающихся условиях становится более актуальным и требующим внимания как со стороны органов национальной власти, так и со стороны международных органов, в частности ЕСПЧ. Разрешение коллизий между нормами международного и национального правопорядков возможно только с учетом качественно выработанного дифференцированного подхода к реализации норм международного права в конституционно-правовой системе.

Литература

1. Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
2. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. М.: Российская академия правосудия; Статут, 2010. 414 с.
3. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 720 с.
4. Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егорова. М.: Статут, 2016. 848 с.

Контактные данные:

Мишальченко Ю. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: myv2008@mail.ru.

Бугель Н. В.: e-mail: bugel54@mail.ru.

Егорова Е. Л.: 196602, Санкт-Петербург, Пушкин, Саперная ул., д. 34;
e-mail: egor0wayekat@yandex.ru.

Contact Details:

Mishalchenko Yu. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; e-mail: myv2008@mail.ru.

Bugel' N. V.: e-mail: bugel54@mail.ru.

Egorova E. L.: 34 Sapernaya Str., Pushkin, St. Petersburg 196602, Russia;
e-mail: egor0wayekat@yandex.ru.

Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н.

Критерии классификации правовых систем

Zernov A. O., Voskresenskaya E. V., Zhil'skiy N. N. Criteria for the Classification of Legal Systems

В статье рассмотрен вопрос о необходимости и важности классификации правовых систем. Согласно авторской позиции, идея такой классификации возникла в сравнительном правоведении в начале XX в. в связи с увеличением национальных правовых систем. При разрушении колониальной системы появились и стали развиваться правовые системы освободившихся стран. В конце XX в. данная тенденция продолжается ввиду разрушения социалистической политической системы, что влечет возникновение на правовой карте мира новых правовых систем. В статье авторы приходят к выводу о том, что требуется не только их изучение с точки зрения особенного рассмотрения по отдельным частям, вбирающим в себя сходные правовые системы, но и практическое решение вопроса унификации действующего законодательства и совершенствования национальных правовых систем.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, романо-германская правовая система, компаративистика, национальная правовая система.

The article considers the necessity and importance of the issue concerning the classification of legal systems, which is caused by the following. The idea of classification of legal systems arose in comparative law at the beginning of the XX century in connection with the increase in national legal systems; with the destruction of the colonial system, the legal systems of the liberated countries arose and developed; and at the end of the XX century, this trend continues with the destruction of the socialist political system, which entails the appearance of new legal systems on the legal map of the world. It is also necessary not only to study it from the point of view of the special, consideration of individual parts that incorporate similar legal systems, but also to solve the problem in practice—the unification of current legislation and the improvement of national legal systems.

Keywords: legal system, legal family, Romano-Germanic legal system, comparative studies, national legal system.

В контексте сравнительного права особое место занимают исследования, посвященные объединению по какому-либо критерию национальных правовых систем в правовые системы. Однако выявление оптимального критерия для классификации правовых систем, который позволил бы наиболее точно и объективно отразить своиственные нескольким национальным правовым системам признаки, является слож-

Зернов Антон Олегович — магистрант Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Воскресенская Елена Владимировна — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

Жильский Николай Николаевич — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

© Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., 2021

ным по своей природе вопросом. Более того, нарастающие глобализационные тенденции влекут за собой правовую интеграцию и унификацию права, что порождает минимизацию различий как между национальными правовыми системами, так и между правовыми системами современности. Отдельно следует выделить аспект влияния международного права на национальные правовые системы, направленного на унификацию правового регулирования общественных отношений.

Несмотря на нарастающую сложность нахождения оптимального критерия для классификации правовых систем сегодня, данный вопрос волновал ученых с начала его освещения в науке и не был простым в разрешении даже в рамках первых исследований. С XIX в. ученых разных социогуманитарных направлений волновала проблема выявления критерия классификации правовых систем, объединения национальных правовых систем в более обширную социально-правовую единицу. При этом каждый из них предлагал собственный критерий классификации. И даже если ученые сходились во мнении относительно выбранного критерия, их позиции в отношении количества правовых систем, отнесения того или иного государства к определенной правовой системе, выделения ведущих правовых систем и другого могли разниться.

Кроме того, в настоящее время одной из актуальных проблем права является проблема разграничения таких категорий, как «правовая система» и «правовая семья». Дискуссионным по-прежнему остается вопрос о том, какое из этих понятий шире. Большинство ученых-юристов считают, что понятие «правовая семья» шире и представляет собой совокупность национальных правовых систем. Выделяют два подхода относительно детерминации понятия «правовая система». В узком смысле правовая система представляет собой совокупность нормативно-правовых актов, систему законодательства, источники права, принципы регулирования общественных отношений, в широком — совокупность национальных правовых систем, объединенных общностью источников права [1, с. 199].

Понятие «правовая система» носит интегрирующий характер, который отражает правовую реальность в целом. Современную правовую действительность невозможно рассматривать через призму устаревших узких конструкций. Это, в свою очередь, требует применения более широких, комплексных категорий, но с учетом сложившихся объективных принципов, поскольку иной подход может деструктивным образом сказаться на всей юридической теории, а значит, и на правоприменительной практике.

Во многом, по нашему мнению, данная проблематика детерминируется проблемой выработки критерия и (или) системы критериев классификации юридических норм [2, с. 486]. На основе различных критериев можно заключить, что правовая система конкретного общества отражает его социально-экономическую, культурную и политическую индивидуальность. Из этих факторов складывается национальная правовая система.

Среди множества существующих сегодня правовых систем значительная часть обладает общими доминирующими онтологически-атрибутивными признаками. Наличие целого ряда общих черт и сходств различных правовых систем позволило классифицировать их по определенным критериям на отдельные группы или правовые семьи.

При выборе критериев у теоретиков нет и, видимо, не будет однозначных точек зрения с учетом многогранности данного вопроса. Вместе с тем не представляется возможным не пытаться детерминировать объективную систему критериев классификации, поскольку реалии XXI в., выражающиеся в постоянном усложнении системы общественных отношений, обуславливают необходимость выработки качественного механизма правового регулирования, который, в свою очередь, во многом определяется правовой системой.

М. Н. Марченко в своей работе рассматривает характер критериев, два их вида: простые и сложные [3, с. 122]. К простым критериям автор относит правовые традиции, общие для всех правовых систем, принадлежащих определенной правовой семье. В качестве правовых традиций могут выступать те или иные общественные установления, нормы поведения, ценности. К сложным критериям классификации исследователь относит, например, «стиль» правовой системы. Данная категория многогранна и включает в себя множество понятий, таких как иерархия источников права и способы их интерпретации, доминирующая «идеология правовых систем» и другие.

Именно указанные выше критерии составляют теоретическое и практическое ядро, содействующее ученым, специализирующимся на такой сфере научного познания, как сравнительное правоведение, при проведении параллелей между правовыми семьями. Однако в зависимости от раскрытия содержания этих критериев возникают все более и более скрупулезные подходы, интерпретирующие специфику правовых систем.

Так, Г. Созер-Холл, швейцарский мыслитель, предложил идею классификации правовых систем на основании расового и языкового признаков. Согласно этой классификации, национальные правовые системы были объединены в индоевропейскую, монгольскую и семитскую. Отдельно ученый выделял нецивилизованную правовую систему, а индоевропейскую систему делил на подсистемы, представляющие собой менее крупные объединения национальных правовых систем. К данным подсистемам отнесены иранская, кельтская, индусская, германская, латышско-славянская, англосаксонская [4, с. 52].

В XX в. А. Эсмен предложил классификацию правовых систем на основании особенностей их исторического формирования. Согласно этой теории, правовые системы разделены на пять групп. В их состав включены германская, славянская, англосаксонская, мусульманская и латинская. К латинской правовой системе относилось бельгийское, испанское, итальянское, французское, португальское, румынское право, а также право латиноамериканских стран, к германской группе — австралийское, венгерское, германское право и право Скандинавских стран. К англосаксонской группе относилось право Великобритании, США и иных англоязычных колоний.

Е. Глассон выбрал в качестве критерия особенности исторического формирования правовых систем. Однако, согласно его классификации, национальные правовые системы объединялись в три группы: страны с наибольшим влиянием римского права; страны, которые отказались принимать римское право и основали свое право на обычаях и традициях; страны, которые в равной степени основали свое право на рецепции римского права, обычаях и традициях. К первой группе относились такие страны, как Италия, Румыния, Испания, Греция и Португалия, ко второй — Россия, Англия, Скандинавские страны, к третьей — Франция, Германия, Швейцария [5]. Таким образом, внутри теории о классификации правовых систем с учетом особенностей их исторического формирования ученые не пришли к единому мнению.

А. Леви-Ульман в качестве критерия классификации правовых систем взял источники права и выделил три правовых системы: континентальную, англосаксонскую, исламскую [6, с. 139]. К. Цвайгерт предложил термин «правовой стиль», включавший в себя пять элементов: происхождение и эволюцию правовой системы; своеобразие юридического мышления; специфические правовые институты; природу источников права и способов их толкования; идеологические факторы. Именно правовой стиль находится в основе классификации правовых систем по К. Цвайгерту. В соответствии с его точкой зрения необходимо выделять следующие правовые системы: исламскую, индусскую, дальневосточную, социалистическую, англо-американскую, скандинавскую, германскую, романскую [7, с. 36].

Р. Давид считал, что критерий классификации должен быть комплексным, при классификации принимая во внимание как идеологические факторы, так и юридическую технику. Р. Давид выделил следующие правовые системы: англосаксонскую, романо-германскую, социалистическую, а также систему религиозного и традиционного права. Последнюю, в свою очередь, он классифицировал на мусульманское, иудейское, каноническое, индусское, дальневосточное и африканское право. Р. Давид отмечал, что унификация — основная цель сравнительного правоведения и правовой науки в целом, что ведущее место среди правовых систем занимают романо-германская, социалистическая и англосаксонская системы, а все национальные правовые системы стремятся к тому, чтобы войти в одну из них [8, с. 66].

Труды Р. Давида по-прежнему пользуются популярностью среди ученых-правоведов (особенно в области сравнительного правоведения), несмотря на то, что его монография «Основные правовые системы современности» издана в 1964 г., когда геополитическая и социально-экономическая ситуация в мире в значительной степени отличалась от сегодняшней. Главная идея его трудов — закрепление одной или нескольких правовых систем как ведущей, а правовые системы религиозного и традиционного права, по мнению ученого, будут постепенно принимать и интегрировать в собственные национальные правовые системы правовые институты, присущие одной из ведущих правовых систем. Популярность классификации Р. Давида заключается в комплексном подходе к критерию классификации, простом и доступном объяснении его научной позиции, не умаляющей обстоятельности исследований, проведенных в ходе написания его трудов.

Однако, как было отмечено ранее, мировое сообщество середины XX в. и мировое сообщество начала XXI в. — это два разных общества, как количественно, так и качественно. В XXI в. перед мировым сообществом острее стоят глобальные проблемы (часть которых еще не была известна или не рассматривалась как угроза в XX в.). Ряд государств приняли новый путь развития, резко изменив «расстановку сил» правовых систем в современном мире.

Так, можно утверждать, что сегодня нельзя говорить о полном исчезновении социалистической правовой системы, но и трудно оставить за ней роль ведущей правовой системы. Вместе с тем консервативные национальные правовые системы (отнесенные Р. Давидом к системам религиозного и традиционного права) не спешат радикально интегрировать правовые институты англосаксонской или романо-германской систем, сохраняя консервативные и присущие им исторические ценности как в морали и религии, так и в праве. При этом взаимопроникновение англосаксонской и романо-германской правовых систем становится особенно заметным именно в XXI в., поскольку усложнившиеся (качественно и количественно) общественные отношения приобрели более высокие темпы развития, чем в XX в. Это «обнажило» проблемы двух ведущих правовых систем современности. Во избежание обострения данных проблем (отсутствия упорядоченности нормативных правовых актов в англосаксонской системе и недостаточной гибкости в романо-германской) правовые системы пробуют интегрировать институты друг друга. Данный процесс еще не является универсальным, происходит не повсеместно, но основную тенденцию слияния двух ведущих правовых систем уже невозможно игнорировать. Ввиду этого, несмотря на популярность научного мнения Р. Давида, сегодня становится очевидным, что необходимо искать другие критерии классификации правовых систем современности, а также регулярно оценивать изменения, наблюдающиеся в рамках классификации по данному критерию.

Особенной популярностью в XX в. пользовалась марксистско-ленинская классификация правовых систем, согласно которой существовали лишь две правовые

системы: буржуазная и социалистическая. Критерием классификации в данном случае стала общественно-экономическая формация [9, с. 160].

Известен еще один подход к классификации правовых систем — цивилизационный. Изначально данный подход активно использовался учеными-историками, а позднее стал применяться и в правоведении. Среди ученых, придерживающихся цивилизационного подхода к классификации правовых систем, можно назвать Л. Гумилева, А. Тойнби, Н. Данилевского, других отечественных и зарубежных мыслителей. Данный подход предусматривает историческое развитие человечества как развитие отдельных цивилизаций. Цивилизационный подход имеет ряд проблем. Одна из них — сложность понимания термина «цивилизация». Очевидно, что понятие «цивилизация» приравнивается к понятию «правовая система». На основе анализа научных работ ученых, выступающих в качестве представителей этого подхода, можно сделать вывод о том, что среди них нет единого мнения относительно понимания данного термина. Более того, анализируя историческое развитие государств, авторы могут со временем изменить свое представление о количестве цивилизаций, объединяя несколько цивилизаций в одну, либо, наоборот, разделяя ранее выделенные цивилизации на несколько независимых. Так, А. Тойнби насчитал около сотни цивилизаций, позднее постепенно сокращал их количество — сначала до тридцати шести, затем до двадцати одной и, наконец, до тринадцати [10, с. 65].

Критерием объединения национальных правовых систем в цивилизации является тип развития. Неслучайно исследователи пишут: «В качестве критериев классификации цивилизаций выделяются общность и взаимозависимость историко-политической судьбы и экономического развития, взаимопереплетение культур, наличие сферы общих интересов и общих задач с точки зрения перспектив развития» [11, с. 182; 12, с. 16].

Анализ правовой действительности через призму взаимодействия двух наиболее влиятельных по своему масштабу правовых семей — англосаксонской и романо-германской — выявляет преобладающую тенденцию стремления к унификации норм права. Причины этого заключаются во множестве аспектов, начиная от стремительной девальвации культурных и этнических различий между народами, проживающими на территориях этих государств, и заканчивая отказом от множества экономических барьеров, сулящих международное сотрудничество с взаимовыгодными предпочтениями для всех его сторонников.

Между тем следствием постепенного перехода к единообразию нормативных установок, выраженных по большей части в действующем законодательстве, стало, например, то, что в странах доктрины общего права, где в качестве основного источника права выступал судебный прецедент, законодатель сегодня все чаще закрепляет общеобязательные нормы поведения в нормативно правовых актах.

Несмотря на значимость и повышенный интерес к такому предмету исследования, как критерий классификации правовых систем, ученые не пришли к единому мнению относительно критерия классификации. Кроме того, качественное и количественное усложнение общественных отношений позволяет нам сделать вывод о том, что в дальнейшем правовые системы будут изменяться более динамично (количественно и качественно). Поэтому актуальность «переоценки» классификации на основании какого-либо критерия остается высокой. Выделение нового критерия, который бы удовлетворял всем нюансам изменяющихся общественных отношений и одновременно отражал свойственные правовым процессам изменения, — крайне сложный процесс.

Однако именно объединение национальных правовых систем в правовые системы служит сегодня одной из главных задач сравнительного правоведения. Глобальные проблемы современности требуют немедленной унификации (хотя

бы содержательной) в отношении противодействия им мирового сообщества. Очевиден и тот факт, что имплементация определенных, заранее подготовленных, проанализированных с точки зрения эффективности и прогнозирования последствий введения правовых норм максимально ускорит процесс. Следовательно, важно иметь наиболее актуальное представление о классификации правовых систем современности.

Литература

1. Кузьменко В. И. Проблема соотношения категорий «правовая семья», «правовая система» и «система права» // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 197–200.
2. Зернов А. О., Снетков В. Н. Право и основные критерии классификации юридических норм // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. Лучшие доклады / отв. ред. В. Э. Гасумянц. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 485–489.
3. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. М.: Норма, 2012. 400 с.
4. Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем // Философия права. 2014. № 3. С. 52–55.
5. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2020. 320 с.
6. Рассказов Л. П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 134–150.
7. Рассказов Л. П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917–1941 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. 587 с.
8. Упоров И. В., Старков О. В., Рассказов Л. П. Теория государства и права: курс лекций. М.: Просвещение, 2005. 220 с.
9. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. М.: Международные отношения, 1997. 320 с.
10. Молдоев Э. Э., Абакирова А. М. Проблемы методологии исследования категории «правовая система» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4 (86). С. 64–67.
11. Винниченко Е. А. Классификация правовых систем современного мира // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (1). С. 181–183.
12. Воскресенская Е. В. Корпоративное право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. СПб.: Астерион, 2010. 124 с.

Контактные данные:

Воскресенская Е. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Жильский Н. Н.: 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;
e-mail: Zhil'skiy.n.n@lan.spbgasu.ru.

Зернов А. О.: 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43;
e-mail: anton.zernov@bk.ru.

Contact Details:

Voskresenskaya E. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Zhil'skiy N. N.: 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia; e-mail: Zhil'skiy.n.n@lan.spbgasu.ru.

Zernov A. O.: 57/43 Sredniy Prospect V.O., St. Petersburg 199178, Russia; e-mail: anton.zernov@bk.ru.

Михайлов В. В.

Защита российских граждан, проживающих и работающих за рубежом: юридические аспекты

Mikhailov V. V. Protection of Russian Citizens Living and Working Abroad: Juridical Aspects

Статья посвящена актуальной в современном отечественном правоведении проблеме защиты российских граждан, проживающих и работающих в иностранных государствах. Ухудшение международной обстановки еще более актуализируют данную тему, поскольку права граждан Российской Федерации (РФ) за границей все чаще нарушаются, а существующие двусторонние договоренности не исполняются. Предлагается рассматривать проблему российских граждан за рубежом в комплексе защиты групповых прав. Для этого, как утверждают авторы, требуется уточнение понятия прав группы, включение в него категорий групп граждан, проживающих в иностранных государствах, определение правового статуса и особенностей этих групп. Создание единого правового пространства индивидуальных и групповых прав должно создать условия для активизации деятельности государства и общественности по правовой защите граждан РФ за рубежом, поддерживать культурные и экономические связи российских диаспор с Россией.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, групповые права, уязвимые группы, граждане Российской Федерации за рубежом, трудовая миграция, российские диаспоры в иностранных государствах.

The article is devoted to the problem of protection of Russian citizens living and working in foreign countries, which is relevant in modern Russian jurisprudence. The deterioration of the international situation makes this topic even more relevant, since the rights of Russian citizens abroad are increasingly violated, and existing bilateral agreements are not being implemented. It is proposed to consider the problem of Russian citizens abroad in the complex of protection of group rights, which requires clarifying the concept of group rights, including categories of groups of citizens living in foreign countries, determining the legal status and characteristics of these groups. The creation of a single legal space for individual and group rights should create conditions for the activation of the state and the public's activities for the legal protection of Russian citizens abroad, and support the cultural and economic ties of Russian diasporas with Russia.

Keywords: human rights activities, group rights, vulnerable groups, citizens of the Russian Federation abroad, labor migration, Russian diasporas in foreign countries.

Государственная политика в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, по-прежнему имеет лишь одно значимое направление — переселение желающих покинуть новую родину в Российскую Федерацию (РФ) [1, с. 53–76]. Поддержка русских и русскоязычных, а равно и других национальных групп,

Михайлов Вадим Викторович — профессор гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор исторических наук, доцент.

© Михайлов В. В., 2021

входящих в РФ, проживающих за рубежом, оказывается в поле внимания государственных и общественных структур только в исключительных случаях.

Так, Всемирный конгресс соотечественников, который призван решать проблемы граждан РФ за рубежом проводится, согласно Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99–ФЗ, раз в три года [2]. Посольские и консульские службы РФ в иностранных государствах не показывают себя активными проводниками государственной политики в этом направлении. Деятельность омбудсмана по правам человека чаще всего «связана с нерешенными социально-экономическими проблемами... и выдаче паспортов граждан [3, с. 22–23]». Вопрос же о правовой поддержке миграции из России в другие страны даже не стоит, а в общественном мнении чаще всего рассматривается в моральном плане негативно [4, с. 62; 5, с. 43–45]. При этом, в 2018 г. более 3 млн граждан России проживали за рубежом, из которых 2 млн 600 тыс. — постоянно [6, с. 196].

При этом, как показывает опыт других стран, планомерная, поддерживаемая государством и обществом эмиграция при условии сохранения культуры и социальных связей с метрополией является одной из сильнейших форм «мягкой силы», оказывает значительное международное влияние, способствует культурной экспансии, воздействует на общества-приемники новых диаспор. Данная группа, по сути, исключена из российского политического правового и общественного дискурса в целом. Различные этнические диаспоральные группы активно действуют на территории России, и их правовая регуляция недостаточна. Разработка единого поля регламентации обязанностей и защиты прав диаспоральных групп, включая эмигрировавших российских граждан, безусловно, способствовала бы снижению проблемности в этой сложной области социальной жизни стран и народов.

Если говорить о проблемах миграции и мигрантов в целом, то они практически однотипны в различных странах и в отношении различных этнических групп. С. Ю. Адрейцо и Р. Б. Булатов указывают на следующие проблемные факторы:

- «...экономические мигранты... являются членами социальной группы которая подвергается социальному исключению... и поэтому является уязвимой социальной группой» [7, с. 49];
- «с мигрантами как уязвимой группой связан такой феномен, как «уязвимая занятость»: отсутствие оформленных трудовых отношений, наличие практик вплоть до схожих с рабовладением [7, с. 50];
- «в условиях миграции создаются специфические системы формальных и неформальных сетей мигрантов беженцев и лиц, ищущих убежище, регулирующих как отношения внутри общины, так и взаимоотношения этих общин с местным сообществом» [7].

Обратим внимание и на проблему нарушения мигрантами законодательства страны пребывания, культурные различия, часто приводящие к конфликтам на бытовом уровне, различие в понимании норм морали и нравственности, поскольку «различие групп в социуме часто определяется различием культурных традиций и стереотипов, которые могут отличаться от таковых большинства» [8, с. 17]. Если вопросы и проблемы различных групп мигрантов и диаспор в России получают свое определение, характеристики и способы правовой регламентации, если различные группы мигрантов в определенной степени защищены как законодательством РФ, так и международными актами, признанными в РФ, то в отношении защиты прав российских граждан за рубежом работа по определению статуса таких групп, их правоспособности и защите практически не ведется. Политика РФ в отношении сограждан, проживающих в других странах, по-прежнему не имеет определенного и целенаправленного правового характера, а «объединяющим

фактором эмиграции остается некая расплывчатая культурная общность» [4, с. 42]. Многие декларируемые меры поддержки российских граждан за рубежом, такие как поддержка бизнеса и торговли граждан России в иностранных государствах, создание и поддержка организаций и объединений соотечественников в странах их проживания, поддержка получения образования на русском языке [9, с. 916–918], не получают ни должного финансирования, ни отражения в российских и зарубежных СМИ. Определенная работа в этом направлении ведется Русской православной церковью, но ее сложно назвать государственной, поскольку большинство современных стран имеют светскую власть.

Проблемой определения статуса «соотечественников в иностранных государствах» являются исторические факторы. В советский период эмиграция была связана с диссидентством, деятельным противостоянием государственной идеологии. Более того, принята практика насильственного лишения гражданства по идеологическим соображениям. Как пишет В. А. Герасимова, «в этой связи ряд юридических лиц выступил в пользу неюридического определения термина, стремясь избежать протестов со стороны мировой общественности и групп поддержки диаспоры. Например, в 2001 г. В. В. Путин отметил, что «соотечественники» — это не только юридическая категория, а в большей степени вопрос личного выбора, вопрос духовного самоопределения» [9, с. 906].

При этом ущемление прав русскоязычного населения в иностранных странах налицо: «В ряде бывших советских республик представители российской диаспоры лишены гражданских прав и имеют статус не граждан, на территории других республик ущемляются их права, связанные с получением образования на русском языке, трудоустройством, улучшением жилищных условий, получением социальной поддержки от государства и т. д.» [10, с. 153]. Вряд ли можно назвать случайным и то, что большинство иностранных государств не поддерживали инициативу предоставления гражданам России, проживающим в этих странах, двойного гражданства [11, с. 34].

Схожая ситуация наблюдается и в отношении русских диаспор со стороны местных властей. Как отмечает А. Б. Ручкин, в США «русская диаспора не имеет своих представителей на федеральном уровне. Практически единственным политиком, претендующим на отстаивание интересов русскоязычного сообщества, остается депутат законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк Алекс Брук-Красный, программа которого во внешнеполитической сфере в значительной степени сфокусирована на американо-израильских отношениях» [5, с. 42]. Русские в США, в отличие от многих более сплоченных этнических групп, слабо влияют на местную правовую практику и практически не участвуют в политической жизни.

Представляется, чтобы возникла практика работы по правовой защите наших граждан, постоянно или длительное время пребывающих за рубежом, следует обратиться к теории групповых прав и их защите в современной системе правового государства и международного сообщества. Как пишут С. Н. Горбунов и Б. А. Молчанов, «власть, которой наделена группа, может быть ограничена в какой-то степени или в целом юрисдикцией над личностью» [12, с. 391], и это позволит соотнести декларируемые всеобщие права с индивидуальными. Если «правовая система игнорирует групповую культуру, это зачастую приводит к ущемлению таких прав группы, как право на пользование родным языком, права на образование, права на вероисповедание, а порой и к ущемлению таких основополагающих прав человека, как право на жизнь и право на труд и его достойную оплату» [8, с. 17].

Современное мировое сообщество и эксперты в области права пришли к признанию того, что правовая система, исходящая из принципа соблюдения, нена-

рушения и недискриминации прав отдельного индивида, не всегда может защищать права человека как члена группы, то есть к необходимости выделения в области права группы как особого объекта правовой защиты. Вопрос о правовом статусе группы остается одним из самых спорных в теории права. Прежде всего существуют различные определения самой группы как субъекта права. Американский правовед-либерал Вернон Ван Дайк полагал, что только «общности, которые «существуют как целое, а не случайное собрание индивидов», могут быть идентифицируемы как группа или коллектив. Их социальное существование должно отвечать критериям длительности, стабильности и устойчивости к социальным изменениям. В противном случае, с точки зрения правового статуса, они не могут быть выделены, и для их обозначения применимы термины «категория» или «контингент» [5, с. 17; 13, р. 21–22]. Утверждение изменчивости правового статуса и правовой регуляции группы не является общей для теории права в отношении права группы. Так, особенностью национальных или религиозных меньшинств часто выступает неизменность культурных стереотипов поведения, традиционность как форма социализации. В. Ван Дайк признает «социализирующий характер группы», что означает формирование и трансляцию культурных и индивидуальных черт, благодаря которым группа получает возможность сохранять себя как группу, отличную от других, а каждый ее член — идентифицировать себя с данной группой. Эта особенность группы наделяет ее особыми отличительными «правовыми достоинствами», которые могут быть признаны в правовом поле и получить собственную нормативную регуляцию [13, р. 25].

В свою очередь, у групп граждан, проживающих в иностранных государствах, существует отличительный правовой статус, поскольку они имеют двойное подчинение законодательствам страны своего гражданства и страны своего проживания и трудоустройства. При этом нередко возникают правовые коллизии, исходящие как из различия основных правовых установлений в двух странах, так и из культурных идентификаций граждан, особенностей их правового сознания. Отдельно отметим и проблемы, связанные с противоречиями мировой политики. Как пишет О. С. Швыткина, «в последние годы происходит ухудшение политической, экономической и социальной ситуации в государствах дальнего и ближнего зарубежья. Кроме того, в связи с аннексией Крыма, военных действий в Сирии и западными санкциями взаимоотношения Российской Федерации с другими государствами развиваются неоднозначно. Данные политические факторы не могли не сказаться на положении граждан, находящихся вне территории Российской Федерации» [6, с. 196]. С одной стороны, русские как национальная группа определены в местных СМИ в качестве подозрительной или даже опасной, с другой — нарастает раскол и внутри самой группы русскоязычных граждан по политическим предпочтениям. Более того, как отмечает Г. А. Ализаде, все чаще происходит использование «диаспоральных групп России как инструментов силового давления на государство, лишения их в государстве-реципиенте геополитической субъектности, что превращает диаспору в конфликтогенный фактор, делает ее заложником международных конфликтов» [14, с. 182]. В более общем смысле можно утверждать факт, как пишут Ю. А. Антохина, В. М. Боер и П. П. Глущенко, «порочной практики, направленной на противопоставление одной части населения другой» [15, с. 39].

Как указано нами ранее, «на международном уровне многие проблемы коллективного права национальных и территориальных групп на самостоятельное избрание своей судьбы сегодня не только сохраняются, но и обостряются» [16, с. 275]. Показательно, что в последние годы ситуация с сепаратистскими движениями, даже в таких государствах либерального устройства, как США и страны

Западной Европы, настолько усложнилась, что стала подрывать как политическое положение Евросоюза (Брексит), так и ряда отдельных государств (Испании, Великобритании, Бельгии). В США национальные проблемы в ряде штатов ведут к обособлению последних от единого правового поля конфедерации, если не угрожают распадом отношений, часть которых видится нами как отрицание особой области коллективных прав групп, в том числе наций и народов. Проблемы ведут к тому, что международное право используется в неблагоприятных политических и экономических целях, а сообщество теряет доверие к международным органам правовой регуляции и правовой защиты.

Можно утверждать, что политика двойных стандартов, которую ведут эти страны по отношению к национальным и народным сообществам, объявившим о своих правах на самостоятельное историческое развитие, бьет и по лидерам современного мира. Как отмечают С. Ю. Адрейцо и Р. Б. Булатов, «только на основе политики интеграции возможно преодоление негативных последствий этносоциальной стратификации и сегрегации иммигрантов, их социальной исключенности» [6, с. 47]. При этом авторы признают, что «необходимо активизировать участие в адаптации и интеграции иностранных граждан... диаспоры и землячества» [6, с. 92]. Это признание говорит о коллективном, групповом единстве трудовых мигрантов и граждан РФ, что требует и единой правовой регуляции этих групп. Именно стандартная, унифицированная правовая регуляция правового статуса как мигрантов в РФ, так и российских граждан, работающих и проживающих за рубежом, станет способствовать реализации «интеграции, адаптации, аккультурации» временных и постоянных мигрантов в избранное ими для работы или проживания общество. Как пишет О. С. Швыткина, «общественное мнение, авторитет государства на международной арене зависят от уровня соблюдения прав иностранных граждан на его территории» [6, с. 130]. Это требование несет обязательность как для России в отношении иностранных граждан, проживающих на ее территории, так и для иностранных граждан в отношении граждан России.

Литература

1. Бородин С. С., Громыко С. С., Лойт Х. Х. Миграционная политика России и зарубежных стран. СПб.: ГУАП, 2011. 374 с.
2. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 10.04.2021).
3. Волченко А. В. Роль Уполномоченного по правам человека в защите граждан Российской Федерации, находящихся за ее пределами // Бизнес в законе. 2021. № 1. С. 20–24.
4. Пешкова В. М. Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 61–79. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.05
5. Ручкин А. Б. От «врагов народа» до «друзей нации: русская диаспора в российско-американском диалоге // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 40–50.
6. Швыткина О. С. Правовые проблемы защиты прав российских граждан за рубежом // Молодой учёный. 2018. № 44 (230). С. 196–198.
7. Адрейцо С. Ю., Булатов Р. Б. Защита иностранных граждан в современной России: монография. СПб.: ГУАП, 2018. 143 с.
8. Михайлов В. В. О некоторых противоречиях в определении правового статуса групп (коллективов) в современной западной и отечественной теории правовой защиты // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 1 (50). С. 15–20.

9. Герасимова В. А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. Т. 2. № 1. 2019. С. 904–922.
10. Ревазова М. И. Политико-правовые средства обеспечения прав и интересов соотечественников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 152–160. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-152-160
11. Околенова Ю. Ю. Международно-правовые основы защиты прав граждан Российской Федерации, проживающих за границей // Закон и право. 2019. № 8. С. 32–34. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10339
12. Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Возмещение вреда за исторические несправедливости. Архангельск: КИРА, 2013. 489 с.
13. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics. 1982. № 44. P. 21–40.
14. Ализаде Г. А. Особенности государственной диаспоральной политики Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 181–184. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-181-184
15. Антохина Ю. А., Боер В. М., Глуценко П. П. Правозащитная деятельность: теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. СПб.: ГУАП, 2016. 562 с.
16. Михайлов В. В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 272–277. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.328

Контактные данные:

Михайлов В. В.: 190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 67а;
e-mail: batukom@mail.ru.

Contact Details:

Mikhailov V. V.: 67A Bol'shaya Morskaya Str., St. Petersburg 190000,
Russia; e-mail: batukom@mail.ru.

Гаврилова О. В., Носенков А. П., Смольяков А. А.

Значение социально-криминологического анализа бытовой сферы жизни общества в предупреждении семейно-бытовой преступности

Gavrilova O. V., Nosenkov A. P., Smolyakov A. A. Importance of Social and Criminological Analysis of the Domestic Sphere of Society Life in Preventing Family Crime

В статье проведен социально-криминологический анализ сферы быта, приведены определения данного понятия специалистами различных областей знания. Рассмотрено влияние семьи на совершение бытовых преступлений. Отмечено, что в России давно назрела необходимость принятия на государственном уровне Закона о предупреждении насилия в семье.

Ключевые слова: противоправное деяние, сфера быта, бытовая преступность, семья, предупреждение преступлений, несовершеннолетний.

Article provides a socio-criminological analysis of the sphere of everyday life, gives definitions of this concept by specialists in various fields of knowledge. The influence of the family on the commission of domestic crimes is considered. It is noted that in Russia there is a long overdue need for the adoption at the state level of the Law on the Prevention of Domestic Violence.

Keywords: unlawful act, everyday life, domestic crime, family, crime prevention, minor.

В настоящее время происходит постоянный рост преступлений, совершенных в сфере быта. И эта печальная тенденция только прогрессирует. Пандемия коронавирусной инфекции, охватившая планету, в очередной раз обострила проблему бытовой преступности в мире и в России в частности. Количество противоправных деяний, совершенных на бытовой почве нашими соотечественниками в период тотальной изоляции весной 2020 г., значительно возросло. К сожалению, увеличивается количество противоправных деяний, имеющих в своей основе семейно-бытовой конфликт, совершенных лицами женского пола. В том числе и несовершеннолетними.

Однако в России до сих пор не принят Закон о предупреждении семейного насилия. Последняя такая попытка была предпринята в декабре 2019 г., но законопроект о предупреждении семейного насилия так и не был принят. Проект Закона подвергался отчаянной критике как его сторонниками, так и противниками. Специалисты различных областей знания, прежде всего правоведы, государственные деятели настоятельно рекомендуют принять закон как можно быстрее.

Гаврилова Ольга Вячеславовна — старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Носенков Анатолий Петрович — преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Смольяков Анатолий Антонович — профессор кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

© Гаврилова О. В., Носенков А. П., Смольяков А. А., 2021

Однако законодатели увидели в законопроекте много недочетов и противоречий, и принятие законопроекта сочли преждевременным (хотя попытки принять закон о предупреждении семейного насилия продолжаются уже на протяжении более 20-ти лет). Актуальность его принятия подтверждают также и последние зверские насильственные деяния, которые были совершены домочадцами в отношении членов своих семей. Достаточно вспомнить жестокое убийство, совершенное сестрами Хачатурян, которые выход из семейной конфликтной ситуации нашли только посредством нанесения родному отцу 36-ти ударов ножом, когда он спал. Иного решения проблемы они не видели, так как все проблемы в семье Хачатурян решались только силовыми методами и других средств выхода, кроме как насильственных действий, из ситуации девочки не видели. Да по большому счету и не знали. И зверское злодеяние, которое совершил над Вероникой Скворцовой ее ревнивый муж, вывезя ее в лес и отрубив обе руки. И это только небольшой айсберг в океане зверств, которые совершают наши сограждане — члены семей, в отношении друг друга. Декриминализация ст. 116 УК РФ, на наш взгляд, семейных насильников сделала еще более наглыми, беспардонными и безнаказанными. Много вопросов в этом направлении деятельности есть и к сотрудникам правоохранительных органов. Такие противоправные деяния — очень латентны (и латентность таких преступлений как естественная (слабые члены семьи не предадут огласке и не сообщают в правоохранительные органы о фактах семейно-бытового насилия в отношении них и поэтому о преступных деяниях семейных насильников не известно сотрудникам полиции), так и искусственная — сотрудники правоохранительных органов просто не регистрируют факты проявления насилия в семейной сфере). Фраза: «Бьет — значит, любит» не должна становиться девизом избитых жен. Хотя мнение авторов может не совпадать с мнением редакции журнала.

Поэтому тема, заявленная в рамках статьи, является как никогда актуальной и злободневной для всего российского общества.

В последнее время имеются значительные изыскания влияния бытовой сферы. Особое внимание уделялось семейной сфере [1, с. 22].

Сфера эта также является одной из наиболее криминогенно значимых. Поэтому, характеризуя быт, нельзя не обратиться к криминологическому аспекту его понимания.

Говоря о криминологической характеристике сферы быта, невозможно избежать раскрытия содержания этого понятия.

Но перед тем как это сделать, нельзя не отметить, что эта сфера жизнедеятельности людей изучается специалистами самых разных областей знания: философами, социологами, филологами, демографами и юристами.

Однако, несмотря на такой интерес исследователей к данной сфере, в то же время единого понимания терминов «быт» на сегодня нет. Это объясняется тем, что, во-первых, существует множество структур данной социальной сферы, собрать которые в едином определении сложно, и, во-вторых, специфическими интересами специалистов различных отраслей знания, которые кладут в основу определения быта те или иные их признаки в зависимости от аспектов изучения.

Следует особо отметить тот факт, что на сегодняшний день юридического определения сферы быта нет.

Для того чтобы дать определение быта, обратимся к определениям, которые приводятся специалистами различных областей общественнознания. Раскрывая содержание этого понятия, необходимо прежде всего уяснить его социальную сущность.

Итак, понятие быт с точки зрения философии рассматривается как «сфера непродуцированной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения. В широком смысле «быт» — уклад повседневной жизни» [2, с. 69]. Данная дефиниция раскрывает структуру быта как системного социального явления и дает весьма общее представление об исследуемом предмете.

Социологи определяют быт «как сферу непродуцированно-экономической и социальной жизни, включающую деятельность, связанную с удовлетворением материальных потребностей людей в пище, одежде, поддержании здоровья, и деятельность, связанную с освоением духовных благ, культуры, с общением, отдыхом, развлечениями» [3]. Социологическое определение быта также дает только общую характеристику этого явления.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова предлагает следующее определение быта: «Общий жизненный уклад, повседневная жизнь» [4, с. 62].

Демографы характеризуют быт как «уклад повседневной жизни, непосредственно связанный с воспроизводством как самого человека, так и населения в целом, с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей» [5, с. 53–54]. В данном определении акцент делается на слове «воспроизводство», что, по нашему мнению, значительно сужает такое понятие, как быт.

Существуют и другие мнения. Так, Е. М. Зуйкова полагает, что определение быта «следует ограничить материальной стороной» и «совсем необязательно и даже не нужно включать в быт различные формы духовно-эстетической деятельности, воспитание детей и самовоспитание, культивирование обычаев и традиций» [6, с. 14]. Такое ограничение, по-нашему, вряд ли оправдано. Материальные отношения, безусловно, есть важнейший элемент бытовой сферы, но они, однако, не исчерпывают всей совокупности присущих ей особенностей. Известно, что различные формы духовно-эстетической деятельности в социальной жизни играют отнюдь не пассивную роль: нередко под их воздействием материальные отношения людей претерпевают те или иные изменения.

Криминологов же, изучающих проблему бытовой преступности, интересует весь комплекс особенностей сферы быта, раскрывающих его социальное содержание в целом и криминогенно значимое для процесса социализации человека. Следовательно, на их взгляд, содержание быта должно включать в себя как материальную, так и духовную стороны.

Причем совершенствование сознательной, творческой стороны быта, полагаем мы, должно рассматриваться как тенденция, обладающая определенным антикриминогенным эффектом.

Существуют еще много других определений быта. Приведем некоторые из них.

«Быт — эта та сфера человеческого общежития, в которой формируется большая часть отношений», — утверждает Г. А. Панфилова [7, с. 59]. В данном определении не оставлена в стороне духовная сторона быта, так как во главу угла этого определения поставлено «формирование большей части отношений» как главной характеристики быта. Как сфера личного потребления быт, по мнению ученых, является одной из форм активной деятельности человека по удовлетворению материальных и духовных потребностей, а также развитию физических и духовных сил личности [8, с. 148]. В этом определении значительно расширены границы быта, так как указывается, что быт служит для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Другие авторы уверены, что быт — это не только многочисленные связи и взаимосвязи людей, (личные,

но и групповые, семейные, родственные и т. д.), но это еще их досуг и свободное время [9, с. 148; 10]. Здесь, убедились мы, в структуру такого понятия, как быт, включены и досуг, и свободное время. И с этим нельзя не согласиться, так как быт тесно взаимосвязан с досугом. В связи с этим четко определить границы быта и досуга достаточно сложно.

Назначение быта, уверен Н. Д. Шимин, «удовлетворять исторически обусловленные материальные и культурные потребности членов общества» [11, с. 34–35].

Таким образом, в научной литературе нет единообразного понятия такой сферы, как быт. Нет, как уже отмечалось ранее, и его юридического определения. Когда мы говорим о быте, то имеем в виду довольно широкий круг лиц, их личные отношения и общественные связи во всей их полноте. Для того чтобы дать определение быта в рамках нашего исследования, необходимо учитывать следующие моменты:

- во-первых, это особые отношения между лицами, включенными в сферу бытовых отношений;
- во-вторых, данная сфера предполагает обязательное, не анонимное общение.

Учитывая это, мы даем определение быту как сфере повседневной жизни людей в свободное от работы и учебы время, а также особых отношений между ними, предполагающих не анонимное общение.

Непрерывно следует подчеркнуть особое положение подростков в этой сфере жизнедеятельности — зависимость от родителей или лиц, их заменяющих.

Отметим, что несовершеннолетние имеют особый социальный статус, который ставит их в подчинение взрослым, и поэтому для них сфера быта предполагает в значительной степени общение с наиболее близким им социальным окружением.

В нашем определении быта свое внимание мы акцентировали исключительно на том, что это особые отношения между людьми, не анонимное общение. Мы считаем, что именно в процессе осуществления многообразных форм межличностного общения появляются ситуации, преломляющие последствия тех или иных причин противоправных деяний и непосредственно детерминирующих такие преступные проявления.

Сфера быта — не замкнутая сфера. Она тесно связана с трудовой и другими сферами жизнедеятельности людей. Данная сфера включена в систему общественного развития и испытывает на себе силу воздействия социума. Поэтому сферу быта и досуга следует рассматривать с точки зрения динамики общества, перспектив его развития, учитывая позитивные и негативные социальные, политические, правовые, экономические и иные изменения.

Нельзя обойти вниманием проблему криминализации быта, которая имеет особое значение для социализации подростков в семье.

Со своей семьей преступная личность взаимодействует с семейным кругом общения в течение всего своего земного существования.

Преступник, как и законопослушный гражданин, связан с семьей на протяжении всей своей жизни. Именно семейное окружение влияет на то, что делает человек, его чувства и эмоции. С момента рождения человека дальнейшее поведение его обусловлено теми отношениями и связями, которые установились в результате общения с его родными и близкими [12, с. 87].

Профессором Д. А. Шестаковым вычленяются такие типы семейных групп.

Конфликтная семья, являющаяся разновидностью криминогенной семьи, наличие конфликтов в которой может способствовать совершению того или иного вида преступления как внутри семьи, так и за ее пределами [13].

Десоциализирующая семья — разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации [14, с. 84–85]. Это переходный тип семьи к криминогенной. Одна из актуальнейших задач, которые стоят в предупредительной деятельности всех субъектов профилактической работы выявления именно таких семей, которые мы называем десоциализирующие.

Криминогенная семья. В узком смысле термином криминогенная семья обозначается конкретно отдельная семья, способствующая либо не противодействующая совершению кем-либо из ее членов правонарушения и преступления. В широком смысле — вся семья — подсистема криминогенных факторов [12, с. 87]. Для решения профилактических задач целесообразна переориентация членов таких семей с целью недопущения совершения ими правонарушений или преступлений.

В юридической литературе существует два мнения относительно бытовой преступности. Согласно первому — сфера быта и досуга как криминогенные факторы не разделяются или разделяются только условно [12, с. 3], а к «бытовым» преступлениям относятся такие, которые совершаются во внепроизводственных условиях и порождаются бытовыми причинами, неумением организовать свободное время [12, с. 87]. Приверженцы этой точки зрения (Н. И. Бельцов [15, с. 209], Н. Ф. Кузнецова [16, с. 209] и др.) рассматривают быт и досуг в единстве, как слитный массив, а потому учитывают не только внерабочее время, но и свободное время вообще. Такая позиция представляется верной, хотя в принципе для удобства исследования, когда это предусмотрено конкретными методиками, можно отдельно изучать не только быт и досуг, но и внерабочее время.

У В. П. Ревина эти сферы также рассматриваются в единстве. Он уверен, что «к числу преступлений, совершаемых в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений, могут быть отнесены уголовно-противоправные, общественно опасные деяния, посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество граждан, являющиеся в основе результатом неправомерного разрешения возникающих на почве конкретно-личностных внепроизводственных отношений конфликтов, мотивированных неприязнью, завистью, местью, ревностью или хулиганскими побуждениями, виновного, связанного с потерпевшим семейным, родственным или досуговым общением, а также групповой солидарностью, стремлением к самоутверждению, реализацией агрессивных стереотипов и т. п.» [17, с. 24].

Криминолог считает важным элементом рассматриваемой группы преступлений особенности объекта преступного посягательства. К их характерной черте он относит конкретно-личностную направленность преступного действия. Преступник стремится причинить вред не вообще кому-либо, а конкретному лицу [17, с. 23–24].

Сторонники второй позиции (В. А. Серебрякова, А. П. Сыров) предлагают разграничить сферы быта и досуга. О свободном времени при этом не говорится. Категория «быт» употребляется ими в узком смысле, и из нее исключается досуг [18]. В связи с этим уточняется определение бытового преступления, а именно указывается на специфический характер взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего, например личные отношения по поводу выполнения бытовых функций. Предлагается определить место выполнения бытовых функций и время (именно внерабочее время).

Рассмотрим, немаловажные для нашего исследования моменты. Для обозначения проблем бытовых и семейно-бытовых преступлений в криминологии употребляются разные термины: «бытовые преступления», «преступления, совершаемые в семейно-бытовой сфере», «преступления на бытовой почве», «престу-

пления, совершаемые по бытовым мотивам», «преступления, совершаемые на почве бытовых конфликтов» и др. [19, с. 28]. Как не трудно заметить, все они содержат слова с одним общим корнем «быт», то есть так или иначе все эти понятия являются однокоренными и близкими по значению, в основе которых так или иначе лежит особо значимая для нас сфера быта.

В работах криминологов дается определение «бытового преступления». Однако, по мнению О. В. Старкова, «основной недостаток почти всех определений (данных в криминологических исследованиях вышеперечисленных авторов) бытовых преступлений заключается в смешении 2-х уровней: общесоциального, то есть преступность в сфере быта, и личностно-микросредового — преступное поведение членов бытовых социальных групп друг против друга. По-видимому, этот недостаток неизбежен, поскольку бытовые преступления должны отличаться по одному основанию, которым является понятие «бытовое», а оно может выделяться на обоих уровнях» [19, с. 29].

С точки зрения Г. А. Романова, признаком бытового преступления может быть «бытовой мотив, возникающий в результате повседневных (непроизводственных) отношений» [20, с. 56].

Характер конфликта — обязательный признак бытового преступления, а дополнительным признаком является время совершения противоправного деяния.

Убийства, истязания, побои — наиболее характерные противоправные деяния для сфер семейно-бытовых отношений.

К определению понятия быта обращались специалисты разных областей знания. Однако единообразного определения этой сферы жизнедеятельности на сегодняшний день специалистами не выведено. Проанализировав определения быта, принятые в философии, социологии, филологии, демографии, мы попытались дать собственные определения. Итак, мы считаем наиболее удачным в рамках нашего исследования определение быта как сферы повседневной жизни людей в свободное от работы и учебы время, а также особых отношений между ними, предполагающих не анонимное общение.

В заключение нашего исследования семейно-бытовой сферы жизни общества хотелось бы отметить, что рассмотренная сфера имеет самое важное значение в предупреждении семейно-бытового насилия в России.

Литература

1. Гаврилова О. В. Криминологическая характеристика насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сфере быта и досуга (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 212 с.
2. Философский энциклопедический словарь. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 574 с.
3. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 664 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. 847 с.
5. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентейн. М.: Советская энциклопедия, 1985. 607 с.
6. Зуйкова Е. М. Быт при социализме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 240 с.
7. Панфилова Г. А. О содержании понятия бытового преступления // Вопросы борьбы с преступностью. 1977. Вып. 26. С. 50–65.
8. Архангельский Л. М. Социально-эстетические проблемы личности. М.: Мысль, 1974. 222 с.
9. Гордот Л., Клопов Э. Понятие быта и бытовых отношений // Человек и общество. М., 1986.
10. Оников Л. А. Быт — досуг — свободное время. М., 1984.

11. Шимин Н. Д. Семья, брак, быт. М.: Политиздат, 1964. 46 с.
12. Шестаков Д. А. Семейная криминология. Семья — конфликт — преступление. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 262 с.
13. Шестаков Д. А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. 24 с.
14. Шестаков Д. А. Десоциализирующая семья как фактор формирования личности преступника // Вестник ЛГУ. 1985. № 6. С. 84–88.
15. Бельцов Н. И. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых в сфере быта и досуга: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 200 с.
16. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
17. Ревин В. П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 52 с.
18. Серебрякова В. А., Сыров А. П. Проблемы комплексного криминологического исследования быта // Вопросы борьбы с преступностью. 1980. Вып. 33. С. 22–31.
19. Старков О. В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань: Изд-во РВШ МВД РФ, 1992. 162 с.
20. Романов Г. А. О борьбе с бытовой преступностью // Правоведение. 1973. № 4. С. 55–60.

Контактные данные:

Гаврилова О. В., Носенков А. П., Смольяков А. А.: 188662,
Ленинградская обл., Всеволожский р-н, Мурино, Лесная ул., д. 18а;
e-mail: filikolga@gmail.com, apnosenkov@yandex.ru, anatolti2013@yandex.ru.

Contact Details:

Gavrilova O. V., Nosenkov A. P., Smolyakov A. A.: 18A Lesnaya Str., Murino,
Vsevolozhskiy District, Leningrad Region 188662, Russia;
e-mail: filikolga@gmail.com, apnosenkov@yandex.ru, anatolti2013@yandex.ru.

Шаряпова Э. А., Лопатинский И. В., Субботина М. А.

О комплексном и устойчивом развитии территории России

Sharyapova E. A., Lopatinskiy I. V., Subbotina M. A. On the Integrated and Sustainable Development of the Territory of Russia

В контексте изменений градостроительного законодательства тема настоящей статьи особенно актуальна. Новое в законодательстве объясняется задачами, которые ставят перед собой органы власти Российской Федерации (РФ) по улучшению качества жизни, обеспечению благоприятных условий жизни и здоровья граждан РФ. Требования по развитию территорий в России предусматривают не только изменение процедуры, но и обеспечение при строительстве объекта транспортной, социальной, иными видами инфраструктуры. Новое понятие в градостроительном законодательстве — деятельность по комплексному и устойчивому развитию территорий — влечет за собой комплекс мер, необходимых для принятия не только органами власти, но и в проектировании деятельности строительных компаний. В первую очередь градостроительные изменения распространяются на такой правовой акт, как Правила землепользования и застройки. Они не только должны будут структурно обновлены, но и приняты в установленном законодательством РФ порядке. Строительные компании вынуждены согласовывать строительство объекта, особенно жилых домов, с организациями, регулирующими транспортную, социальную доступность. Дополнительные требования к строительству, предъявляемые современным градостроительным законодательством, влечет

The topic of the article is relevant due to changes in urban planning legislation. The new legislation is explained by the tasks set by the authorities of the Russian Federation to improve the quality of life, to ensure favorable living conditions and health of citizens of the Russian Federation. The new requirements for the development of territories in the Russian Federation provide not only for changing the procedure, but also for providing transport, social and other types of infrastructure during the construction of the object. A new concept in urban planning legislation — the activity of integrated and sustainable development of territories — entails a whole range of measures necessary for adoption not only by the authorities, but also in the design of the activities of construction companies. First of all, urban planning changes will affect such a legal act as the Rules of Land Use and Development. They will not only have to be structurally updated, but also adopted in accordance with the procedure established by the legislation of the Russian Federation. Construction companies are forced to coordinate the construction of an object, especially residential buildings, with organizations that regulate transport and social accessibility. Additional requirements for construction, imposed by modern urban planning legislation, will also entail a change in the price policy in the field of housing. The authors try to anticipate the pos-

Шаряпова Эмма Алексеевна — доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете, кандидат философских наук.

Лопатинский Илья Владимирович — магистрант первого курса специальности «Градостроительное право» в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете.

Субботина Мария Андреевна — магистрант первого курса специальности «Градостроительное право» в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете.

© Шаряпова Э. А., Лопатинский И. В., Субботина М. А., 2021

и изменение ценовой политики в сфере жилья. Авторы попытались предвидеть возможные юридические последствия изменений в законодательстве, регулирующем градостроительные правоотношения.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, устойчивое развитие территории, Правила землепользования и застройки (ПЗЗ), органы местного самоуправления.

sible legal consequences of the new changes in the legislation regulating urban planning legal relations.

Keywords: integrated development of the territory, sustainable development of the territory, Rules of land use and development (PZZ), local self-government bodies.

Понятие комплексного и устойчивого развития введено в градостроительное законодательство в 2016 г. Это обусловлено задачами, которые поставлены перед государством:

- 1) наиболее полное и эффективное использование территории Российской Федерации (РФ);
- 2) нахождение новых способов и методов хозяйствования.

Комплексное и устойчивое развитие территории — сложное по своему значению понятие, включающее в себя ряд институтов. Интересным представляется анализ Федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ (далее — Закон о комплексном развитии территорий), выполненный Э. К. Трутневым [1]. Как и любой новый термин, понятие «комплексное и устойчивое развитие территории» вызывает много вопросов, подлежащих бурному обсуждению среди урбанистов. Вытекающие из содержания этого понятия проблемы в обобщенном виде выглядят так:

- 1) реализация понятия «деятельность по комплексному и устойчивому развитию территории» и юридические последствия;
- 2) территория комплексного развития и определение этой территории в пределах территории комплексного развития, их количественные и расчетные показатели;
- 3) юридическая ответственность за нарушение требований, предъявленных для комплексного развития территорий.

Вопросы по определению концепции комплексного и устойчивого развития территории РФ находятся в плоскости территориального планирования, как Федерации в целом, так и региона, и муниципального округа. Вопросы по осуществлению деятельности, связанной с комплексным и устойчивым развитием территорий, требуют таких мер, как подготовка, утверждение, внесение изменений, документация по планировке территории. Планировка территории — это объект градостроительства, который в первую очередь интересует жителей муниципального округа государства, поскольку именно территория муниципального округа реализует права граждан на благоприятные условия для жизни, здоровья, труда и т. д.

Принятие Закона о комплексном развитии территорий повлекло появление нового понятия «деятельность по комплексному и устойчивому развитию территории» [2]. Изменение произошло в ст. 1 Градостроительного кодекса РФ в форме нового объекта градостроительной деятельности, в частности учитывается

«...комплексное развитие территорий и их благоустройства» (п. 1 ст. 1). Определение Градостроительного регламента (п. 9 ст. 1) дополнено строкой: «а также применительно к территориям, в границах которых предусматривается осуществление деятельности по комплексному развитию территории, расчетные показатели минимально допустимого уровня обеспеченности соответствующей территории объектами коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур и расчетные показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности указанных объектов для населения» [3]. Градостроительное законодательство предусмотрело и передает понятие «устойчивое развитие территории». Какие признаки несет данное определение? С одной стороны, необходимо повышать качество жизни людей, с другой — минимизировать ущерб, который нанесен природе вследствие хозяйственной деятельности человека.

Понятие комплексного и устойчивого развития территорий в законодательстве не определено. Однако можно перечислить признаки, которые выводит законодатель в Градостроительном кодексе РФ. Среди них следующие:

- 1) наличие в градостроительном регламенте дополнительных ограничений, таких как расчетные показатели минимально допустимого уровня обеспеченности соответствий территории объектам комплексных, транспортных, социальных инфраструктур;
- 2) расчет показателей максимально допустимого уровня территориальной доступности указанных объектов для населения;
- 3) определение границ территории в целях комплексного и устойчивого развития территории.

Сравним далее в аспекте законодательства с учетом изменений содержание и особенности понятия «деятельность по комплексному и устойчивому развитию территорий», отраженного в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ в связи с появлением понятия «деятельность по комплексному и устойчивому развитию территорий»

Прежнее законодательство	Новое законодательство
Развитие застроенной территории. Комплексное развитие территорий. Развитие территорий с целью строительства стандартного жилья	Комплексное и устойчивое развитие территорий
Отсутствуют	Наличие признаков, понятия «комплексного и устойчивого развития территорий»
Необходимость заключения договоров о развитии территории между застройщиками и органов местного самоуправления и проведение аукциона на заключение договоров	Необходимость заключения договора о комплексном и устойчивом развитии территорий по общему правилу, через торги

Сведения, представленные в таблице 1, позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, ранее, до изменений, в законодательстве отстаивали четкие принципы и признаки такого вида развития территорий, как комплексное освоение территории. В некоторых статьях указано, что к условиям комплексного освоения территории отнесено обязательство сторон, заключивших договор, осуществить на земельном участке строительство объектов комплексных, транспортных и со-

циальных инфраструктур, в соответствии с проектом планировки территории (п. 5 ст. 46.4 Градостроительного кодекса РФ, утратившего силу).

Во-вторых, предполагается только комплексное и устойчивое развитие территорий, независимо от условий, где планируется строительство (в застроенной территории, в жилой или нежилой зоне).

В законодательстве, утратившем силу, было представлено понятие устойчивого развития территории. Данное понятие находило отражение в стратегически важных документах государства, изданных Президентом РФ. Речь идет «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Закрепленное в градостроительном законодательстве понятие «устойчивое развитие территории» содержало лишь общие направления территориального развития градостроительной деятельности РФ. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ вносит ряд изменений в градостроительное законодательство РФ, призванных обеспечить эффективность развития территорий. Несмотря на то, что использование территорий с точки зрения народного хозяйствования претерпевает если не регресс, то застой. О значении комплексного и устойчивого развития территорий говорит и Президент РФ в соответствующих документах [4; 5].

С учетом введенного понятия «деятельность по комплексному и устойчивому развитию территорий» предусмотрена возможность комплексного и устойчивого развития территории двумя способами:

- 1) по инициативе органов местного самоуправления;
- 2) по инициативе правообладателя.

Изучив эти два способа, выявляем, что оба предусматривают необходимость участия органов местного самоуправления. Следовательно, особенно значима роль органов местного самоуправления при реализации «деятельности по комплексному и устойчивому развитию территорий».

Вследствие изменений, внесенных в градостроительное законодательство, возникла необходимость пересмотра документов территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории. В первую очередь это относится к Правилам землепользования и застройки (далее — Правила). Если учитывать, что принятие, внесение изменений в указанные Правила составляют непростую процедуру, то неминуемо возникнут трудности, связанные со временем принятия этого документа. Процедура принятия данных Правил, внесения изменений в них состоит из следующих этапов: 1) глава муниципального образования принимает решение о принятии Правил или внесения изменений в них; 2) создается проект; 3) происходит согласование с компетентными органами власти, специалистами и заинтересованными лицами; 4) осуществляется организация и проведение общественных и публичных слушаний; 5) происходит утверждение проекта Правил и принятие его представительным органом местного самоуправления или внесения изменений в форме решения органа местного самоуправления.

Известно, что не во всех муниципальных образованиях приняты документы территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий. Прокурорские проверки обращают внимание на отсутствие Правил землепользования и застройки в ряде субъектов, что ведет к нерациональному использованию земли. Закрепленные в градостроительном регламенте необходимые для строительства требования, обязательны к исполнению. Несоблюдение параметров, игнорирование видов разрешенного использования влекут, в зависимости от степени общественной опасности, административную или уголовную ответственность.

Отсутствие ответственности за то, что органы местного самоуправления не внесли изменения в градостроительные документы, не определили границы комплексного и устойчивого развития территории, не установили расчетные показатели, влечет необязательность исполнения должностными лицами норм градостроительного законодательства. Это противоречит цели и эффективности появления понятия «комплексное и устойчивое развитие территорий» землепользования и застройки.

Литература

1. Трутнев Э. К. Анализ закона № 373-ФЗ «О комплексном развитии территорий» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7. С. 70–81.
2. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации (в ред. от 2 августа 2019 г.): федер. закон от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4306.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) (с изм. и доп.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 12.05.2021).
4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

Контактные данные:

Шаряпова Э. А.: 197022, Санкт-Петербург, Академика Павлова (Володарский) ул., д. 116; e-mail: sharyapova.emma@yandex.ru.

Лопатинский И. В., Субботина М. А.: 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; e-mail: m.a.subbotina@yandex.ru.

Contact Details:

Sharyapova E. A.: 11B Akademika Pavlova (Volodarskiy) Str., St. Petersburg 197022, Russia; e-mail: sharyapova.emma@yandex.ru.

Lopatinskiy I. V., Subbotina M. A.: 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia; e-mail: m.a.subbotina@yandex.ru.

Борзунова Н. Ю., Маторина О. С., Летунова Е. П.

Уголовно-правовая характеристика посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти

Borzunova N. Yu., Matorina O. S., Letunova E. P. Criminal-Legal Characteristics of Encroachment on the Health, Personal Integrity, Honor and Dignity of a Representative of the Authorities

Авторами статьи рассмотрена уголовно-правовая характеристика преступлений в отношении представителей власти, в частности посягательство с целью причинения вреда здоровью, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти. Приведено определение термина «представитель власти». Проанализированы основные признаки представителя власти. Обобщены статистические данные по количеству вынесенных обвинительных приговоров и видам наказаний в соответствии с положениями статей Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 318, 319). Рассмотрены примеры судебной практики. Предложены пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: права и свободы граждан, Уголовно-процессуальный кодекс, оскорбление, представитель власти, применение насилия в отношении представителя власти, государственная служба, ответственность, должностные инструкции, ненадлежащее выполнение функций.

The authors of the article consider the criminal-legal characteristics of crimes against representatives of the authorities, in particular, encroachment with the purpose of causing harm to the health, personal integrity, honor and dignity of a representative of the authorities. The definition of the term “representative of the authorities” is given. The main characteristics of a representative of the government are analyzed. Statistical data on the number of convictions and types of punishments in accordance with the provisions of articles of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 318, 319) are summarized. Examples of judicial practice are considered. The ways of improving the criminal legislation are proposed.

Keywords: rights and freedoms of citizens, Criminal Procedure Code, insult, representative of the government, use of violence against a representative of the government, civil service, responsibility, job descriptions, improper performance of functions.

Россия является демократической страной, в которой права и свободы граждан закреплены в Конституции Российской Федерации. Каждый гражданин имеет право высказывать свои мысли и позиции, даже если они относятся оппозиционно к представителям власти. В подобных действиях нет ничего предосудительного, пока соблюдена грань культурно и социально приемлемого общения.

Борзунова Наталья Юрьевна — старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, подполковник внутренней службы.

Маторина Ольга Сергеевна — старший научный сотрудник отдела 1.3 НИЦ ОУП ПБ ФГБУ ВНИИПО МЧС России, подполковник внутренней службы.

Летунова Елена Петровна — майор внутренней службы, ст. дознаватель отдела административной практики и дознания УНД и ПР ГУ МЧС России по Республике Крым.

© Борзунова Н. Ю., Маторина О. С., Летунова Е. П., 2021

Как только свобода слова переходит в оскорбления или предпринимается попытка применить насилие в отношении представителя власти, то в соответствии с законодательством Российской Федерации наступает ответственность за совершенное деяние. Возникшую неприязнь в отношении действий представителей власти следует излагать в исключительно корректной форме, невзирая на степень недовольства происходящим. Оскорблять, а тем более применять насилие в отношении представителей власти недопустимо. Все неправомерные действия представителей власти в отношении граждан могут быть обжалованы в установленном российским законодательством порядке.

Представителем власти является должностное лицо (правоохранительных/контролирующих органов или иное должностное лицо), с возложенными на него в законном порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости [1]. То есть в соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ при определении термина «представитель власти» речь идет о трех составляющих: должностное лицо, распорядительные полномочия и их направленность.

Термины «должностное лицо» и «представитель власти» являются тождественными. Однако стоит отметить, что в соответствии со ст. 285 УК РФ в качестве «представителя власти» выступает как один из представителей «должностного лица». Но, не каждое должностное лицо (правоохранительных/контролирующих органов) можно признать «представителем власти» [2]. Можно привести в качестве примера должности финансово-экономического подразделения, отдела снабжения, административно-организационного отдела правоохранительных, контролирующих или иных органов. Таким образом, начальник отдела снабжения прокуратуры или главный бухгалтер, по сути, это должностные лица, но они не являются представителями власти [3, с. 100].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что рассмотренные нами неточности нарушают логику разъяснения.

Обращаясь к п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», мы можем резюмировать, что «к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности».

При реализации своих распорядительных полномочий представители власти могут принимать юридически значимые решения. Данные решения распространяются на широкий круг юридических и физических лиц, не находящихся в служебной зависимости или ведомственной подчиненности от данного представителя [4].

Формулировка термина «представитель власти» напрямую зависит от структурной принадлежности (политической, экономической, культурно-информационной, социальной, правоохранительной, исполнительной, судебной). Специфика деятельности представителя власти определяет обязанности, ответственность, должностные инструкции. Ненадлежащее выполнение функций влечет за собой ответственность в виде наказаний: дисциплинарных, административных, уголовных, гражданско-правовых, а также публичное порицание.

- Признаки, характеризующие представителя власти, достаточно разнообразны:
- во-первых, это имеющиеся в его арсенале распорядительные полномочия (данное лицо может требовать определенного поведения от граждан, а также принимать решения, имеющие юридическую силу);
 - во-вторых, решения и требования представителей власти распространяются на широкий круг лиц субъектов правоотношений (физических и юридических лиц), не находящихся в служебной зависимости или ведомственной подчиненности представителя власти;
 - в-третьих, юридические и физические лица должны исполнять решения представителей власти;
 - в-четвертых, негативные последствия за нарушение требований, неисполнение решений представителей власти.

Функции представителя власти могут выполняться лицом временно или постоянно, либо в соответствии со специальными полномочиями (например, в связи с назначением на государственную или муниципальную должность). Заключение бессрочного трудового контракта влечет постоянное обладание лицом властными полномочиями (например, судья), срочный трудовой контракт — назначение на должность в течение определенного срока. Осуществление функций представителя власти в соответствии со специальными полномочиями могут исполняться в течение определенного времени, либо однократно или совмещаться с функциями по основному месту трудовой занятости [5].

В Российской Федерации честь и достоинство личности человека находятся под правовой защитой. Оскорбление чести и достоинства гражданина Российской Федерации квалифицируется как административное правонарушение. В случае оскорбления представителя власти доказанное деяние может быть отнесено не только к административному, но и к уголовному преступлению в соответствии со ст. 319 УК РФ. Меры ответственности, указанные в ст. 319 УК РФ, распространяются на случаи защиты прав представителя власти.

По данным исследования, проведенного Агентством правовой информации, статистика судопроизводства РФ по делам, рассматриваемым в соответствии со ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», уменьшилась по сравнению с предыдущим периодом.

В 2019 г. количество осужденных за оскорбление представителя власти снизилось и составило 9 189, по трем делам была избрана мера пресечения в виде лишения свободы, вынесено два оправдательных приговора и по 4 455 делам назначен штраф. В 2018 г. показатель по количеству осужденных составил 10 154, оправдательные приговоры отсутствуют, в отношении 11 осужденных — приговорены к лишению свободы, по 5 028 делам — штраф. Статистика за 2017 г. отличается небольшим ростом числа осужденных по рассматриваемой статье и составляет 10 342, по двум делам был вынесен оправдательный приговор, одно лишение свободы, по 5 107 была избрана мера наказания в виде штрафа. Количество осужденных в 2016 г. составило 10 051, количество оправдательных приговоров — 1, приговор лишения свободы был назначен по двум делам, 5 130 штрафов. Таким образом, анализируя приведенные статистические данные за период с 2016 по 2019 г., можно прийти к выводу, что при рассмотрении дел об оскорблении представителей власти по большей части суды выносят решения о назначении штрафов и в существенно меньшей избирают такую меру пресечения, как лишение свободы.

Данные статистики рассмотрения дел по ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти» ч. 1 «Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представи-

теля власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей» за период с 2016 по 2019 г. свидетельствуют о тенденции снижения количества осужденных. По итогам 2016 г. количество осужденных составляет 7 089, вынесено штрафов — 2 331, приговоров с назначением меры пресечения в виде лишения свободы — 1 436. В 2017 г. количественный показатель осужденных снизился до 6 346, по результатам рассмотрения дел были оштрафованы 2 109 обвиняемых, приговоров с лишением свободы — 1 285. В 2018 г. тенденция к снижению количества осужденных повторилась и составила 5 960, по 2 036 делам вынесено решение о штрафе, 1 211 приговоров с лишением свободы осужденного. В 2019 г. показатель количества осужденных составил 5 738, были оштрафованы 1 971 подсудимый, 1 165 рассмотренных дел завершены с вынесением приговора о лишении свободы. Таким образом, можно прийти к выводу, что количественный показатель рассмотрения дел осужденных по ч. 1 ст. 318 за период 2016–2019 гг. стремится к снижению, также следуют по пути снижения показатели количества приговоров с наказанием в виде штрафа и лишения свободы обвиняемых. Количество вынесенных приговоров с наказанием в виде лишения свободы меньше, чем решений суда с вынесением штрафа [6].

Данные статистики рассмотрения дел по ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти» ч. 2 «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи» за период с 2016 по 2019 г. свидетельствуют о тенденции снижения количества осужденных. В 2016 г. осуждено 930, судом вынесены приговоры по четырем делам — штраф и 453 — лишение свободы. В 2017 г. количество осужденных снизилось до 824, вынесено решение о трех штрафах и наказаний в виде лишения свободы — 406. В 2018 г. наблюдается снижение количества осужденных до 735, решения о вынесении штрафа — два и 361 дело с наказанием в виде лишения свободы. По итогам 2019 г. осуждено 632, вынесен один штраф и 310 решений по лишению свободы. Помимо вывода о снижении количества осужденных, стоит отметить, что в результате рассмотрения дел по ч. 2 ст. 318 судебные решения в существенно большем количестве избирают наказание в виде лишения свободы и минимальное — штрафы [7].

Таким образом, можно прийти к выводу, что за период 2016–2019 гг. наибольшее количество дел рассматривались в соответствии с ст. 319 УК РФ и наименьшее — по ч. 2 ст. 318 УК РФ.

В результате проведенного анализа статистики судопроизводства и судебной практики можно прийти к следующим выводам:

- наиболее часто судьи избирают меру наказания в виде штрафа. Однако в данном случае немаловажную роль играет наличие источника дохода у обвиняемого, посредством которого возможно погашение присужденной суммы;
- в судебной практике имеет место быть небольшой процент обжалования обвинительного приговора по ст. 319 УК РФ;
- основанием для обжалования чаще всего являются обстоятельства: отсутствие свидетелей оскорбления (например, в качестве свидетелей присутствуют только свидетели — сотрудники (коллеги потерпевшего)); отсутствие в составе материалов дела доказательств, подтверждающих прямой умысел деяния; отсутствие связи факта оскорбления со служебной деятельностью сотрудника, который в момент нанесения оскорбления находился при исполнении (квалифицируется как административный проступок в связи с отсутствием признаков преступления).

Таким образом, действия обвиняемого должны содержать осознанно негативное отношение и быть направлены на представителя власти, а также быть связаны со служебной деятельностью потерпевшего. Немаловажную роль играет публичность указанных действий в присутствии свидетелей события. О формальной конструкции состава рассматриваемого преступления говорит необязательность факта общественной опасности последствий оскорбления. Поэтому завершённым (оконченным) преступным деянием считают факт оскорбительных высказываний, жестикуляции и негативных действий, направленных на честь и достоинство представителя власти.

Основной особенностью состава преступлений ст. 319 УК РФ является то, что потерпевший — представитель власти. Также особенностью является дополнительный объект преступления, так как в уголовном законодательстве определен узкий круг лиц, которых можно отнести к представителям власти. В соответствии со ст. 319 УК РФ предусмотрено наказание в виде штрафа и как альтернатива — исправительные работы, однако обвиняемый в совершении противоправного действия не может покидать пределы РФ.

Многие спорные вопросы в отношении уголовно-правовой практики по рассматриваемым делам ст. 319 УК РФ решены законодателем. Также стоит отметить, что при рассмотрении дел по ст. 319 УК РФ учитывается в обязательном порядке видение и мнение потерпевшего в отношении оценки слов, жестикуляции и действий, направленных на него обвиняемым. Однако элемент публичности действий, слов и жестикуляции требует обязательного доказательства путем сбора показаний свидетелей преступного деяния [8].

Преступные деяния, квалифицированные по ст. 319 УК РФ необходимо отличать от схожих составов преступлений по ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» (ч. 1 «Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей», ч. 2 «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи»), ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего», ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» (унижение чести и достоинства человека, проявляющееся в неприличной форме высказывания) [9].

В случае, если оскорбление чести и достоинства представителя власти сопровождалось нанесением побоев потерпевшему, то преступное деяние квалифицируется в соответствии с ст. 318–319 УК РФ. В частях 1 и 2 ст. 318 УК РФ рассматриваются преступные деяния с применением насилия в отношении представителя власти или его близких с различной степенью тяжести (ч. 1 — с применением насилия не опасного для жизни и здоровья; ч. 2 — применение насилия опасного для жизни и здоровья). В случае части 1 ст. 318 УК РФ судом могут быть избраны следующие альтернативные меры пресечения: штраф в размере 200 тыс. руб., либо в размере заработной платы или иного дохода виновного за период 18 месяцев, либо принудительные работы на срок до 5 лет, либо арест на срок до 6 месяцев, либо лишение свободы на срок до 5 лет. В случае рассмотрения дела в соответствии с частью 2 ст. 318 УК РФ законом предусмотрено более суровое наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет [10].

В качестве примера из судебной практики можно привести дело №1-1110/2017, рассматриваемое Свердловским районным судом г. Иркутск по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». 18.10.2017 г. подсудимая в состоянии

алкогольного опьянения публично оскорбила и применила насилие (квалифицированное как не опасное для жизни и здоровья) в отношении представителя власти при исполнении. Подсудимая, действуя умышленно, пыталась воспрепятствовать законным требованиям сотрудников правоохранительных органов. На почве личного неприязненного отношения к сотрудникам правоохранительных органов в общественном месте (кафе) публично оскорбила в присутствии свидетелей и нанесла удар по лицу и в область живота потерпевшего (инспектора патрульно-постовой службы полиции мобильного взвода № 1 роты патрульно-постовой службы полиции № 1 отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции УМВД России по г. Иркутску). Подсудимая признала вину и ходатайствовала о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в особом порядке в соответствии со ст. 314 УПК РФ. В соответствии со ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» предусмотрены следующие меры пресечения: штраф до 40 000 руб. (либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев), либо обязательные работы на срок до 360 часов (либо исправительными работами до 1 года). По итогам рассмотрения дела, принимая во внимание, что подсудимая признала и осознала свою вину, следственные органы пришли к выводу, что оснований для прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 314 УПК РФ не имеется, дело передано в суд. Свердловский районный суд г. Иркутск, рассмотрев доказательную базу, собранную по уголовному делу, пришел к следующим выводам:

- действия подсудимой квалифицировать по ст. 318 ч. 1 УК РФ ввиду того, что примененное насилие со стороны подсудимой не несет опасности для жизни и здоровья представителя власти;
- квалифицировать действия подсудимой по ст. 319 УК РФ — публичное оскорбление представителя власти при исполнении им должностных обязанностей;
- суд учитывает степень общественной опасности совершенного преступления в соответствии со ст. 60 УК РФ, смягчающие (признание вины, раскаяние, активное содействие следствию в раскрытии преступления, положительные характеристики, наличие социальных связей, постоянного места жительства и работы) и отягчающие обстоятельства (преступное деяние совершено в состоянии алкогольного опьянения, что в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ может быть признано судом как отягчающее обстоятельство);
- судом было учтено влияние назначенного наказания на исправление подсудимой и на условия жизни семьи подсудимой (в соответствии со ст. 15 УК РФ преступные деяния, совершенные подсудимой, относятся к категории небольшой и средней тяжести преступлений);
- поведение подсудимой в процессе рассмотрения судом дела не вызвало сомнений в психической вменяемости, поэтому суд признает подсудимую вменяемым и подлежащим уголовной ответственности совершеннолетним лицом.

Учитывая все обстоятельства рассматриваемого дела, суд, руководствуясь ст. 316 УПК РФ, признал подсудимую виновной в совершении преступлений по ст. 318 ч. 1 УК РФ и ст. 319 УК РФ и избрал меру пресечения в виде подписки о невыезде, штрафа в размере 15 000 руб. по ст. 318 ч. 1 УК РФ, штраф 7 000 руб. по ст. 319 УК РФ, по совокупности совершенных преступлений на основании ст. 69 ч. 2 УК РФ, путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно назначить наказание в виде штрафа в размере 15 000 руб. [11].

Подводя итоги нашего исследования, можно прийти к выводу о том, что ст. 2 Конституции РФ защищает права и свободы человека, считая их высшей ценностью. Неотъемлемой задачей государства является защита и ограждение прав и свобод индивида от различных незаконных нарушений.

Согласимся с авторами научного исследования Журавлевым С. В. и Мамакиной В. М., которые считают, что необходимо статью 319 дополнить частью второй, которая предусматривала бы деяние, предусмотренное частью первой, совершенное с использованием СМИ либо с применением инновационных технологий [12].

На наш взгляд, необходимо также предусмотреть в уголовном кодексе статью, присвоив номер 319.1 УК РФ, которая бы защищала от оскорбления представителями власти во время исполнения ими служебной обязанности именно простого человека. Личные права человека в данном случае выступали бы в качестве объекта, а также авторитет власти и принципы государственного управления. Данное положение могло бы стимулировать уважение к потребностям граждан и обеспечению дисциплинарных рамок представителей власти и все эти новшества поспособствовали бы авторитету государственной службы, а также ответственностью государства перед гражданами страны их интересами и потребностями [13].

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2003. 703 с.
2. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Должностное лицо по уголовному законодательству Российской Федерации: понятие, виды, признаки: лекция. М.: РГУП, 2017. 60 с.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления: учеб.-практ. пособие. М.: Юрист, 2000. 367 с.
4. Кисиев С. М. Объективная сторона оскорбления представителя власти // Пробелы в Российском законодательстве. 2002. № 2. С. 253–256.
5. Мамакина В. М. Уголовное законодательство РФ и зарубежных стран в сфере защиты представителя власти: сравнительный анализ и перспективы совершенствования на примере ст. 319 УК РФ // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова. 2014. С. 323–326.
6. Филипов П. А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский Гуманитарный журнал. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2017. № 3 (20). С. 365–371.
7. Уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 30.04.2021).
8. Бохан А. П., Евстафиади Я. К. Оскорбление сотрудника полиции: необходимость совершенствования правовой защиты // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 4. С. 14–17.
9. Мамакина В. М. Вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности за унижение чести и достоинства представителя власти на примере анализа дефиниций, используемых законодателем в ст. 128.1, 319 УК РФ и ст. 5.61 КоАП РФ // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. 2014. № 3 (3). С. 139–147.
10. Табаков Д. А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 318 и 319 УК РФ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области. 2015. № 4. С. 21–23.

11. Приговор суда по ст. 319 УК РФ № 1-1110/2017 [Электронный ресурс] // Оскорбление представителя власти. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/547183.html> (дата обращения: 30.04.2021).
12. Журавлев С. В., Мамакина В. М. К вопросу о внесении изменений в ст. 319 УК // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. 2014. № 22. С. 142–144.
13. Мевлуд Д. Д., Нодари Д. Э. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти // Вестник московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 102–105.

Контактные данные:

Борзунова Н. Ю.: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149;
e-mail: ats75@inbox.ru.

Маторина О. С.: 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО,
д. 12; e-mail: odp1313@yandex.ru.

Летунова Е. П.: 295022, Симферополь, Кечкеметская ул., д. 103;
e-mail: elenaletunova83@mail.ru.

Contact Details:

Borzunova N. Yu.: 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russia;
e-mail: ats75@inbox.ru.

Matorina O. S.: 12 mkr. VNI IPO, Balashikha, Moscow Region 143903, Russia;
e-mail: odp1313@yandex.ru.

Letunova E. P.: 103 Kechkemetskaya Str., Simferopol' 295022, Russia;
e-mail: elenaletunova83@mail.ru.

Левин В. В.

Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на правовую систему России

Levin V. V. Judicial Reform of 1864 and Its Impact on the Russian Legal System

В статье речь идет о том, что в результате судебной реформы 1864 г. принципиально преобразовано уголовное судопроизводство. Впервые провозглашены внесословность и независимость судов, гласность судебных следствий, введены институты адвокатуры, присяжных заседателей, установлен ряд процессуальных гарантий для обвиняемых и подсудимых, в том числе применительно к процессам по уголовно-политическим делам.

Ключевые слова: реформа, адвокатура, обвиняемый, подсудимый, присяжные заседатели, гласность, суды, гласность судебных следствий, уголовно-политические дела.

The article is about the fact that as a result of the judicial reform of 1864, criminal proceedings were fundamentally transformed. The first time the independence of the courts and the transparency of judicial investigations were proclaimed, the institutions of the bar and jurors were introduced, and a number of procedural guarantees were established for the accused and defendants, including in relation to criminal and political cases.

Keywords: reform, advocacy, accused, defendant, jurors, publicity, courts, publicity of judicial investigations, criminal and political cases.

Эволюционные процессы судебной системы в России непосредственно взаимосвязаны с этапами последовательного развития и совершенствования ее судебной власти, которая от поколения к поколению преобразовывала существующую систему правовой регламентации свобод и полномочий судей, направленных на эффективность деятельности судебной власти в процессе решения непростых, жизненно важных задач.

Исторические вехи, связанные с процессами преобразования судебной системы в России, включают в себя четыре значимых этапа в ее становлении и преобразованиях.

Во-первых, отсчет идет от периода процесса начала значимых реформаторских преобразований судебной системы, то есть со второй половины XIX в. (с 1864 г. и до периода Октябрьской революции 1917 г.). На наш субъективный взгляд, исходя из анализа библиографических источников, это, пожалуй, самый значимый этап развития судейского сообщества и судебной системы в целом. Именно данному историческому периоду посвятим большую часть настоящей статьи.

Во-вторых, интерес представляет период конца XX столетия (1989–1992 гг.), связанный с вопросом правовой регламентации профессиональных коллективных образований судей посредством закрепления в рамках правового поля, то есть Законом «О статусе судей в СССР» от 4 августа 1989 г., возможностью иметь независимость от иных органов власти. Такая форма организации судебной си-

Левин Владимир Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2021

стемы послужила прообразом судебного сообщества в дальнейшем, осуществляющего полномочия по настоящее время.

В-третьих, обратим внимание на этап рождения сложноорганизованной судебной системы в период до 2002 г., связанной с преобразованиями судебного сообщества в соответствии с принятым 26 июня 1992 г. Законом «О статусе судей в Российской Федерации».

В-четвертых, наблюдается временной отрезок от 2002 г. и фактически по настоящее время, в течение которого с учетом процессов кардинального преобразования общественного строя и политической системы российского государства находилась в процессе становления, адаптации и судебная система в нашей стране. В указанный период происходит обновленная нормативно-правовая переориентация статусной основы институтов судебной власти, правовых позиций судебного сообщества в области его государственно-властных полномочий. Кроме того, данный исторический этап развития судебной системы подводит базу к определению международных стандартов в организации и работе независимых судебных советов, роль которых определена Федеральным законом от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», нормативно закрепившим формы самоуправления судей.

Хронологические этапы развития судебной системы в России в своей основе подкреплены значимыми правовыми нормами, которые вносили кардинальные новшества в историю судейского самоуправления. Первым, глобальным и значимым историческим периодом для судебной системы является этап с середины XIX в., с периода реформ 1864 г. по октябрь 1917 г. Важнейшей вехой в истории развития национальной юстиции и судебной системы является судебная реформа 1864 г., при которой происходят преобразования институтов судебной власти. В соответствии с ними начинают на практике реализовываться демократические принципы независимости и несменяемости судей, позволяющие получить автономии от других властных структур [1, с. 3].

Такое принципиальное отмежевание судебной власти от остальных структур власти положило начало процессу баланса ветвей власти (системе сдержек и противовесов) и, по мнению С. И. Зарудного, одного из авторов судебной реформы 1864 г., названо принципиальной основой идеи реорганизации судебной системы того времени [2, с. 15]. Обновленные основы законодательства указанного периода способствовали преобразованию процессуального права и судебной системы в целом. По поводу этих преобразований известный публицист XIX столетия М. Н. Катков высказал мысль о том, что судебная власть из статуса «придатка администрации» приобрела свою самостоятельность [3, с. 3].

Кроме процесса выделения судебной власти в область отдельной ее ветви реформа положила начало системе судебного управления в формате понимания управления как функции судов. В связи с этим М. А. Чельцов-Бебутов высказывал утверждение о том, что, благодаря введенным судебным уставам в процессе реформ 1864 г., за всю историю существования судов в России последние приобрели автономию от органов административной направленности в сфере судебной направленности. Исходя из этого в учреждениях судебных установлений, утвержденных 20 ноября 1864 г., провозглашена непосредственная принадлежность судебных управлений, судебным местам в круге ведомств каждого из них [4, с. 763]. Ввиду приобретенной автономии широкий спектр вопросов организационного порядка стал относиться к сфере ведения судебных структур, что, в свою очередь, потребовало непосредственного включения судей в сферу решения насущных проблем и вопросов в формате самоуправления [5, с. 75–77].

Чтобы представить подлинную свободу судейскому сообществу, судебные установления того времени (ст. 261–269) регламентировали ответственность судей за допускаемые в процессе судебной практики ошибки непосредственно перед судебной властью [6, с. 60–64]. С учетом аналогичных принципов ответственности перед судебной властью происходило и назначение кандидатов на соответствующие должности в составах судов посредством принятия решений общим собранием представителей судебного учреждения совместно с прокурором, в составе которого открывалась вакансия [5, с. 75–77].

Исходя из истории становления и развития судейского самоуправления исследуемый институт получает закрепление и признание в России благодаря судебной реформе 1864 г. [7]. Хотя понятие «судейское самоуправление» не находит отражения в законодательстве того времени, в судебных уставах в данном случае использовалось понятие «управление судебными местами», которое подразумевало тематику общих собраний судей существующих в анализируемый период так называемых судебных мест, наделявшихся полномочиями по замещению кадров и привлечению к ответственности судей соответствующей местности за допускаемые ошибки, а также в сфере решений ряда других внутриорганизационных вопросов деятельности судебного органа.

Однако, говоря об организационно-правовых изменениях, коснувшихся судебных органов того времени, важно обратить внимание на процесс судопроизводства. В частности, характеризуя особенности уголовного судопроизводства второй половины XIX в. и начала XX столетия, касающегося в том числе и преступлений против государственного строя и государственной политики, можно отметить, что в историко-правовом аспекте относительно судебной реформы 1864 г. значительное внимание уделяется именно вопросам политического характера, то есть преступлениям против государства и государственного строя, и в меньшей степени вопросам общей правовой проблематики в отношении уголовного, судебного производства по преступлениям уголовно-политической направленности.

С учетом изложенного можно заключить, что множество вопросов, связанных с особенностями судебного разбирательства по различным категориям преступлений, в том числе уголовно-политическим, не нашли должного освещения в историко-правовом анализе судебной системы того времени. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на нормы уголовно-процессуальной направленности, находящиеся в основе регуляционных начал в процессе различных стадий судебных разбирательств и регулирующие правовую регламентацию статусов участников судебного процесса. Кроме того, незначительное внимание уделено и проблематике тактики сторон, участников судебных следствий в процессе исследования доказательной базы, которую представляли сторона обвинения и сторона защиты в ходе судебного заседания. Не менее важна проблематика логической взаимосвязи вопросов уголовно-правовой и уголовно-процессуальной направленности, затрагивающих особенности квалификации преступных деяний [5, с. 74–77]. Указанные обстоятельства актуализируют проблематику необходимости научного освещения анализируемых нами вопросов на уровне монографического исследования.

Продолжая анализ реформистских изменений судебной системы во второй половине XIX в., необходимо обратить внимание и на принципиальные преобразования процесса уголовного производства в судебных инстанциях в тематике прогрессивных правовых начал западноевропейской судебной системы. В данной связи претерпел изменения порядок судебного разбирательства, способствующий расширению правовых свобод подсудимых. Введен институт защитников и начинает реализовываться принципиальный аспект устного восприятия судом

имеющегося арсенала доказательств, которые представляют стороны в состязательном порядке.

Начало деятельности судов новой формации положено в Санкт-Петербурге в 1866 г. На торжественную церемонию открытия нового суда были приглашены иностранные гости, а из отечественных значимых официальных лиц в качестве гостя присутствовал министр юстиции Д. Н. Замятин. В продолжение традиции в этом же году свою деятельность начали суды губерний, в частности Владимирской, Калужской, Московской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Однако не все правовые ценностные ориентации западного законодательства нашли отклик в новеллах уголовно-процессуального законодательства России того периода. Не получил признания институт презумпции невиновности. По делам о преступных деяниях в отношении политического строя и государственного управления, о которых говорится в третьем разделе «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», оговорены особенности ограничений, связанных с институтами присяжных заседателей, и возможности открытого рассмотрения такого рода дел.

Несмотря на указанные ограничения, которые вменялись судебной системе, суды получили свободу действий и независимость, стали находить реализацию институты открытости, гласности и состязательности. Помимо указанных свобод происходило разграничение рассматриваемых дел по направлениям гражданской и уголовной направленности, а судопроизводство стало подразделяться на судебное и предварительное. Кроме того, регламентированы временные параметры для всех категорий судебно-процессуальных действий, что впоследствии сказалось на сокращении продолжительности судебных разбирательств. Отменена практика определенных видов наказаний, связанных с физическим воздействием для мужчин (побои палками, плетью, розгами, шпицрутенами, клеймение), произошел полный отказ от телесных наказаний для женщин. Появился прототип института дознания и предварительного следствия, который поручен судебным следователям. В полномочия последних входили обязанности по возбуждению следственных дел, осуществлению координации деятельности полиции при опросе участников уголовного производства, определению направления ее оперативной деятельности.

На основании установленного порядка процессуальных действий, судебный следователь информировал прокурора обо всех действиях процессуального характера перед тем как приступить к их осуществлению. Исходя из личной убежденности на основе достаточного количества доказательных материалов либо убежденности в необходимости прекращения расследования, следователь уведомлял об этом прокурора путем передачи следственного дела в прокуратуру. Каждый судебный следователь числился за определенным окружным судом и имел статус процессуально независимой и несменяемой фигуры, а в случаях недостаточного количества судей имел право заменять их.

Рассмотрим особенности деятельности прокуратуры исторического периода, когда была проведена реформа судебной власти 1864 г. Являясь частью судебной власти, прокуратура была отдельной от судебного ведомства обособленной ветвью, которая находилась в подчинении министра юстиции. В полномочия прокуратуры входили право на уголовное преследование, организацию и координацию деятельности полиции в период проведения дознания, контроль за их деятельностью. Кроме того, прокурор имел полномочия, позволяющие вести наблюдение за деятельностью судебного следователя, чтобы иногда вносить предложения к осуществлению тех или иных действий в процессе расследования.

В обязанности прокурора входил контроль законности содержания под стражей, обход мест лишения свободы. В судебных разбирательствах прокурор вносил представления о прекращении дела либо готовил обвинительное заключение, которое представлял в суд для поддержания обвинения, а затем осуществлял контроль за порядком исполнения приговора. В круг обязанностей прокуроров включено требование работы в ходе деятельности судов всех имеющихся уровней. В делах по гражданским правоотношениям прокурор являлся представителем, защищающим интересы казны.

Исходя из принципа состязательности сторон в процессе судебного разбирательства, с противоположной стороны обвинению, которую представлял прокурор, появилась сторона защиты, то есть адвокаты. Адвокатом являлся специалист в области права, который имел профильное высшее образование и юридическую практику не менее пяти лет. Для назначения защитника необходимо было решение выборного совета присяжных поверенных, которые имели право назначать, выносить решение о наказании или даже приостановить деятельность адвоката.

Советы присяжных поверенных имели юрисдикцию в пределах лишь того округа, при которых они сформированы. Работа представителей данного совета оплачивалась в соответствии с официальным тарифом оплаты и на основе договорного письменного соглашения сторон. Если подсудимый был не в состоянии оплатить услуги совета присяжных поверенных, то деньги для оплаты их услуг выделяли из фонда средств, который пополнялся денежными средствами от части гонораров, ранее получаемых поверенными округа.

По уголовным делам, относящимся к разряду особо тяжких, судебное разбирательство осуществлялось путем привлечения коллегии присяжных заседателей, которые получали назначение исходя из ценза оседлости (проживания на территории округа не менее двух лет), возрастных показателей (не менее 25 лет и не более 70 лет), имущественного достатка (наличия в собственности имущественных ценностей, в сумме составляющих эквивалент в размере не менее 2 000 рублей). Состав коллегии присяжных заседателей в обязательном порядке утверждался губернатором. Свои решения по конкретному делу коллегия присяжных заседателей принимала путем тайного голосования.

Для работы с правовыми документами и определения их подлинности в процессе реформирования введены институты нотариата. Нотариусы проходили службу при окружных судах, что, однако, не мешало им открывать свои офисы. Рядовые нотариусы проводили работу по установлению и заверению подлинности документов в процессе их рассмотрения, а в обязанности старших нотариусов вменялась работа по ведению крепостных книг, то есть реестров сделок с недвижимостью. Оплата правовой деятельности нотариусов формировалась из вознаграждений, получаемых от клиентов за услуги, в соответствии с установленным тарифом.

Кроме института нотариата судебными уставами 1864 г. введен еще и институт судебных приставов, которые были при каждом судебном органе. В их обязанности входила работа, связанная с вручением документов и повесток лицам — участникам судебного процесса. Судебные приставы следили за порядком исполнения судебных решений. При назначении на должность судебного пристава кандидату необходимо было вносить денежный залог и впоследствии быть представителем корпорации, каждый член которой нес солидарную ответственность за ущерб, причиненный неправомерными действиями представителей данной корпорации судебных приставов.

По итогам реформирования в России определены два основных направления деятельности судов, в которые входили суды двух инстанций. В первом случае

это были мировые суды и мировые съезды, во втором случае — окружные суды и, соответственно, окружные съезды. По нормам и требованиям того времени для назначения на должность судьи человеку необходимо было иметь высшее юридическое образование, опыт судебной деятельности и, конечно, безупречную репутацию. Исходя из жесткой нормативности предъявляемых к кандидатам в судьи требований, чиновникам из министерства юстиции для подбора судейского корпуса приходилось самостоятельно выезжать в губернии для знакомства с кандидатами. С учетом норм временных рамок судью окружного суда назначали на должность пожизненно, а мирового судью — на установленный законом срок. По функциональным обязанностям к ведению мировых судей относили дела гражданской направленности и дела о кражах, а к компетенции окружных судов — уголовные и гражданские дела, которые не имели отношения к компетенции мировых судей.

Помимо двух ветвей судов были организованы еще и департаменты сената кассационной направленности (кассационные департаменты). Для рассмотрения дел о преступлениях против государственного строя и государственной власти и по преступлениям, совершаемым должностными лицами, в качестве судов первой инстанции была создана Судебная палата, которая также выполняла функции апелляционного суда в связи с жалобами по решениям окружных судов [8]. По делам важной политической направленности слушания проводил Верховный уголовный суд. Решения о смертной казни относились исключительно к ведению сената и Военного суда, однако за императором оставалось исключительное право на вмешательство в любой процесс при разрешении наиболее существенных и важнейших вопросов государственной направленности.

В итоге реформирования судебной системы России в 1864 г. была четко регламентирована правовая позиция статусов всех участников судебного разбирательства. В большей степени это коснулось судей, прокуроров и адвокатуры, но правовые позиции всех участников систематизированы в нормах Судебных установлений и уставе уголовного судопроизводства. Вследствие проведенных реформационных преобразований суды стали доступны для всех сословий, а стороны получили равные права и возможности в процессуальной независимости в отстаивании прав путем представления доказательной базы. Однако, несмотря на заложенные в результате начала реализации реформаторских преобразований 1864 г. демократических начал, постепенно особенности уголовного процессуального законодательства в отношении преступлений против государственного строя и государственной власти стали претерпевать изменения в сторону ограничений прав и свобод. Так, изменения, внесенные в Устав уголовного судопроизводства во второй половине 1870 г., положили начало последующему этапу контрреформаторской направленности, подкрепленной Положениями о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г., позволявшим административным органам получить широкую линейку полномочий, особенно в отношении политических противников. В дальнейшем преобразования отразились и на процессе судопроизводства в аспекте открытости судебных процессов и в аспекте демократических начал, исходящих из принципов несменяемости судей. Правовые тенденции судопроизводства сводились к лишению политических оппонентов государственной власти, возможности использовать демократические принципы отправления правосудия, которые позволили бы декламировать революционные идеи. В этом направлении принимаемые законодательные акты стали носить природу ограничительной направленности для полномочий и независимости судов.

Кроме того, в результате принятого в октябре 1905 г. манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» систему судопроизводства по уголовным

делам стали адаптировать в соответствии с новыми политическими веяниями. Всеми способами пытались не допустить создания Государственной думы как результата либерального преобразования общества в сфере гражданских прав, в систему судопроизводства по уголовным делам внесли изменения (ст. 1054 Устава уголовного судопроизводства) относительно открытости или ограниченности для общественности судебных заседаний. Особое внимание в данном направлении уделялось делам о преступлениях, представляющих наибольшую опасность [9] для государственного обустройства, которые регламентировались ст. 103, 104, 106 и 107 Уголовного уложения. Категории таких уголовных дел необходимо было рассматривать в закрытом судебном заседании, хотя ранее, в период первоначальных реформенных преобразований, дела с политическим подтекстом рассматривались в открытых слушаниях.

По делам общей судебной направленности заседания проходили под руководством председателя судебной коллегии в составе трех судей (считая председателя), а по делам где была предусмотрена ответственность в виде лишения прав состояния или их ограничений, в судебном заседании принимали участие еще и присяжные заседатели. Такой порядок судебных разбирательств в целом соответствовал порядку демократических начал в судопроизводстве в развитых странах. Если исследовать порядок судебных разбирательств даже по уголовно-политическим делам, то можно обнаружить, что общая тенденция судебного заседания сводилась к общепринятому в результате судебной реформы процессу судебного расследования, связанного с соблюдением порядка озвучивания обвинения, заслушивания в соответствии с принятым порядком показаний всех участников процесса, исследованием представляемых доказательств и порядка заслушивания сторон, что говорило все-таки о состязательности процесса. Однако в большей мере процесс состязательности при этом имел вид формализованной характеристики ввиду того, что большинство процессов по политическим делам носили характер обвинительного уклона.

Несмотря на формальную независимость судьи в процессе судебного расследования, порядок их назначения осуществлялся в соответствии с вертикалью власти. Исходя из этого судейский корпус, назначаемый таким образом, был в первую очередь лояльно настроен к существующей власти. Лояльность отражалась на процессах по судебным расследованиям о преступлениях против государства, особенно после введения дополнительных ограничений в отношении независимости судей законами, которые шли вразрез с первичными началами проведенной судебной реформы. Аналогичная лояльность наблюдалась и со стороны прокуратуры.

Несмотря на вводимые ограничения, вследствие реформы подсудимые приобрели более широкие права и свободы, которые очень активно и использовали политические преступники. Можно утверждать, что судебная реформа стала основой развития института адвокатуры в Российской империи и в дальнейшем в России. В результате появились присяжные поверенные, права и обязанности которых регламентированы нормами права и которые в соответствии с законодательством получили возможность создания корпорации лиц свободной профессии с системой внутреннего самоуправления путем выбора органов самоуправления совета присяжных поверенных [10]. Статус адвокатов позволял им эффективно (в рамках имевшихся возможностей) осуществлять защиту своих доверителей, что в наибольшей степени отражалось в стадии судебного рассмотрения [11].

Завершая анализ судебной реформы 1864 г., отметим, что реформа стала фундаментом становления и будущего совершенствования судебной системы. В результате этой системы претерпела кардинальные изменения процедура уго-

ловного судопроизводства, при которой декламировалась независимость судов и внесословность, открытость судебных следствий. Введены институты присяжных заседателей и адвокатуры. Получили правовую регламентацию процессуальные гарантии для обвиняемых и подсудимых, даже по уголовно-политическим делам [11]. Несмотря на дальнейшую корректировку с периода 1870-х гг. XIX столетия уголовно-процессуальных законов в сторону ужесточения и усиления позиций органов политического сыска, в Российском обществе начался процесс либеральной модернизации. Реформа заложила замечательные демократические начала, необходимые обществу, которые существуют до сих пор.

Литература

1. Жданов Ю. Н., Емелин А. С. Судебные уставы России 1864 г. (опыт истории и современность): учеб. пособие. М.: Московский юридический институт МВД России, 1998. 153 с.
2. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 3. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Мысль, 2003. 257 с.
3. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. М.: Российская академия правосудия: Статут, 2004. 314 с.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена; Альфа, 1995. 1123 с.
5. Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судебного сообщества в судебной системе России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 407 с.
6. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. 496 с.
7. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 465 с.
8. Катаев Н. А. Политика, власть и право в воззрениях Александра Стамболийского: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 418 с.
9. Омельченко А. И. Возникновение мировой юстиции в России // Молодой ученый. 2018. № 3 (189). С. 137–139.
10. Мазуренко М. А. Правовое положение адвокатов как принципиально новых участников уголовных процессов, имевших право на судебные речи, в пореформенной России XIX — начала XX в. // Право и государство: теория и практика. № 2. С. 85.
11. Быстров А. Н. Стадия судебного рассмотрения в уголовно-политических процессах в Российской империи пореформенного периода (1864 г. — начало XX в.): законодательное регулирование и особенности правоприменительной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 216 с.

Контактные данные:

Левин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Contact Details:

Levin V. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Полунина А. В.

Взаимодействие государственных органов государств — членов ЕАЭС в сфере защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в миграционных правоотношениях

Polunina A. V. Interaction of State Bodies of the EAEU Member States in the Field of Protection of Constitutional Rights and Freedoms of a Person and a Citizen in Migration Legal Relations

Автором рассмотрены вопросы взаимодействия государственных органов государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в миграционных правоотношениях. В статье проанализированы правовые акты, регламентирующие основные формы сотрудничества государственных органов государств — членов ЕАЭС в сфере миграции. По итогам анализа автором предложен проект нормативно-правового акта «Концепция интеграционного взаимодействия государственных органов государств — членов ЕАЭС по вопросам миграции и качественного трудоустройства мигрантов ЕАЭС на 2025–2030 годы», а также рекомендуется разработать и внедрить интеграционную систему персонализированного учета ЕАЭС под названием «Миграция».

Ключевые слова: права и свободы, защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, взаимодействие государственных органов государств — членов ЕАЭС, нормативные правовые акты ЕАЭС в сфере миграции, информационная система.

The author examines the issues of interaction between the state bodies of the EAEU Member States in the field of protection of constitutional rights and the freedoms of man and citizen in migration legal relations. The article presents the legal acts regulating the main forms of cooperation between the state bodies of the EAEU Member States in the field of migration. Based on the received arguments, the author proposes a draft regulatory act “The concept of integration interaction of state bodies of the EAEU Member States on migration and high-quality employment of migrants of the EAEU for 2025–2030”, as well as to develop and implement the integration system of personalized accounting of the EAEU — “Migration”.

Keywords: rights and freedoms, protection of constitutional rights and freedoms of a person and a citizen, interaction of state bodies of the EAEU Member States, regulatory legal acts of the EAEU in the field of migration, information system.

Вопрос взаимодействия государственных органов государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере миграционных правоотношений имеет особое значение в период роста интеграционных связей на современном этапе развития общества.

Полунина Анастасия Викторовна — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Полунина А. В., 2021

В контексте рассматриваемой темы нельзя не вспомнить слова выдающегося русского историка В. О. Ключевского, который смело характеризует один из периодов развития Древней Руси: «Под действием удельного порядка северная Русь политически дробилась все мельче, теряя и прежние слабые связи политического единства; вследствие этого дробления князья все более беднели; беднея, замыкались в своих вотчинах, отчуждались друг от друга; отчуждаясь, превращались по своим понятиям и интересам в частных сельских хозяев, теряли значение блюстителей общего блага, а с этой потерей падало в них и земское сознание» [1]. Первостепенной задачей современного общества является сохранение памяти прошлого, отрицательные уроки которого не должны повторяться.

В целях сохранения и развития интеграционных процессов на евразийском пространстве, упорядочивания деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина в сфере миграции представляет интерес опыт Совета глав правительств Содружества Независимых Государств (СНГ), решением которого в 2004 г. основана Совместная комиссия государств — участников СНГ по сотрудничеству в борьбе с незаконной миграцией. Цель данной комиссии определена совокупностью мер, направленных на совершенствование сотрудничества государств в борьбе с незаконной миграцией, защиту основных прав и свобод граждан в миграционных процессах.

Рассматривая законодательство Республики Беларусь, необходимо обратить внимание на присутствие современных интеграционных систем баз данных, наличие которых эффективно координирует процесс регулирования миграции, оправдывает механизм предоставления гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина, участвующих в миграционных правоотношениях. В соответствии с постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 22 июня 2017 г. № 173 [2] подразделения по гражданству и миграции, уполномоченные осуществлять деятельность по проверке сведений об иностранных гражданах, подавших ходатайство о предоставлении защиты (убежища) или статуса беженца в Республике Беларусь, руководствуются информатизированными учетами баз данных. В перечне указанных баз числятся автоматизированные системы «Беженцы», «Консул», «Паспорт», «ФР-оповещение». Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь закреплены информационные поисковые системы, позволяющие содержать информацию о лицах, пересекающих территорию границы государства; лицах, для которых въезд в страну запрещен (нежелателен); правонарушениях. Существует доступ к информационным учетам «Разыскиваемые лица» и «Похищенные, утраченные документы», апробированных и контролируемых Генеральным секретариатом Интерпола.

На основании изложенного предлагается разработать и внедрить интеграционную систему персонифицированного учета ЕАЭС под названием «Миграция» (далее — ИСПУ ЕАЭС «Миграция»), обеспечивающую информационную связь электронным методом между государствами — членами ЕАЭС в отношении трудовых мигрантов, беженцев, лиц, ходатайствующих о предоставлении защиты (убежища). Присутствие ИСПУ ЕАЭС «Миграция» в практической деятельности исполнительных органов государств — членов ЕАЭС обеспечит надежный контроль за реализацией основных прав граждан, участвующих в трудовых правоотношениях. В частности, при передаче сведений о трудовой деятельности граждан из одного государства в другое (в случае переезда гражданина) через ИСПУ ЕАЭС «Миграция» будет соблюдено конституционное право граждан на пенсионное обеспечение на территории ЕАЭС. Электронный способ передачи информации между государствами — членами ЕАЭС в данном случае будет иметь надежный стимул для организации легитимной

трудовой деятельности, не оставив возможности для осуществления незаконной миграции, поскольку в указанной базе предлагается закрепить функцию отслеживания лиц, прибывших на территорию государства и не трудоустроившихся за необходимое количество времени. Благодаря ИСПУ ЕАЭС «Миграция» статистический учет лиц, участвующих в миграционных правоотношениях в правовом пространстве ЕАЭС, станет прозрачным, синхронным и, соответственно, менее затруднительным.

Основы конституционно-правового сотрудничества государственных органов государств — членов ЕАЭС по вопросам миграции берут начало в том числе из совместных мероприятий межгосударственного межведомственного взаимодействия, направленных на пресечение незаконной миграции на участках границ государств — членов ЕАЭС. Примером такого сотрудничества является резолюция Совета министров Союзного государства от 12 декабря 2012 г. № 9 «О сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь в области борьбы с незаконной миграцией».

Характеризуя на примере Российской Федерации и Республики Беларусь взаимодействие уполномоченных государственных органов по вопросам миграции, совместные мероприятия, осуществляемые исполнительными органами, направленные на ликвидацию незаконной миграции на территории подконтрольного государства, приходим к выводу о присутствии эффективного сотрудничества в области контроля за складывающейся миграционной ситуацией. В настоящее время территория ЕАЭС, как и ранее, рассматривается рядом международных криминальных структур как транзитный путь в направлении государств Европейского союза, что, безусловно, влияет на рост организации незаконной миграции. Вместе с тем стоит отметить, что определенные различия визовых режимов при прохождении границы между государствами предоставляют возможность доступного проникновения на территорию государств незаконных мигрантов и лиц, причастных к деятельности международных террористических и экстремистских организаций.

С 2008 по 2011 г. на российско-белорусском участке государственной границы правоохранительными органами России пресечена противоправная деятельность семи преступных групп, связанных с организацией незаконной миграции, в составе 28 лиц, а правоохранительными органами Республики Беларусь, соответственно, десяти групп в количестве 67 человек [3].

Особое внимание необходимо обратить на юридический документ — Меморандум от 16 июля 2016 г. «О взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе в области развития и реформирования правоохранительных органов и иных государственных органов Кыргызской Республики». Особенность такого взаимодействия определяется намерением Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе предоставить консультативную, методологическую, материально-техническую помощь и оказать содействие правоохранительным органам и иным государственным органам Кыргызской Республики в рамках реализации проектов по их реформированию и внедрению в их работу демократических принципов в соответствии с законодательством Кыргызской Республики [4]. Наблюдается положительный эффект организации сотрудничества в рамках Меморандума от 16 июля 2016 г., затрагивающего вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина в миграционных отношениях.

В соответствии со ст. 3 Соглашения между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о правовом статусе представительства Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики

в Российской Федерации от 15 апреля 2015 г. [5] при двусторонней согласованности государств возможно открытие отделения представительства Министерства Кыргызской Республики в различных городах Российской Федерации (не только в Москве). Таким образом, сотрудничество Кыргызской Республики и Российской Федерации на примере территориального расширения представительств ведомства представляется эффективным рычагом взаимодействия в целях необходимости углубления отношений в области миграции и дальнейшего развития сотрудничества обоих государств.

Интересен опыт взаимодействия государственных органов Республики Беларусь и Республики Казахстан. Исходя из обоюдного стремления развивать всесторонний интерес, имея целью действенно защищать права и свободы человека и гражданина, между Следственным комитетом Республики Беларусь и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан 25 октября 2019 г. подписано Соглашение «О сотрудничестве». Согласно ст. 3 данного Соглашения сотрудничество государств осуществляется в следующих формах:

- обмен опытом работы по организации деятельности органов предварительного следствия государств сторон, осуществлению следственной практики;
- оказание содействия при проведении проверок по заявлениям и сообщениям граждан и лиц без гражданства, а также юридических лиц о совершенных преступлениях;
- обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами, действующими в государствах сторон в сферах правоохранительной деятельности, борьбы с преступностью, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также ведомственными изданиями и научно-методическими материалами;
- проведение рабочих встреч и консультаций по вопросам выполнения международных договоров в уголовно-правовой сфере, участниками которых являются государства сторон, а также по представляющим взаимный интерес вопросам, в том числе выносимым на обсуждение на различных международных форумах;
- проведение ознакомительных визитов и стажировок, оказание содействия в подготовке и повышении квалификации кадров сторон, в том числе путем направления сотрудников одной стороны в научные и образовательные учреждения другой стороны;
- проведение совместных научных исследований, научно-практических семинаров и конференций, подготовка совместных научных публикаций;
- обмен статистической информацией о состоянии, динамике и тенденциях преступности;
- обмен учебной литературой и научными изданиями [6].

Рассматривая правовой статус государственной и муниципальной службы государств постсоветского пространства, необходимо указать на то, что его правовую основу составляют конституции государств, законы государств, иные нормативные правовые акты. Согласно ст. 4 Модельного закона «О государственной гражданской и муниципальной службе», принятого на 47-м пленарном заседании межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ постановлением от 13 апреля 2018 г. № 47-11, основными принципами государственной и муниципальной службы являются приоритет прав и свобод человека и гражданина и гарантий их реализации [7]. Несмотря на то, что данным нормативным актом не регулируются вопросы, связанные с определением правового статуса сотрудника государственной, военной, правоохранительной служб, ее прохождением и прекращением, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, его

влияние распространяется на сферу деятельности государственного, муниципального служащего, обязанности которого сопряжены с исполнением задач в миграционных правоотношениях.

В 1997 г. Россия внесла предложение о создании механизмов, направленных на координацию деятельности правоохранительных органов государств — участников СНГ, в компетенцию которых входят вопросы о предотвращении и пресечении незаконной миграции. Предложения, выдвинутые Россией в Исполкоме СНГ, составили основу проекта Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией. 5 октября 2007 г. главами государств СНГ образован Совет руководителей миграционных органов государств — участников СНГ, которому отведена основная роль в координации сотрудничества по всему спектру миграционных проблем [8].

Современная обстановка, характеризующаяся большим количеством нарушений в области прав граждан в миграционных процессах, ростом незаконной миграции, захлестнувших государства на постсоветском пространстве, а также сопутствующими различными негативными факторами, является логическим обоснованием необходимости разработки мер и механизмов конституционно-правового регулирования в области совершенствования межведомственного взаимодействия государственных органов государств — членов ЕАЭС по вопросам миграции.

В процессе настоящего исследования, а также на основании полученных результатов опроса сотрудников Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области целесообразным видится создание проекта нормативно-правового акта «Концепция интеграционного взаимодействия государственных органов государств — членов ЕАЭС по вопросам миграции и качественного трудоустройства мигрантов ЕАЭС на 2025–2030 годы». Данная Концепция подготовлена в соответствии с нормами конституционного права и при использовании положительного опыта иностранных государств. Ее основная цель заключается в приведении к единоначалию (единству и равенству) правовой системы ЕАЭС в сфере миграционных правоотношений. Неотъемлемой задачей Концепции служит создание благоприятных условий для межведомственного взаимодействия государственных органов государств — членов ЕАЭС в вопросах миграции.

Литература

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории [Электронный ресурс]. М.: АСТ, 2018. 95 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=626019&p=80> (дата обращения к ресурсу: 08.05.2021).
2. Об утверждении Инструкции о порядке организации работы при рассмотрении ходатайства о предоставлении статуса беженца, дополнительной защиты или убежища в Республике Беларусь, заявления о продлении срока предоставления дополнительной защиты в Республике Беларусь, заявления о содействии в воссоединении семьи, принятии решений об утрате, аннулировании статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь и подготовке предложений о необходимости принятия решений об утрате или о лишении убежища в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 22 июня 2017 г. № 173 // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=99789 (дата обращения: 16.04.2020).
3. Информация Федеральной миграционной службы и Министерства внутренних дел Республики Беларусь о сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь в области борьбы с незаконной миграцией [Электронный ресурс]: приложение к резолюции Совета Министров Союзного государства от 12 декабря 2012 г. № 9. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=58303 (дата обращения: 25.01.2021).

4. О взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе в области развития и реформирования правоохранительных органов и иных государственных органов Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: меморандум от 16 июля 2016 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84961 (дата обращения: 26.01.2021).
5. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о правовом статусе представительства Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики в Российской Федерации от 15 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420283265> (дата обращения: 25.02.2021).
6. О сотрудничестве [Электронный ресурс]: соглашение между Следственным комитетом Республики Беларусь и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан от 25 октября 2019 г. // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=120689 (дата обращения: 25.01.2021).
7. О государственной гражданской и муниципальной службе [Электронный ресурс]: модельный закон от 13 апреля 2018 г. № 47-11. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=117582 (дата обращения: 26.01.2021).
8. *Сибагатуллина Э. Т.* Миграционная политика России и СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 222–227.

Контактные данные:

Полунина А. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: a.polunina90@mail.ru.

Contact Details:

Polunina A. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: a.polunina90@mail.ru.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегль) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.

- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге АО «Почта России» — ПП620**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 449-08-33, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *Ярцева О. В.*
Выпускающий редактор *Салина В. В.*
Редактор-корректор *Чулкова Е. С.*
Компьютерная верстка *Шмелёв М. Ю.*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Сдано в набор 01.06.2021.
Дата выхода в свет 14.07.2021.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,71. Усл. печ. л. 15,25.
Тираж 100 экз. Заказ № 530.

Цена свободная

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики